

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
СОВЕТ МОЛОДЫХ УЧЁНЫХ

Initia

Инициа

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛЬНЫХ НАУК**
(6–7 мая 2011 г. и 27–28 апреля 2012 г.)

XIII и XIV Всероссийская конференция молодых учёных

Под редакцией И.А. Ершовой

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2014

УДК 3+1
ББК 6
Т78

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ

Председатель – **Г.Е. Дунаевский**, проректор по научной работе ТГУ

Ответственный секретарь конференции – **И.А. Ершова**, доцент, к. полит. н., ТГУ

А.Ю. Рыкун, декан, профессор, ТГУ

С.А. Шпагин, доцент, к. ист. н., ТГУ

И.А. Эннс, доцент, к. филос. н., ТГУ

О.Г. Мазаева, доцент, к. филос. н., ТГУ

В.Н. Сыров, профессор, д. филос. н., ТГУ

И.В. Черникова, профессор, д. филос. н., ТГУ

В.В. Кашпур, доцент, к. соц. н., ТГУ

А.И. Щербинин, профессор, д. полит. н., ТГУ

Г.В. Можаяева, доцент, к. ист. н., ТГУ

Т78 Труды Томского государственного университета. – Серия общенаучная: Initia (Инициия). Актуальные проблемы социальных наук (6–7 мая 2011 г. и 27–28 апреля 2012 г.) : XIII и XIV Всероссийская конференция молодых учёных / под ред. И.А. Ершовой. – Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2014. – Т. 293. – 108 с.

ISBN 978-5-9462-1460-5

В сборнике опубликованы материалы докладов, представленных на XIII и XIV Всероссийской конференции молодых учёных «Актуальные проблемы социальных наук», прошедшей 6–7 мая 2011 г. и 27–28 апреля 2012 г. в Томском государственном университете.

Для преподавателей, аспирантов и студентов, а также научных сотрудников, интересующихся проблемами научного познания.

УДК 3+1
ББК 6

ISBN 978-5-9462-1460-5

© Томский государственный университет, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

<i>Углинская Н. А.</i> Кризис ценностных оснований культуры как проблема	5
<i>Шкурихин И. А.</i> Проблемы прогнозирования политических процессов в России	8

ОНТОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

<i>Васильева И. А.</i> Предварительное исследование трансформации роли денег в современной православной культуре	12
<i>Васильева И. А.</i> Качественный аспект изучения денег	15
<i>Вовченко В. И.</i> Границы интерпретации в философии Х. У. Гумбрехта	18
<i>Кручинин Э. А.</i> Проблема применимости этических систем сегодня. Возможные решения	23
<i>Малахова Ю. Н.</i> Дистанционное обучение и гуманитарное образование	26

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

<i>Аюшева Д. М.</i> Проблема эволюции сознания в философии науки	29
<i>Филипповский В. А.</i> Системный подход как универсальная методологическая парадигма	33
<i>Яткина Е. О.</i> Сравнительный анализ подходов М. Хайдеггера и К. Поппера к пониманию науки	38

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ, ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА И ЛОГИКА

<i>Алескерова Л. М.</i> Социальная критика Мишеля Фуко: интеллектуалы и власть	42
<i>Пивоваров В. О.</i> Проблема антропологических характеристик теории общественного договора Т. Гоббса, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо	45
<i>Прохоров М. П.</i> Проблема качества и границы в физической реальности	47
<i>Санжениаков А. А.</i> Проблема блага в доклассический и классический периоды греческой философии	49
<i>Филипповский В. А.</i> О некоторых особенностях метода математической индукции	53

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНЫХ И ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК

<i>Чубарь П. И.</i> Интерпретация фотографии М. Маклюэнном	58
--	----

ГУМАНИТАРНАЯ ИНФОРМАТИКА

<i>Чекунова А. В.</i> Речевой статус коммуниканта в письмах фишинг-спама на примере социальной сети vk.com	62
--	----

<i>Чекунова А. В.</i> Речевые стратегии в письмах фишинг-спама в социальных сетях и ИМ	66
--	----

ПОЛИТОЛОГИЯ

<i>Алёхина А. Ю.</i> Политическая реклама в контексте виртуальной реальности (теоретический аспект)	70
<i>Алёхина А. Ю.</i> Роль СМИ в формировании имиджа политического лидера	73
<i>Валова А. И.</i> Виртуальная политическая реальность: сущность и механизм конструирования	76
<i>Воеводин Н. А.</i> Проблема легитимности или воля народа в обосновании власти	80

СОЦИОЛОГИЯ

<i>Берёзкин А. Ю.</i> Визуальный образ жилого района: метод фиксации мнений горожан	84
<i>Каширина (Вернер) М. В.</i> Экзамен как фальсеологическая процедура в оценках преподавателей и студентов учреждений высшего образования	89
<i>Моисеев С. П.</i> Социальные практики сотрудников инновационной инфраструктуры вузов в сфере коммерциализации научных разработок	93

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА

<i>Карманьшева А. В.</i> Мотивация принятия детей, оставшихся без попечения родителей, в семью	97
<i>Слободская А. В.</i> Анализ отношения студентов ТГУ к наркозависимым	101

Данные об авторах	105
--------------------------------	-----

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ**КРИЗИС ЦЕННОСТНЫХ ОСНОВАНИЙ КУЛЬТУРЫ КАК ПРОБЛЕМА**

Н. А. Углинская

Научный руководитель – д. филос. н. В. Н. Сыров

Томский государственный университет

В настоящее время тема кризиса особо актуальна не только для России, но и для всего мира. Сейчас в нашей стране период накалённых митинговых страстей, агрессивность по отношению к религии и в самой религиозной сфере (ярким примером чего явилась ситуация вокруг выступления в храме Христа Спасителя группы «Pussy Riot»). На Западе мы можем наблюдать кризис либеральной системы, происходит доведение ценностей либерализма до абсурда (например, в Норвегии – дело А. Брейвика). При этом особую тревогу вызывает специфика восприятия процессов, происходящих в современном мире, которая заключается в ощущении неопределённости смысла и направленности многочисленных изменений, а значит неопределённости в их оценке и характере действий.

Многие деятели культуры, философы, политики понятие кризис употребляют в самых разнообразных сочетаниях, в основном экономического характера – «мировой финансовый кризис», «кризисный ребрендинг», «кризисный тариф», «антикризисные меры» и т.д. Однако для рефлексирующих людей не вызывает сомнения тот факт, что экономический кризис, как и политический, религиозный – это, по существу, кризис культуры, точнее её ценностных оснований.

За всей лавиной «кризисной лексики» в философской литературе можно выделить два основных понимания кризиса ценностных оснований культуры: во-первых, кризис как сигнал изменения ценностных оснований культуры с неопределённостью последствий; во-вторых, кризис как отрицательное изменение в ценностных основаниях культуры, как опасность, которая может привести к гибели отдельных обществ и человечества в целом. Таким образом, в вопросе кризиса ценностных оснований культуры проблема появляется оттого, что либо не понятно в каком направлении идут изменения, либо произошедшие культурные перемены или их динамика оцениваются негативно.

Часто в ситуации неопределённости формируемых ценностей проблему видят в том, что они отрицательны. Но этимология слова «кризис» позволяет считать, что кризис – это сигнал, развилка, перепутье, аксиологически индифферентное понятие. Например, кризис науки – знак её зрелости – наука настолько уверена в своих принципах, что может позволить себе их пересмотреть, потребовать от них большей убедительности.

Поэтому, нам кажется, что ошибаются авторы, высказывающие мнение о том, что кризис ценностей заключается в определённых «плохих» ценностях: сугубо материальных, безнравственных, антигуманных. Ведь, исходя из

этимологии слова «кризис», не может быть кризисных ценностей, – в кризис ценности ещё не сформировались. Кризис ценностей заключается в том, что их переосмысливают. Но тогда и проблемой он становится из-за своих неопределенных сути и последствий. Представляется, что проблема кризиса ценностных оснований культуры заключается в том, что, осознавая отсутствие однозначных сложившихся ценностей, по их поводу со стороны многих исследователей существуют аксиологически предельные высказывания. Появляется несоответствие между их моральными нормами и реальностью. Ситуация, когда всё плохо или хорошо – это положение после или перед кризисом.

Всплеск рассуждений о кризисе начался с конца XIX века и продолжается по сегодняшний день. Но мнения о кризисе в XX и XXI веках отличаются друг от друга. Если в первой половине XX века высказывали аргументированные и завершённые теории, то сейчас кризис превратился в расплывчатое неуловимое понятие, которое многие авторы используют для актуализации своих концепций, для придания им яркого звучания.

В связи с этим, появляется вопрос: существовал ли кризис в XX веке, и есть ли он сейчас?

По словам русско-американского социолога и историка культуры П. А. Сорокина (1889–1968), люди его времени жили в эпоху кризиса как перехода от одной формы культуры (чувственной) к другой [3]. Чувственная форма характеризовалась культурой потребления, смещением духовных ценностей материальными и т. д.

Но о том, что наша культура – это культура потребления со всеми вытекающими последствиями, писали после П. А. Сорокина и продолжают писать современные авторы. Так, немецко-американский философ и психоаналитик, автор словосочетания «общество потребления», Э. Фромм в 1955 г. в произведении «Здоровое общество» [4] применял это понятие к странам с высоким количеством товаров и, соответственно, запросов, рост которых ставит людей в зависимость от потребностей.

В 1970 г. французский философ Ж. Бодрийяр (1929 – 2007) в одноименной книге «Общество потребления» [2] описывал современное западное общество как охваченное кризисом: потребление распространяется на все сферы общества и на отношения между людьми. В таком обществе исчезают межличностные отношения между людьми, они замещаются культом неискренней приветливости и социальной заботы. Человек лишается идентичности и перестает понимать себя в отрыве от других. Он становится средством в обществе потребления.

Через столетие после первых исследований кризиса британский социолог З. Бауман в книге «Индивидуализированное общество» (2001 г.) пишет: «Вопреки постулатам Аристотеля, понятия добра и зла в их нынешней, “приватизированной” форме не создают ныне представления о “справедливом обществе”...» [1].

Многие современные отечественные и западные исследователи также выделяют в современной культуре признаки её чувственной формы, и, опираясь на предшественников, называют современное общество «обществом потребления».

Значит ли это, что переход от одной формы культуры к другой не был сделан, культура весь век пребывала в своей чувственной форме, и мы до сих пор находимся в кризисе? Как было сказано выше, кризис – это не результат, а процесс, в котором ценности ещё не сформировались окончательно, поэтому в ситуации кризиса нельзя культуре придать какие-либо свойства вроде «культуры потребления» и т.п. Но в XX веке практически все авторы придавали культуре одинаковую ценностную окраску. Современные же авторы не могут прийти к единому мнению о том, есть ли кризис культуры. С одной стороны, в современной культуре, казалось бы, присутствует кризис ценностей, и многие об этом пишут. С другой стороны, вроде бы то, что называют кризисом – это необходимость времени, и происходит осмеяние пафоса громких речей об опасности этого феномена.

Представляется, что пустые неаргументированные крики о кризисе свидетельствуют именно о том, что он есть. Ведь о процессе, лишённом установившихся ценностей, невозможно вынести однозначное суждение.

В такой ситуации важно не смешивать проблему кризиса культуры и проблему последствий кризиса культуры. Кризис культуры становится проблемой, когда человек или общество «застревают» в ситуации переосмысления, т.е. отсутствия всяческих идеалов, и по какой-либо причине не совершают выбор в пользу тех или иных ценностей, но при этом продолжают высказывать мнения по поводу того, что такое хорошо, а что плохо.

Литература

1. *Бауман З.* Индивидуализированное общество. [Электронный ресурс] – Библиотека РГИУ, 2002; перевод с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. URL: www.i-u.ru (дата обращения: 09.09. 2009).
2. *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. Е. А. Самарской. – М.: Культурная революция; Республика, 2006. – 269 с.
3. *Сорокин П. А.* Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов: Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
4. *Фромм Э.* Здоровое общество. Догмат о Христе / Э. Фромм. – М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. – 571. [5] с.

ПРОБЛЕМЫ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РОССИИ

И. А. Шкурихин

Научный руководитель – д. полит. н. А. И. Щербинин

Томский государственный университет

Политический прогноз является одним из самых сложных видов прогноза. По мнению В. Клиторина, по степени сложности прогнозы можно выстроить в следующий ряд: демографические, технологические, экономические и социально-политические. Сложность политических прогнозов связана, во-первых, с многообразием и внутренней сложностью самих политических акторов (от лидеров до политических партий), во-вторых, с неисчислимым числом факторов, влияющих на принятие ими тех или иных решений, а также, с характерными для политики латентными формами взаимодействия. Учесть все факторы, влияющие на политический процесс, не представляется возможным, поэтому обязательным условием успешного прогнозирования является чуткость аналитиков по отношению к актуальным тенденциям. Если в астрологии и футурологии в широком смысле чуткость основана главным образом на внутренних предчувствиях, то по отношению к политике требуются знания общих закономерностей политических процессов, богатое творческое воображение и регулярный мониторинг событийных рядов происходящих процессов. Первые два компонента относятся к личностным профессиональным качествам экспертов, третий – требует создания и постоянной работы аналитического центра.

В качестве объекта анализа в настоящей статье выступают прогнозные суждения российских экспертов, руководителей крупных аналитических центров о трансформациях политической системы и отдельных её сегментов. Мы исходим из предположения, что данные суждения являются продуктом деятельности аналитических центров, а не просто частным мнением экспертов. Таким образом, мы можем косвенно оценить потенциал прогностической деятельности ведущих российских центров.

При анализе суждений нас будет интересовать преимущественно их формальная часть. Содержательная критика потребовала бы сопоставимых объёмов знаний о текущих политических процессах, на что мы в настоящий момент, конечно, не претендуем. Формальный анализ будет строиться, исходя из научных стандартов построения прогностических суждений. Прогноз в отличие от предсказания предполагает научно обоснованное и вероятностное суждение о будущем состоянии системы [1, 2, 3]. Вероятностный аспект суждения исходит из философско-методологических принципов открытости и альтернативности будущего [1. С. 27]. Как пишет А. С. Ахременко: «Именно установление такого «веера» основных альтернатив и факторов, влияющих на вероятность их осуществления, составляет в самом общем виде задачу политической прогностики» [1. С. 25]. Научные обоснования прогнозов можно свести к трём видам, основанным на 3-х видах информации о будущем [2]:

1. оценка перспектив развития, будущего состояния прогнозируемого явления на основе опыта, чаще всего при помощи аналогии с достаточно хорошо известными сходными явлениями и процессами;

2. условное продолжение в будущее (экстраполяция) тенденций, закономерности развития которых в прошлом и настоящем достаточно хорошо известны;

3. модель будущего состояния того или иного явления, процесса, построенная сообразно ожидаемым или желательным изменениям ряда условий, перспективы развития которых достаточно хорошо известны.

Согласно автору «прогнозная оценка обязательно включает в себя элементы экстраполяции и моделирования» [2]. Таким образом, если без первого вида информации, собираемого посредством социальных опросов, аналитик в принципе может обойтись, то отсутствие второго и третьего может серьёзно подорвать научные основания прогнозного суждения.

Формальный анализ позволит нам определить степень научности политических прогнозов российских экспертов, а также характер использования ими методологического аппарата политической прогностики.

Наиболее активно прогнозная деятельность развивается в периоды наименьшей определённости. Именно попыткой устранить высокую степень неопределённости объясняется прикладное значение политических прогнозов. Известно, что в политической жизни неопределённость генерируется электоральными процессами. Ниже мы предлагаем критический анализ прогнозов, опубликованных в газете «Время новостей» за 8.09.2003 г. [4]:

Д. Орешкин, руководитель группы «Меркатор», за три месяца до выборов отметил, что *«сейчас предсказывать результаты бесполезно: политическое пространство ещё не структурировалось»*. Подобный ход мысли довольно примечателен тем, что предлагает строить прогнозы только с некоторого уровня определённости. В его основе лежит предпосылка о высокой точности прогноза, без достижения которой бессмысленно выдвигать какие-либо предположения. Прогностическая наука в отличие от практики не может снять с себя задачу прогнозирования в условиях высокого уровня неопределённости, в частности, она разработала инструментарий сценирования, который позволяет соотнести вероятности возможного развития событий. На первый взгляд простая фраза: *«Хорошие шансы у Жириновского, потому что у него своя ниша, и он никому не мешает. Это договороспособный человек, и у него, как это ни странно, обстановка самая спокойная. ЛДПР может набрать около 10%. А может и больше, смотря как часто его будут допускать к телевизору»* [4], – содержит немало предпосылок. Во-первых, рейтинги ЛДПР и Жириновского фактически отождествляются, во-вторых, электорат ЛДПР не пересекается с электоратом других партий и является практически фиксированным, в-третьих, на политическом поле у ЛДПР нет врагов, а их лидер умеет договориться с людьми, которые управляют ходом избирательного процесса. И, наконец, динамика электорального рейтинга партии напрямую связывается с частотой появления их лидера в телевизионных СМИ. Таким образом, чтобы оценить ёмкое суждение эксперта нужно как минимум разобраться в предпосылках, которые в нём изначально заложены. Далее Орешкин оценивает стратегические перспективы СПС: *«Правые» оказались единственной партией без кремлёвской поддержки и даже наоборот. СПС вынужден резко менять имидж и стать более агрессивным и жёстким – идти в сторону Чубайса. Если СПС останется такой же – ни рыба, ни мясо, – он обречён на поражение»* [4]. При

формировании данного суждения эксперт несколько зауживает рамки моделируемой ситуации. Дело в том, что при формировании имиджевой стратегии СПС ключевую роль играет не только и даже не столько уровень поддержки Кремля, сколько символическое расположение относительно конкурентов и предпочтения тех сегментов электората, за которые имеет смысл вести политическую борьбу. Формат кратких и ёмких суждений о будущем в данном случае привёл к усечению смысловой границы ситуации. Конечно, эксперты не могут охватить всю ситуацию целиком, но без учета основных её компонентов делать прогнозы динамики развития преждевременно.

И. Бунин, директор Центра политических технологий, сформулировал свою позицию относительно электоральных перспектив КППРФ следующим образом: *«КППРФ на этих выборах будет более консервативной, чем в предыдущие годы. Вопрос в том, насколько консервативные тенденции в компартии понизят её электорат. Если сильно, то она может спуститься до 22-23% голосов. Если не сильно, то она останется в пределах 27-30%»* [4]. В качестве доминирующего фактора, определяющего уровень электоральной поддержки КППРФ, эксперт выделил её политико-идеологическую ориентацию, и указал в качестве прогноза диапазон возможных воздействий данного фактора на итоговый результат. В качестве основания для такого прогноза не хватает установления зависимости между консервативной политикой партии и уровнем её электоральной поддержки (это особенно важно в связи с тем, что этот тренд является относительно новым). Также, судя по крайним границам прогноза: 22% и 30%, – влияние данного тренда на электорат для эксперта трудноуловимо. Для повышения точности прогноза нужно провести экстраполяцию консервативных тенденций на текущий политический процесс с учётом исторического опыта. В отношении правых партий эксперт сделал более твёрдый прогноз: *«Можно почти с полной уверенностью сказать, что «Яблоко» перейдет 5-процентный барьер, но не наберёт больше 7-8%. Что касается СПС, то я практически уверен, что СПС перейдет 5-процентный барьер, но у неё есть некоторый риск»*. Зная результаты декабрьских выборов, мы можем утверждать, что эксперт серьезно ошибся в своём прогнозе. Логично предположить, что ошибка вызвана недостаточно глубокими аргументами для выдвинутых суждений. Неэксплицированность оснований прогнозного суждения в свою очередь привела к некритичному подходу к их оценке. При таком подходе исчезает потребность в критической рефлексии и совершенствовании качества прогнозирования. Контрастом полной уверенности выступает следующее суждение эксперта: *«Ещё одна загадка выборов – блок Глазьева. Он может стать ещё одним сюрпризом выборов. Пока он построен только на том, что Глазьев есть популярная фигура для левого протестного электората. Он может получить 2-3% – если всё будет технологически плохо сделано, и 8-9% – если Глазьев окажется новым Лебедем»* [4]. Мы видим, что разброс прогнозных оценок эксперта связан, главным образом, с представлениями о технологических возможностях в российской политике. Но в таком случае выглядит несколько странным непризнание таких возможностей за правыми силами... По крайней мере, здесь не хватает аргументации.

В. Федоров, директор Центра политической конъюнктуры: *«Коммунистам же придётся решать внутреннюю проблему на левом фланге, куда нацелился не*

только «Конгресс русских общин» Глазьева, но и партия Селезнёва, и Народная партия Райкова. Единственное, что может помочь КПРФ, – это низкая явка: чем выше она будет, тем хуже для левых, поэтому резонно ожидать от них действий по дискредитации выборов вообще. В зависимости от «поражающего эффекта» этой кампании КПРФ может заработать от 18 до 25% голосов избирателей» [4]. Итоговый прогноз является продуктом цепочки зависимостей: повышение конкуренции на левом фланге создает для КПРФ условия, когда их главной задачей становится снижение явки; снижение явки в свою очередь достигается посредством дискредитации выборов; эффективность применения данной стратегии обусловит конечный результат партии. Построение таких цепочек, пусть и небольших, является весьма полезной стратегией сценарного прогнозирования.

Далее Федоров оценивает перспективы СПС: «Ситуация с СПС не вполне ясна: если на правом фланге ничего не изменится, партия пятипроцентный барьер не возьмёт. Но возвращение Чубайса в качестве не только финансиста, но и организатора и публичного политика может так «разогнать» партию, что она повторит успех 1999 года (8%)» [4]. Фактически эксперт выстраивает два сценария, которые определяются политическим выбором А. Чубайса. Если он останется в стороне, то партия не сможет изменить невыгодный для неё расклад, в случае «возвращения Чубайса» партия сможет пройти в Думу. Логика довольно простая, настолько простая, что не верится в то, что она исчерпывает всю проблему. Скорее, обозначенные варианты следует рассматривать как общие альтернативы, внутри которых возможны многочисленные комбинации.

Анализ небольшой группы прогнозных суждений позволяет нам утверждать лишь то, что прикладное прогнозирование не всегда пользуется научным аппаратом, что в свою очередь неизбежно снижает качество итоговых прогнозов. В этом мы можем удостовериться, если сравним большинство из них с итоговыми результатами парламентских выборов 2003 года.

Литература

1. Ахременко А. С. Политический анализ и прогнозирование: учебное пособие. – М.: Гардарики, 2006. – 333 с.
2. Бестужев-Лада И. В. Социальное прогнозирование. [Электронный ресурс] – М.: Педагогическое общество России, 2002.
URL: <http://www.i-u.ru/biblio/archive/socprogn/9.aspx> (дата обращения: 1.04.2011).
3. Симонов К. В. Политический анализ: учебное пособие. [Электронный ресурс] – М.: Логос, 2002.
URL: http://www.i-u.ru/biblio/archive/politihteskiy_analis/01.aspx#_ftnref16 (дата обращения: 1.04.2011).
4. Пять победителей от российских политологов // Время новостей. – 2003. – 8 сентября. URL: <http://www.vremya.ru/2003/166/13/79547.html> (дата обращения: 1.04.2011).

**ОНТОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ
И СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ****ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ РОЛИ
ДЕНЕГ В СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЕ**

И. А. Васильева

Научный руководитель – д. филос. н. Г. И. Петрова

Томский государственный университет

На реализацию идеи глобализации в западноевропейской культуре претендовали ислам, ветхозаветный и новозаветный иудаизм, но исторически этот процесс стал проходить под эгидой христианского универсализма: «Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа» [1]. Православная культура как часть христианской культуры брала под своё крыло народы и тем самым расширялась. Современный исследователь В. Петров отметил, что существуют «...два разных направления «христианской глобализации» (освоение мира): западное католическое (Колумб – 1492 г.) и восточное православное русское (после падения Византии в 1453 г. и национального освобождения в 1480 г.). Западные христиане пошли на Запад в Америку и Западную Африку, русские – на Восток к Тихому океану» [2. С. 233].

Сегодняшние глобализационные процессы во многом начались и идут по западному образцу. Эту позицию придерживаются большинство ученых, среди которых В. Иноземцев, Ю. Гранин, В. Чешев и др. Они объясняют процессы унификации русской культуры экспансией евро-атлантического блока, США и крупнейших стран Европы, «вестернизацией», где: «...глобализация, как процесс объединения человечества, совершается не добровольно, не как всечеловеческое единство, он совершается принудительно» [3. С. 13]. Влияние западного проекта глобализации заставляет человека жить рыночными интересами и руководствоваться деньгами как абсолютным императивом, поэтому справедливо говорить о перевороте в российском массовом сознании в сторону абсолютизации роли денег: «Сегодня локомотивы глобализации базируются на западной модели цивилизации, включающей процессы секуляризации и культ «золотого тельца», о чём свидетельствует главенство финансового капитала в мире. Нематериальная жизненная ориентация России, «подпитанная» православной традицией, находится в прямом противоречии с самим характером процесса глобализации» [4. С. 162].

Дефиниция «православная культура» сегодня не имеет чёткого обозначения: «...определение «православная», понимаемое как свойство культуры, неизбежно сопрягается с православным пониманием «православности», связанным с неуловимым для науки и потому до конца невыразимом на понятийном уровне, представлением о «богоугодности» культурной деятельности» [5]. Если дореволюционную российскую культуру можно было назвать православной в силу того, что преобладающая часть людей была прихожанами православной церкви, то сегодня обозначение этого понятия

обсуждается в научных дискуссиях. В связи с этим можно выделить несколько основных подходов к определению этого понятия.

Богословский подход ограничивает православную культуру церковной деятельностью и настаивает на традиции противопоставления церкви и культуры, таким образом, употребление термина «православная культура» теряет смысл. Краеведческий подход понимает историю православия в отдельном крае. Культурологический подход определяет объём понятия «православная культура» как исторически изменчивый социальный опыт людей, определяющих себя как православных, причём не всегда поддерживаемых РПЦ: «...современное российское православное сообщество состоит во многом из неофитов, людей крещёных, но невоцерковлённых» [6]. Эта позиция наиболее полно из существующих отражает то, что подразумевают под «православной культурой», употребляя это понятие в публицистике и научной литературе. Стоит сказать, что православные традиции староверов заслуживают отдельного внимания, и в данной работе рассматриваться не будут.

Вопрос о роли денег в современной православной культуре стал занимать значительное место со времён включения России в рыночное хозяйство в конце XX и начале XXI века. Православные богословы стали активно обсуждать роль денег, ведь сегодня эта тема уже не лежит вне сферы духовного: «Нелегко говорить на эту тему в наше время, когда стремление к обогащению предлагается нам как некий идеал жизни» [7]. Выступления патриарха Алексия II и патриарха Кирилла, официальные документы и заявления в прессе РПЦ указали на внутренние противоречия в русской православной церкви в этом вопросе. Богословская литература не даёт четкого ответа. Существуют немногочисленные рассуждения, касающиеся роли денег в России, современных отечественных философов: Г. Петровой [8], Т. Горичевой [9], Е. Сильновой [4], А. Долгина [10], А. Яковлевой [11]. Данные исследовательские работы ставят проблему изменения роли денег, но рассуждения зачастую противоречат друг другу, отсюда и необходимость внести ясность в эти дискуссии и выяснить роль денег в русской православной культуре сегодня. Где же истина этих отношений?

Денежные стимулы приобретают всё большее значение в русской православной культуре: «Православие больше не отрицает высокую значимость материальных благ, так как в современности это становится условием выживания» [13. С. 306]. Все слои населения соприкасаются плотно с деньгами. Потребительские иски, моральный вред, страдания начинают измеряться деньгами. Как отмечает Х. Мехлер: «Вряд ли сегодня можно найти предмет, более запутанный, чем «деньги». Особенно это актуально для России, великой страны, в которой такие термины, как «деньги», «капитал», «капитализм» уже более века носят негативный характер» [14. С. 248].

Пределы функциональности денег сняты. Они прочно вошли в семейный быт, досуг и в другие ранее считавшиеся внеэкономические сферы жизни: «Несомненно, что традиционный образ России, базирующийся на духовно-целостной основе общечеловеческой ментальности, соборном самопонимании, наиболее выразительно представленный в русском национальном характере, вошёл в столкновение с мировой глобализирующей реальностью» [5. С. 161].

Таким образом, мы явно можем сказать о наличии трансформации роли денег в современной русской православной культуре. Этот феномен нуждается в

широком научном обсуждении, так как деньги являются частью не только нашей материальной, но и духовной культуры.

Литература

1. *Мф.* 28, 19.
2. *Петров В. К.* Российский ответ: сценарии развития России в условиях глобализации // Экономическая теория в XXI веке. Под ред. Осипова Ю. М., Чекмарева В. В., Зотова Е. С. / В 2-х т. Т.1. – М.: Экономистъ, 2004. – С. 232-240.
3. *Чешев В. В.* Проблема общечеловеческой солидарности в русской культуре // Исторические корни российской ментальности: Материалы Всероссийской научной конференции, Томск, 14-5 июня 2002 г. – Томск: Изд-во НТЛ, 2002. – С. 12-18.
4. *Сильнова Е. И.* Традиционный образ России и современный мир // Философия и общество. – № 4. – 2009. – С. 154-163.
5. *Озмитель Е. Е.* Православная культура и научные подходы к ее изучению // Научно-издательский экспертный центр «Наука и Слово». URL: <http://www.nauka-slovo.ru/node/155> (дата обращения: 02.05.2012).
6. *Беседы с отцом Сергием.* О богохульстве. [Электронный ресурс]. URL: <http://simvol-veri.ru/xp/besedi-s-otcom-sergiem.-o-bogoxulstve.html> (дата обращения: 28.04.2012).
7. *Слово* Святейшего Патриарха Кирилла после Литургии Преждеосвященных Даров в Великую среду [Электронный ресурс] // Русская православная церковь. Официальный сайт Московского Патриарха. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1456446.html> (дата обращения 01.03.2012).
8. *Петрова Г. И.* Деньги с богом или бог с деньгами? (О русской национальной идее и ее денежной «составляющей») / А.В. Ложникова, Г.И. Петрова // Вестник Томского государственного университета. – Сер. Философия. Социология. Политология. Культурология. – 2005. – № 287. – С.186-191.
9. *Горичева Т. М.* Православие и постмодернизм. [Электронный ресурс] – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1991. – 64 с. URL: http://spbu.academia.edu/KateNaumova/Books/920401/_ (дата обращения: 01.02.2012).
10. *Долгин А.* Манифест новой экономики. Вторая невидимая рука рынка. – М.: «АСТ», 2010. – 256 с.
11. *Яковлева А.* Иностранцам трудно понять...: экономия и деньги в русской ментальности и в Европе [Электронный ресурс] // Предпринимательство. – 2002. – №1/2. – С. 34-41. URL: http://www.ng.ru/style/2000-03-07/16_difficult.html (дата обращения 02.02.2012).
12. *Скомский Л. В.* Идея успеха в западном и российском обществе на фоне глобализации // Сборник материалов X Всероссийской конференции молодых учёных с международным участием «Актуальные проблемы социальных наук» (24-25 апреля 2008 г.) и XI Всероссийской конференции молодых учёных с международным участием «Актуальные проблемы социальных наук» (24-25 апреля 2009 г.). – Томск: ТМЛ-Пресс, 2010. – Вып. 10-11. – С. 302-307.
13. *Мехлер Х.* Деньги не пахнут, или Путь к финансовой независимости. – М.: Олимп, 2007. – 248 с.

КАЧЕСТВЕННЫЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ДЕНЕГ

И. А. Васильева

Научный руководитель – д. филос. н. Г. И. Петрова

Томский государственный университет

Деньги как феномен культуры можно рассматривать в количественном и качественном аспекте. На вопрос о сущности денег достаточным образом ответила экономическая теория. Сущность денег заключается в совокупности характеристик, которые исходят из функционирования денег. Характеристики – это функции денег, и они исторически наслаивались. В этом смысле деньги прошли большой путь в своём развитии: от обычного натурального излишка до металлических, бумажных и виртуальных денег. В явном материальном виде деньги представлены в количественном аспекте и выполняют ряд общеизвестных функций: деньги как средство платежа, как средство накопления, обмена, как мировые деньги и т.д. Эти функции денег продолжает изучать экономическая теория.

Современные толковые словари рассматривают деньги исключительно с позиции их экономического количественного аспекта, представляя их универсальным эквивалентом любых товаров, таким образом поддерживая экономическую точку зрения. При этом, избегая религиозно-философских предпосылок хозяйства, «... фундаментальные религиозно-аскетические понятия, такие как “самозабвенный” и “безгрешный”, не имеют внутри экономической жизни никакого смысла» [6. С. 501]. Количественный аспект изучения денег представляет для современников больший интерес, нежели качественный аспект, и до сегодняшнего времени осмысление денег проходило в большей степени исключительно в экономическом ключе. Экономический взгляд на деньги вряд ли может претендовать на объективность, так как не отталкивается от «души родов, сословий, народов и их формирующей силы» [6. С. 497]. Количественный аспект денег представляет их универсальным эквивалентом, забывая о том, что деньги – это ещё и социальная реальность.

Но разнообразие восприятия денег наглядно. Рассчитываясь деньгами, люди невольно выдают качественный аспект денег (деньги могут быть честными, быстрыми, грязными и пр.). Это восприятие едва ли возможно объяснить экономическими факторами. Индивидуальное восприятие денег изучает психология. Наиндивидуальный, интересубъективный уровень восприятия денег относится к области исследования философской антропологии, которая изучает разные реальности людей в их единой культурной общности.

Между тем качественный подход к деньгам отмечал ещё Г. Зиммель: «Если философия денег должна существовать, то располагаться она может только за пределами обеих границ экономической науки <...> она может продемонстрировать те предпосылки, заложенные в душевной конституции, в социальных отношениях, в логической структуре действительностей и ценностей, которые указывают деньгам их смысл и практическое положение» [3. С. 310].

Неосознаваемая составляющая денег, их имидж, роль в обществе ограничивает экономические функции денег, так как природа денег носит, в том

числе и нематериальный характер. Деньги всегда играли существенную роль в жизни людей, «все хозяйственные люди стремились к прибыли <...> существуют различия в степени между рассчитывающим крестьянином средневековья и современным банкиром, между стремлением к прибыли ремесленника и магнатом американского треста» [4. С. 10-11]. И это различие носит исключительный качественный характер. Стремление обладать деньгами существовало во все исторические эпохи, но при этом деньгам в разных культурах придавалось разное значение. Освальд Шпенглер писал: «У всякой культуры имеется, как свой собственный способ мыслить деньгами, так и присущий ей символ денег, с помощью которого она делает зримым свой принцип оценки в сфере экономической картины. Это «нечто», материализация существовавшего в мышлении, оказывается абсолютно равнозначным проговариваемым, выписываемым, вычерчиваемым для уха и глаза цифрам, фигурам и другим математическим символам, оно является глубокой и богатой сферой, остающейся почти совершенно неисследованной» [6. С. 520].

Качественный аспект изучения денег отмечен обострением вопросов интеграции культур под действием процесса глобализации. Результатом этой интеграции является превращение мира в «арифметическую задачу» [8. Р. 346]. Проблема уже не ставится таким образом: «А можно ли нам бомбить Ирак или Сербию?»; или «А допустимо ли, чтобы старики рылись в мусорных баках?». Вместо этого – всего лишь: «Какой именно суммы не жалко, чтобы разбомбить Ирак?»; или «Насколько эффективны реформы, после которых старики стали рыться в отбросах?». Такую сплошную арифметику теперь называют универсальной рыночной рациональностью. Это то, что называл Н. А. Бердяев «ложной метафизикой» [1. С. 599], где признаётся мир объектов первичной реальностью, мир же субъекта – вторичной. Говорить о проблеме денег как о культурном феномене позволяет предсказанный Н. А. Бердяевым всемирный гуманитарный кризис, где «человеческое» отодвигается на второй план. Этот кризис «обостряет и оттачивает философскую рефлексию...» [5. С. 3].

На сегодняшний день нет универсальной экономической культуры, так как она есть отражение многомерной человеческой души и, как заметил О. Шпенглер: «Всякая экономическая жизнь есть выражение душевной жизни» [7. С. 501]. Даже такое явление как капитализм и денежные отношения до сих пор в отдельно взятой стране имеет национальные корни: «деньги и объединяют, и разъединяют людей по определенным признакам. По каким, – это зависит от правил общения с ними» [2. С. 423]. Основополагающая часть экономической литературы не принимает качественный аспект денег во внимание. Однако уже при первичном анализе философской литературы и рассмотрении денег под призмой практической хозяйственной жизни такое утверждение представляется неверным. Качественный аспект изучения денег играет очевидную роль в хозяйственной деятельности, но, в то же время, не являются предметом экономического анализа. Таким образом, он выносится за рамки экономической дисциплины. Тем самым взгляду на деньги как на количественный экономический инструмент противостоит менее привычный и менее разработанный взгляд на деньги как на подлинно культурный феномен.

Литература

1. См.: *Бердяев Н. А.* Царство Духа и царство Кесаря // Дух и реальность. – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2006. – 679 с.
2. *Долгин А. Б.* Экономика символического обмена. – М.: ИНФРА-М, 2006. – 632 с.
3. *Зиммель Г.* Философия денег // Теория общества. Сборник / Пер. с англ. вступ. статья, сост. и общая ред. А. Ф. Филиппова. – М.: «КАНОН-пресс-Ц»; «Кучково поле», 1999. – 416 с.
4. *Зомбарт В.* Буржуа. Евреи и хозяйственная жизнь. – М.: Айрис-пресс, 2004. – 616 с.
5. *Петрова Г. И.* Философское сознание: ответственность за культурно-цивилизационный кризис. Культура: философия и история: Сборник / Сост. Баландин М. Н.: Под ред. проф. Э. В. Бурмакина, проф. Ю. В. Петрова, доц. Э. И. Черняка. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. – С. 3-12.
6. *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: В 2 т. – Т. 2.: Всемирно-исторические перспективы. М.: Мысль, 1998. – 606 с.
7. *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: В 2 т. – Т. 2. М.: Всемирно-исторические перспективы. М.: Айрис-пресс, 2004. – 543 с.
8. *Simmel G.* The Philosophy of Money / Ed. By D. Frisby. Second enlarged edition. L., N. Y.: Routledge, 1995. – 543 p.

ГРАНИЦЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ В ФИЛОСОФИИ Х. У. ГУМБРЕХТА

В. И. Вовченко

Научный руководитель – к. филос. н. Ю. С. Осаченко

Томский государственный университет

В настоящее время интерпретация заняла место основной интеллектуальной процедуры в сфере академических гуманитарных дисциплин, что ставит нас перед принципиальной проблемой её сакрализации в качестве некоего Абсолюта современной гуманитарной парадигмы: «В своего рода моральное обязательство интерпретацию превратило <...> соображение: субъект может попытаться скрыть то, что в глубине – или, несмотря на все благие намерения субъекта, глубина может не найти адекватного выражения на поверхности текста. На самом тенденциозном уровне интерпретация (и «герменевтика» как теория интерпретации) утверждала, что её способность выявлять суть превосходит собой самовосприятие субъекта» [1. С. 447]. Говоря о границах интерпретации, мы, в первую очередь, имеем в виду границы интерпретации *в качестве* основной интеллектуальной *процедуры, методологии, эпистемологической практики* современности – мы говорим о границах герменевтического проекта. Дело в том, что исключительный статус толкования в области «наук о духе» сильнейшим образом ограничивает проблемное поле деятельности исследователя, закрывая доступ для работы с огромным культурным пластом: так некоторые феномены, играющие довольно важную роль в процессе понимания и, следовательно, становления эстетического опыта, и вовсе не рассматриваются в качестве предметов изучения. Они как бы выпадают за пределы интересов учёного, выработанных в рамках «нормальной науки» (если использовать терминологию Томаса Куна). Неудовлетворённость сложившейся обстановкой заставила Х.У. Гумбрехта примкнуть к иному лагерю в гуманитарных науках, выступающему против преобладающего в гуманитаристике стиля «трансцендирования» – «выхода-за-пределы-только-физической-поверхности», актуализирующего поиски (видимость оных?) «за или под» ней «по-настоящему важного», т. е. значений, «которые – как метко отмечает Гумбрехт – дабы подчеркнуть их отдалённость от поверхности, часто называют “глубокими”» [2. С. 78-79]. Выступая против придания исключительного статуса «толкованию», мы выступаем против «метафизики», т.е. таких теоретических конструкций, которые соответствует обозначенному выше стилю мышления, находящих своё выражение в постоянном стремлении быть «по ту сторону» («мета-»). Итак, мы отходим от понимаемой таким образом метафизики и настаиваем на том, что любой наш опыт общения, отношения с вещами не редуцируем исключительно до простой атрибуции значений. Пытаясь это продемонстрировать в данной статье, мы постараемся хотя бы частично осветить гумбрехтовскую постметафизическую эпистемологию.

Истолковывать – значит идти по ту сторону материального, проникать сквозь некую поверхность с целью распознать смысл. Само производство знания в рамках сложившегося герменевтического поля (так мы будем называть возникшую в период позднего Ренессанса и Нового времени эпистемологическую конфигурацию, воспроизводимую до сих пор) нередко

тракуется как толкование природы, т. е. извлечение «внутренних смыслов» (истин) из объектов вещного мира. Наиболее экстремистскую эксплуатацию герменевтических тезисов мы, пожалуй, можем найти в философии Джанни Ваттимо: «Мир как конфликт интерпретаций, и ничего более, – этот образ мира уже давно не нужно защищать против научного реализма и позитивизма. Сама современная наука, наследница и завершение метафизики, превращает мир в такое место, где нет (больше) фактов, а есть одни интерпретации» [3. С. 63]. Ваттимо растворяет Бытие в языке, категории строгости и объективности размываются в ситуации постмодерна: «Постсовременный опыт истины относится к эстетическому и риторическому порядку». Нередко можно услышать мнение о том, что герменевтика пришла на смену метафизическому способу философствования. По глубокому убеждению автора данной статьи, это не совсем так: она имплицитно подразумевает некоторые положения, характерные именно для метафизики. Наш обыденный язык при восприятии определённых категорий подразумевает систему скрытых мотивов и неявных пресуппозиций: они являются исторически сложившимися и обычно слабо отрефлексированными. Положительная тональность, автоматически связываемая с понятием «глубина», является одной из основных причин той гипертрофированной ценности процедуры истолкования для гуманитарных исследований. Ханс Ульрих Гумбрехт отмечает, что «называя какое-то замечание глубоким, мы имеем в виду похвалить его за более новое, более сложное, более адекватное значение, присваиваемое им тому или иному феномену». И далее: «Напротив, в суждении, которое мы считаем “поверхностным”, всех этих качеств должно не хватать, ибо мы хотим сказать, что оно неспособно проникнуть <...> “глубже” первого впечатления». [3. С. 34]. Обычно подобные ценностные установки не ставятся ни под какое сомнение, а воспринимаются как сами собой разумеющиеся, являясь плодом многовекового развития западной метафизики, которая, пережив «официальную смерть», продолжает жить в неявном виде. Таким образом, считает Гумбрехт, мы вправе говорить о некоторых предпосылках метафизического характера для институциональных форм современных гуманитарных наук.

В XX век человечество вступило в состоянии глубокого эпистемологического и общемировоззренческого кризиса. В области методологии можно проиллюстрировать чередование «мягких» и «жёстких» стилей мышления, что мы проследим на примере литературоведения: 50–60-х гг. успех имели более «мягкие» программы новой критики и толковательного «имманентизма», содействовавших подъёму литературной герменевтики, но в то же время уже в конце 50-х возникает недовольство данной методологией, что способствовало усвоению литературоведением философского структурализма, структурной лингвистики и «русского формализма» – эти теории стремились преодолеть «субъективность чистого толкования», однако вскоре на смену им приходит новый историзм и деконструктивистская литературная критика, объявлявшие тягу к более-менее эпистемологической строгости «наивной». Тем не менее, не стоит надеяться на то, что данное чередование «мягких» и «жёстких» программ есть в некотором роде прогресс, движение вперёд – Ханс Ульрих Гумбрехт пишет, что данные программы идентичны в своём исключении, элиминировании из рассмотрения таких теоретико-познавательных аспектов, как

«восприятие» и «референция»: «восприятием» мы будем называть освоение мира посредством чувственности, противопоставляя его опыту освоения мира через понятия; под «референцией» мы подразумеваем здесь материальные объекты, не являющиеся *смыслом* либо *значением*. В сфере методологии программа «преодоления метафизики», предложенная Гумбрехтом и рядом других мыслителей, позволяет прекратить постоянную смену «жёстких» и «мягких» парадигм, а позиция того или иного исследователя больше не будет связываться с неизбежным выбором между двумя этими альтернативами. «Другой – более важный, но менее эпистемологический – ответ на вопрос о том, почему мы так отчаянно желаем преодолеть метафизику, состоит в том, что мы хотя бы интуитивно чувствуем: метафизическое мировоззрение соотносится с тем, что я назвал “утратой мира”. Это одна из важнейших причин нашего чувства, что у нас больше нет соприкосновения с вещественным миром» [3. С. 59].

Опыт понимания в общем и эстетический опыт в частности являются своеобразным колебанием (возможно даже «интерференцией») между эффектами значения и эффектами присутствия – таков, вероятно, основной постулат проекта, разрабатываемого Хансом Ульрихом Гумбрехтом. Обратимся к эссе «Присутствие в языке или присутствие, достигаемое вопреки языку?». Гумбрехт начинает его словами об усталости от односторонности того интеллектуального движения, которое доминирует на настоящий момент в сфере гуманитарных дисциплин. Оно связано с «довольно узким, но претендующим на всеобщность», пониманием герменевтики, когда всякий разговор о «языке» связывает его с чем-то, что должно быть подвержено «истолкованию», т. е. соотносению с совокупностью определённых значений. Гумбрехт не одинок в своём разочаровании от устоявшейся академической традиции: среди тех, кто высказывался по этому поводу в сходной тональности, можно выделить Жана-Люка Нанси, Вальтера Беньямина, Фридриха Киттлера, Сьюзен Зонтаг, Поля Зюмтора и ряд других философов, литературоведов, культурологов. Иронично называя деконструктивизм Деррида «лингвистическим экзистенциализмом», Гумбрехт не удовлетворяется им в качестве альтернативы универсалистским претензиям герменевтики, так как на поверку он выливается в разнообразного рода варианты одной и той же жалобы по поводу якобы имеющей место неспособности языка отсылать к предметам мира: «Неужели центральная функция литературы во всех её разнообразных формах и вариация состоит в том, чтобы снова и снова привлекать внимание читателей к до боли знакомой мысли о том, что язык неспособен к референции, как заявляет Поль де Ман каждый раз, когда пишет об “аллегории чтения”?» [2. С. 78] – вопрошает мыслитель.

Наше отношение с вещами включает непременно «пространственный» компонент: «Вещи для нас могут быть “присутствующими” или “отсутствующими”, и если они “присутствуют”, они или ближе к нашим телам или дальше от них» [2. С. 79]. В основной своей работе, посвящённой рассматриваемой тематике, Гумбрехт даёт определение понятию «присутствия» (тому, что языком не является): «Словом “присутствие” [presence] обозначается (по крайней мере, по большей части) не временное, но пространственное отношение к миру и его предметам. Предполагается, что до чего-то присутствующего можно дотронуться рукой, откуда вытекает, что оно, в свою

очередь, может оказывать непосредственное воздействие на человеческое тело» [З. С. 11]. Производство присутствия не связано с деятельностью субъекта по изготовлению чего бы то ни было – Гумбрехт в данном случае идёт по следам этимологии термина, происходящего от латинского глагола «*producere*», связанного с актом «выдвижения» какого-либо предмета в пространстве, т. е. «производство присутствия» – это все те «события и процессы, вызывающие или усиливающие воздействие “присутствующих” объектов на человеческие тела» [З. С. 11]. В своих работах Х. У. Гумбрехт выделяет шесть «типов “сплава” (*amalgamation*) между языком и присутствием», однако ввиду ограниченности объёма статьи позволим себе указать лишь на первый из них. Итак, первая парадигма – это рассмотрение *языка* (прежде всего устного, как отмечает Гумбрехт) как *физической реальности*, где акцентируется аспект, словами Ханса Георга Гадамера, «объёма языка» – в противоположность «пропозициональному содержанию»: «В одном из интервью, данных в последние годы жизни, Ханс Георг Гадамер – философ, имя которого более, чем чьё-либо ещё в наше время стало ассоциироваться с герменевтикой (включая её претензии на универсальность) и с толкованием как постоянным производством значений, – дал понять, что в высшей степени признаёт несемантические, т.е. материальные компоненты литературных текстов <...>. Негерменевтическое измерение литературного текста Гадамер называет его “объёмом” (*Volumen*) и ставит знак равенства между конфликтом его семантической и несемантической составляющей и конфликтом “мира” и “земли”, показанным в эссе Хайдеггера «Исток художественного творения». Именно “земная” составляющая позволяет художественному произведению или стихотворению “стоять в себе”; именно “земля” даёт художественному произведению существование в пространстве» [З. С. 72]. Мы воспринимаем язык в виде речи, представляющей собой, в буквальном смысле, звуковые волны, которые оказывают воздействие, как на наш слух, так и на весь организм в целом. Это воздействие может вызывать довольно приятный эффект: в данном пункте Гумбрехт ссылается на пример того, что мы можем улавливать некоторые свойства декламируемой поэзии (ритм, рифму, интонации и т. п.), не зная языка оригинала. Можно также продемонстрировать важность для эстетического опыта пространственной локализации художественного объекта на следующем очевидном для всех примере: один и тот же текст, запечатлённый, скажем, на бумаге, мониторе компьютера или камне, будет производить различный эстетический эффект.

Другой всегда превосходит Моё понимание и, тем более, процедуру простой интерпретации.

В заключение данной статьи мы хотели обратить внимание на то, что сосредоточение на эффектах значения превращается в утверждение дистанции между мной и другим. Бесконечное перетолковывание и пересказывание старого на новый лад – вот этим омрачена «эпоха, большая интерпретацией», толкование превращается в обсессивное занятие: «Интерпретация становится всё более “ирреальной”; она вырождается в эзотерическое “камлание” и в то же время “ожесточается”; она обращается к активной полемике; она проникается взаимным насилием. Она отнюдь не участвует в изгнании насилия, а притягивает его, как труп притягивает мух. Одним словом, дело с ней обстоит так же, как и с любой жертвенной формой: когда она приходит в упадок, её

благотворные последствия превращаются в пагубные. Суть интеллектуального кризиса наших дней именно в этом» [4. С. 426]. Какое же «негерменевтическое поле» можно предложить в качестве альтернативы? В одной из своих работ Х. У. Гумбрехт ссылается на своего коллегу по Стэнфорду, теоретика литературы Дэвида Уэлбери, выделяющего «три формы удаленности по отношению к герменевтической топологии»: «...мы больше не ищем глубин, скрытых за поверхностью; мы больше не рассматриваем знаки (точнее, следы) на странице как последовательность, а учимся воспринимать их в их симультанности; мы более не предполагаем, что последовательности управляются причинно-следственной связью, основанной на субъективности и действии, то есть мы допускаем случайность» [1. С. 478].

Литература

1. *Гумбрехт Х. У.* В 1926 году: На острие времени. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – 574 с.
2. *Гумбрехт Х. У.* Присутствие в языке или присутствие, достигаемое вопреки языку? // Вісник Харківського університету ім. В.Н. Каразіна «КОЙНОНІЯ». – 2010. – № 904. – С. 75-88.
3. *Гумбрехт Х. У.* Производство присутствия: Чего не может передать значение. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 184 с.
4. *Жирап Р.* Насилие и священное. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 400 с.

ПРОБЛЕМА ПРИМЕНИМОСТИ ЭТИЧЕСКИХ СИСТЕМ СЕГОДНЯ. ВОЗМОЖНЫЕ РЕШЕНИЯ

Э. А. Кручинин

Научный руководитель – к. филос. н. Е. В. Агафонова

Томский государственный университет

Целью данной статьи ставится рассмотрение актуального вопроса, возможно ли построение и применение этических систем в наши дни. Для ответа на данный вопрос сначала следует обратиться к основоположнику практической философии – И. Канту, чья этическая концепция была наиболее разработанной, систематической и завершённой. Необходимо сконцентрировать внимание на том, как задается этическая проблематика в его работах, и на чём основана его система этики. Затем следует обратить внимание на некоторые проблемы этой системы, которые улавливаются критиками. Это должно помочь нам ответить на вопрос, можем ли мы использовать основные положения универсальной этики Канта сегодня в качестве руководства при решении моральных проблем, а также посмотреть, насколько вообще сегодня уместен разговор о целостных этических системах.

Итак, этическая система Канта, бесспорно, считается памятником мировой философии морали и философии вообще. Его учение изложено в трёх работах: «Основы метафизики нравственности», «Критика практического разума» и «Метафизика нравственности». Философия морали, действительно, и это следует сказать в самом начале, по сути своей тесно связана с практикой. Когда философские дисциплины ещё только формировались, философию морали называли «практической философией», и потому основной работой Канта, посвящённой философии морали, является «Критикой практического разума». В работах Канта мы действительно наблюдаем определенный примат практического разума над теоретическим.

Практический разум – это совесть, руководящая нашими поступками посредством максим (ситуативные мотивы) и императивов (общезначимые правила). Императивы бывают двух видов: категорические и гипотетические. Категорический императив требует соблюдения долга. Гипотетический императив требует, чтобы наши действия были полезны. Существует несколько формулировок категорического императива:

– «Поступай только согласно такой максиме (принцип), руководствуясь которой, ты в тоже время мог бы пожелать, чтобы она стала всеобщим законом (поступай так, как ты бы мог пожелать, чтобы поступали все)» [3. С. 195];

– «Поступай так, как если бы максима твоего поступка по средствам твоей воли должна была стать всеобщим законом природы» [3. С. 196];

– «Относись к человечеству в своём лице так же, как и в лице всякого другого всегда только как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству» [3. С. 205].

Таким образом, поведение может определяться практическими интересами и моральными принципами. Возникают две тенденции: стремление к счастью (удовлетворению некоторых материальных потребностей) и стремление к добродетели.

Учение Канта о примате практического разума на самом деле является важнейшим этапом в развитии этики как философской дисциплины и философии вообще. Постоянные исследования кантовской этики являются попыткой дать новые способы её переосмысления и новые подходы реконструкции критической этики. Кант уделил наибольшее внимание специфике нравственности, и его этическая концепция, последовательно развитая в целом ряде специальных трудов, была наиболее разработанной, систематической и завершённой. Критическая этика Канта своим исходным пунктом имеет осознание практики, в которой воплощается разумное поведение человека. Подобно тому, как теоретическая философия выясняет вопрос о возможности истины и научного знания, вся практическая философия посвящена человеческой практике, причём рассмотрение соотношения действительной свободы и морального закона является одной из существенных проблем осмысления кантовской практической философии. По Канту, единство критической философии с философией морали следует искать в фундаментальном положении человека в мире и в понимании единства его и раздвигающего границы знания поведения. Действительно, моральное поведение требует не только осознания долженствования, но и практического выполнения долга.

Одной из проблем этики является проблема соотношения друг с другом общего интереса и собственного интереса отдельного индивида. В неявной форме она представляет собой также и основную проблему этики Канта. Данная проблема представляется у Канта потому, что моральные проблемы у него всегда ограничены вопросом об отношении отдельного человека, эмпирически существующего в природной среде, к умопостигаемому человеку, который определяется не иначе как посредством собственного разума, характеризуемого через свободу; поэтому-то отношение общего и частного в данном случае является центральным [1. С. 25]. Этическое, или моральное, либо аморальное, поведение всегда представляет собой общественный феномен. Это означает, что вообще бессмысленно говорить об этическом или моральном поведении с точки зрения отношений между отдельными, изолированными друг от друга людьми и что чистый, существующий только для самого себя индивид представляет собой лишь пустую абстракцию. Следовательно, общественная проблема взаимного сосуществования общего и частного интересов, интересов общества и отдельных индивидов, является в то же время и этической проблемой и что обе проблемы – социальную и этическую – отделить в данном случае друг от друга невозможно.

Ещё одна ключевая погрешность в Кантовской этике кроется в самом категорическом императиве (нравственный закон). А именно, его данность как таковая. По Канту, практическое поведение – это чисто свободное поведение [1. С. 87], то есть независимое от какого-либо опыта. Но само понятие данности является определением опыта как такового. Но нужно заметить, что понятие «данность» у Канта имеет не только чувственный характер. Ещё Шопенгауэр заметил, что в нём присутствует некое божество, которое и дает то, что мы воспринимаем как данность [1. С. 25]. Таким образом, понятие данности имеет не только эмпирические корни, но и внеэмпирические.

Немного разобрав некоторые важные положения этики Канта, можно добавить, что его система по сей день подвергается постоянной критике, некоторые положения опровергают, некоторые наоборот. Но, можно сказать одно, что ни одна попытка критики или опровержения кантовской системы не смогла предложить взамен что-либо более убедительное. В основном критика направлена лишь на отдельные моменты учения о морали Канта, и вряд ли способна разрушить или изменить всю систему в целом. Мы понимаем, что данный труд будет ещё очень долгое время объектом споров.

Но зададим такой вопрос: возможно ли на сегодняшний момент употребление подобной целостной системы, возможно ли использовать принципы и положения этики Канта? Однозначно ответить нельзя, потому что, как было написано выше, одной из проблем является отношение отдельного и общего интересов, а в наше время, в эпоху индивидуализации, в эпоху, где каждый отделяет себя как особенный, в эпоху персонализации, в обоих смыслах этого слова. Понятие общего интереса получается из совпадения нескольких частных, и если такого совпадения не будет, то и общего интереса не будет тоже. В данном случае, слово «совпадение» употребляется, потому что ныне общий интерес не есть само по себе, а лишь совпадение частных. Можно даже сказать, что общий интерес – это интерес отдельного индивида, но встречающийся несколько раз. Получается, что содержание этого понятия претерпело сильные изменения. Следует пояснить, что существование общего интереса как такого самого по себе не отрицается, но просто данный феномен встречается все реже и реже. Система этики Канта возможна для общих принципов по сей день, например, «не убей», «не лги», но в наше время культура породила такое общество, где создаются такие ситуации, которые решить с помощью универсальной системы Канта нельзя. Возможно, в дальнейшем взгляд на подобные вещи вновь изменится, и мы сможем наблюдать моральное и этическое общество, о котором говорил Кант.

Литература

1. *Адорно Т. В.* Проблемы философии морали / Пер. с нем. М.Л. Хорькова. – М.: Республика, 2000. – 239 с.
2. *Гусейнов А. А.* Этика доброй воли / Кант И. Лекции по этике. – М.: Республика, 2000. – 121 с.
3. *Кант И.* Сочинения: в 8 т. – М.: Чоро, 1994. – Т.4. – 610 с.
4. *Шопенгауэр А.* Свобода воли и нравственность. – М.: Республика, 1992. – 448 с.
5. *Lafollette H.* The Blackwell Guide to Ethical Theory. Wiley-Blackwell, 1999. – 456 p.

ДИСТАНЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ И ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Ю. Н. Малахова

Научный руководитель – д. филос. н. В. Н. Сыров

Томский государственный университет

Постиндустриальное общество в качестве основной ценности выдвигает информацию. Её возрастающие потоки меняют социальное, экономическое и политическое устройство общества. В связи с этим университет, являясь институциональной структурой, производящей, классифицирующей и транслирующей информацию, нуждается в постоянной гносеологической и методологической модернизации.

Традиционная форма обучения во многом перестает отвечать запросам современного общества, следовательно, необходимо внедрение новых образовательных технологий для более успешного функционирования института образования. Одной из таких технологий является дистанционное обучение. Оно коренным образом меняет как методологическую, так и гносеологическую составляющие образовательного процесса.

Проводя сравнительный анализ традиционной формы обучения и обучения, основанного на методах дистанционного образования, можно выделить следующие отличительные черты и преимущества последнего:

Во-первых, происходит изменение содержания ролей преподавателя и студента за счёт особой организации учебного процесса. Основной задачей преподавателя становится не трансляция знания, а организация процесса самостоятельного обучения и корректирование его направления. Это связано с тем, что изменяется процентное соотношение аудиторных часов, отводимых на семинары и лекции, и часов, которые предназначены на самостоятельное обучение. В этом случае преподаватель занимает скорее не роль транслятора информации, а роль консультанта, в то время как обучающийся занимает активную познавательную позицию, включающую широкие возможности для творческого подхода и личностной ценностно-смысловой ориентации.

Во-вторых, стоит отметить, что изменение ролей преподавателя и обучающегося ведёт за собой ценностно-мотивационные изменения. Увеличение часов самоподготовки, а также активная позиция студентов в подборе учебной литературы, требуют наличия внутренней мотивации в качестве определенного фундамента, который основывается не только на желании окончить какой-либо вуз, результатом чего будет служить получение диплома, но и на желании воплотиться в выбранной профессии, что является некой целевой внутренней направленностью.

В-третьих, дистанционное образование основано на использовании информационных технологий, это позволяет вводить в учебный процесс, помимо традиционных форм организации учебного времени, такие формы как:

1. коллективные занятия, называемые «чат-занятия»;
2. «веб-занятия», в которых используются средства телекоммуникации, что позволяет проводить такие формы занятий, как деловые игры, конференции, семинары, лабораторные занятия и практикумы;

3. занятия с использованием технологии R.Bot 100, при которой для одного или нескольких обучающихся создается иллюзия присутствия в аудитории, в которой проходят занятия;

4. и, наконец, индивидуальная и групповая работа студентов, консультируемая с помощью ресурсов Интернет.

Ещё одним существенным преимуществом использования технологий дистанционного образования, является то, что они способствуют расширению образовательного пространства и спектра образовательных услуг, а также предоставляют возможности для расширения информационной мобильности.

Особенностью современных форм дистанционного образования является увеличение объёма самостоятельной работы обучающегося. Это устраняет таких традиционных посредников в образовании, как кабинеты, здания, транспорт, города и даже страны. В свою очередь дистанционное образование предполагает налаженный контакт обратной связи между обучающимся и учителем для осуществления контроля и помощи в образовательном процессе. В редких случаях из образовательного процесса может быть полностью устранён учитель. При этом учащийся должен сам устанавливать желаемый уровень знания, заниматься организацией учебного процесса и самостоятельно осуществлять механизмы контроля и проверки с помощью различных систем тестирования.

Методологическая и гносеологическая база для дистанционного образования может быть предоставленная гуманитарными науками. В информационном обществе наука, в частности теоретическая, превращается в «интеллектуальную технологию», в непосредственную производительную силу. В этих условиях институт образования приобретает высокий статус, так как постиндустриальное общество напрямую зависит от новых научных разработок.

Гуманитарные науки перестают быть далеко отстоящими от практической деятельности, так как способны подготовить индивида с новым типом мышления, готового не только обладать необходимыми навыками и умениями, но и способностью внедрять новые технологии и инновации.

Гуманитарные дисциплины создают теоретическую базу для внедрения новых образовательных технологий, а также находят прикладное применение в современном обществе, примерами чему могут служить потребность в лингвистических обработках информации для глобальной сети или же потребность в подготовке и проведении различного рода прогнозирований со стороны средств массовой информации.

По итогам вышеописанного можно сделать вывод о том, что динамика развития современного общества задает общую тенденцию к получению максимального количества информации, минимизируя временные, физические, материальные и т.п. затраты. Использование вычислительной техники позволяет существенно повысить эффективность процесса обучения и сделать огромный поток изучаемой информации легко доступным, а развитие гуманитарного образования является приоритетной задачей для всей образовательной системы, поскольку оно способно подготовить методологическую и гносеологическую базу для внедрения современных образовательных технологий.

Литература

1. *Гузев В. В.* Образовательная технология: от приема до философии. – М.: Сентябрь, 1996. – 112 с.
2. *Кузьминов Я. И.* Реформа образования: причины и цели // Отечественные записки. – 2002. – № 1. – С. 91-105.
3. *Растрин Л. А.* Компьютерное обучение и самообучение // Информатика и образование. – 1991. – № 6. – С.42-46.
4. *Селевко Г. К.* Современные образовательные технологии: Учебное пособие. – М.: Народное образование, 1998. – 256 с.

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ**ПРОБЛЕМА ЭВОЛЮЦИИ СОЗНАНИЯ В ФИЛОСОФИИ НАУКИ**

Д. М. Аюшева

Научный руководитель – д. филос. н. И. В. Черникова

Томский государственный университет

Феномен сознания представляет интерес для философии с давних времен. Начиная с Античности и по сей день, эта тема волнует умы философов, а значит, является актуальной. Согласно словам одного из современных российских исследователей проблемы сознания В. Васильева, «одной из главных задач философии является анализ соотношения универсальных онтологических установок. Одной из таких установок является убеждённость в существовании “других сознаний”. Уже беглого взгляда оказалось достаточно, чтобы понять: прояснение её природы совпадает с уточнением соотношения ментального и физического, а значит и с выяснением сущности сознания» [1. С. 18].

Исследованием феномена сознания, вопросом о соотношении физического и ментального, сознания и мозга в настоящее время занимаются множество философов, в особенности за рубежом. Широко известны имена таких современных философов как Дэвид Чалмерс, Дэниел Деннет, Джон Сёрл, Хилари Патнэм, Томас Нагель, Алан Тьюринг и др. Из отечественных исследователей проблем сознания стоит выделить Д.И. Дубровского, В.В. Васильева, И.А. Бескову, Н.С. Юлину.

Как известно, философы больше любят задавать вопросы, нежели давать чёткие ответы. В связи с этим, тема сознания вызвала неимоверный интерес со стороны исследователей, а также побудила полемику, которая ведётся между представителями разных философских направлений. Однако всех их объединяет главный вопрос – *что такое сознание?* Исходя из данного вопроса, исследователи пытаются дать ответ, формируя свою философскую позицию.

Может показаться, что проблемой сознания интересуются лишь профессиональные философы, однако это не так. Вероятно, многие из нас хотя бы раз задумывались над таким вопросом как: только ли я обладаю сознанием? Американский философ Дэниел Деннет пишет: «Быть может, все животные, исключая людей, в действительности являются механическими роботами? Рене Декарт известен тем, что считал так в XVII веке. Не мог ли он серьёзно ошибаться? Быть может, все животные и даже растения – и даже бактерии – обладают психикой? Или, если взять другую крайность, так ли мы уверены в том, что все люди имеют сознание? Возможно (как самый крайний случай), вы обладаете единственным сознанием во вселенной; возможно, все остальные, включая и автора этой книги, всего лишь машины» [2. С. 9]. Это явление, которое затронул Деннет, является общеизвестной философской гипотезой и у неё есть название – солипсизм (от лат. «я один»).

Так что же есть сознание? Мы уже упомянули Декарта. Его заслуга состоит в том, что он сформулировал вопрос о соотношении сознания и тела, ныне именуемый психофизической проблемой, которая считается главной теоретической проблемой философии сознания. Декарт считал, что мир состоит из двух родов субстанций: материальной и духовной. При этом основным атрибутом материи является протяжённость, а основным атрибутом духа – мышление. С этой точки зрения, человек представляет из себя сочетание протяжённого тела и мыслящего духа. Такая позиция стала известна как психофизический дуализм. Таким образом, проблема в постановке Декарта формулируется так: *как в человеке соотносится его тело и дух, каким образом они коррелируют друг с другом?*

Вопрос Декарта породил дальнейшее обсуждение о соотношении ментальных (желаний, чувств, мыслей и т.д.) и физических состояний в современной философии. Существует два основных решения психофизической проблемы: это дуализм и монизм.

По мнению известного австралийского философа Дэвида Чалмерса, старая формулировка «сознание – тело» устарела, по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, термин «сознание» (Mind), некогда обозначавший субъективную реальность «от первого лица», в наши дни оказался приватизирован когнитивной наукой, проводящей линию на изучение ментальных феноменов с объективистских позиций компьютерной метафоры, с точки зрения «третьего лица». Во-вторых, в современной редакции проблемы сознание-тело речь идёт, скорее не о теле или телесности вообще, а о мозге. Так или иначе, но за неимением лучшего Чалмерс пока пользуется старой терминологической конструкцией [1. С. 153].

Главная тема его исследования – это различие между биологической работой мозга и поведением, с одной стороны, и ментальным опытом, который рассматривается отдельно от поведения, то есть квалиа, с другой. Он утверждает, что пока нет исчерпывающего объяснения различий между этими двумя системами. Чалмерс критикует материалистическое объяснение ментального опыта, что делает его дуалистом в эпоху, когда доминируют монистические идеи.

Дэвид Чалмерс вводит понятия и проводит различие между *лёгкой и трудной проблемой сознания*. «Лёгкая проблема» включает набор феноменов, которые обычно «ассоциируются с понятием сознания» и являются предметом исследования нейрофизиологии, когнитивной психологии и смежных с ними дисциплин. Сюда относятся: реакции на внешние стимулы, их дискриминирование и категоризация; отчёты о ментальных состояниях; интегрирование информации когнитивной системой; фокус внимания; контроль поведения; различие между бодрствованием и сном» [1. С. 160]. Все эти феномены хорошо объясняются в привычных функциональных терминах.

Трудная проблема сознания – это проблема «субъективного опыта». «Почему дело обстоит так, что определённые электромагнитные волны, воздействующие на сетчатку, дискриминируются и категорируются зрительной системой, но эта дискриминация и категоризация переживаются как ярко-красное?». «Почему эти процессы не идут в “темноте”, свободно от какого-либо внутреннего чувства?». Как объяснить «субъективный аспект информационных

процессов?». В этом – «ключевой вопрос проблемы сознания» [1. С. 160]. Объяснение в функциональных терминах «оставляет вопрос открытым».

В отличие от Чалмерса, Д. Деннет является представителем материалистического монизма. Однако Деннет признает, что, не смотря на существующие знания о работе мозга, мы все еще не имеем полной картины устройства и работы – сознания. С его точки зрения, «сознание отнюдь не сводится к анатомии или нейрофизиологии мозга. Это – функциональный процесс или операция с когнитивной информацией. Процесс был запущен с возникновением языка и семиотических средств и оформлялся в ходе меметической и социальной инженерии. Поэтому наиболее адекватно он презентуется с помощью функционалистской методологии» [5. С. 127]. В. Васильев отмечает, что «функционализм (доминирующее течение в современной англоязычной философии сознания) имеет множество версий. Деннет защищает когнитивистский его вариант. Согласно ему, сознание представляет собой не дополнительное свойство материи (что вело бы к дуализму свойств), а функциональные отношения логических (когнитивных, содержательных) состояний» [Там же].

В книге «Сознание объяснённое» для описания работы мозга по производству содержания сознания Деннет предложил «Модель множественных набросков». Согласно ей, сознание функционирует в форме параллельных и перекрещивающихся процессов выбора, ревизии и интерпретации получаемой информации. Мозг непрерывно производит множество черновых набросков» (или «текстов»), находящихся в разных стадиях когнитивной обработки. Временами их радиация инициирует речь, временами «тексты» переходят в долговременную память или забывается, а в целом граница между присутствием и отсутствием сознания размыта. Собственно, сложные функциональные сети, перегоняющие «логические состояния», и есть сознание [5. С. 128].

Большинство представителей функционализма, в их числе Деннет, стремятся свести «трудную» проблему к «лёгкой» и таким путём «решить» проблему сознания. Их оппоненты (Т. Нагель, Дж. Сёрл и др.) отвергают функционализм на том основании, что принципы последнего позволяют приписывать «сознание» существам, способным выполнять «разумные операции», обладать «когнитивной компетентностью», но лишённым качества субъективной реальности (они именуется «зомби») [3. С. 79].

Проблема «сознание и мозг» носит междисциплинарный характер. Она включает существенные философские и методологические вопросы, хотя по своему основному содержанию остаётся научной проблемой, разработка которой опирается на результаты нейрофизиологии, психофармакологии, психиатрии и ряда других естественнонаучных и медицинских дисциплин. В последние десятилетия её важнейшие аспекты всё чаще связываются с проблематикой искусственного интеллекта, с более основательным пониманием информационных процессов в биологических и социальных самоорганизующихся системах. Таким образом, когнитивная наука тесно связана с рассматриваемой проблемой сознания.

Современный этап развития когнитивной науки называют нейросетевым (коннекционистским). Исследование познания здесь не сводится к тому, что происходит в мозгу, а включает постоянное взаимодействие организма и его

окружения. Когнитивная система рассматривается как включающая в себя: *мозг, тело, внешнее окружение*. Сознание не отождествляется с мозгом, а когнитивные процессы понимаются не как изолированные процессы внутри носителя, а как *результат взаимодействия системы и среды*. Кроме того, когнитивная наука не заостряет внимание на функционировании человеческого мозга (в отличие от компьютерной модели, в которой не учитываются интуиция, эмоции и роль контекста), а подчеркивает важность способности понимания [4. С. 104].

В философии науки была поставлена трудная проблема – отношения «сознание-мозг», которая была дополнена со стороны когнитивных наук ещё одним элементом: «мышление-сознание-мозг». С точки зрения когнитивных наук такая постановка проблемы приводит к некому смысловому контексту, который не может быть объяснён в границах отдельных дисциплин, каждая из которых самостоятельно изучает и моделирует процессы познания. Таким образом, мы приходим к понятию междисциплинарность в смысле соприкосновения философии и когнитивных наук. Сегодня формируется, так называемая, «мультидисциплинарная научная парадигма», в контексте которой анализируется проблема сознания.

Литература

1. *Васильев В. В.* Трудная проблема сознания. – М.: Прогресс-Традиция, 2009. – 272 с.
2. *Деннет Д. С.* Виды психики: на пути к пониманию сознания. [Электронный ресурс]. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000838/st000.shtml> (дата обращения: 13.11.2011).
3. *Дубровский Д. И.* Сознание, мозг, искусственный интеллект: сб. статей. – М.: ИД Стратегия-Центр, 2007. – 272 с.
4. *Черникова И. В.* Когнитивные науки и когнитивные технологии в зеркале философской рефлексии // Эпистемология и философия науки. – 2011. – XXVII, 1. – С.101-117.
5. *Юлина Н.С.* Философский натурализм: О книге Дэниела Деннета «Свобода эволюционирует»: Научная монография / Н. С. Юлина. М.: Канон+, 2007. – 240 с.

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД КАК УНИВЕРСАЛЬНАЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА

В. А. Филипповский

Научный руководитель – к. филос. н. М. В. Стёпкина
Самарский государственный аэрокосмический университет

Системный подход связан с множеством теорий и концепций, но, прежде всего, он рассматривается в связи с общей теорией систем. Данная работа не является исключением. Поскольку идея общей теории систем на современном этапе принадлежит скорее прошлому, нежели настоящему, имеет смысл кратко напомнить её историю и периоды развития. При периодизации системных исследований удобно воспользоваться предложением В. Н. Садовского выделять в истории системных исследований три системные парадигмы (парадигмы системного мышления).

1. История ОТС

Историю общей теории систем можно разделить на следующие этапы.

I *парадигма*. Основные задачи исследований лежат в плоскости *нахождения способов равновесия* анализируемых систем.

1) Первый период (кон. 19 – первая пол. 20 в.) – идея общей теории систем не была ещё высказана, но потребность в ней уже существовала. К этому периоду относятся, главным образом, непосредственные предшественники ОТС, из которых наибольший интерес представляют различные варианты организмических концепций, теория интегративных уровней (Г. Ч. Браун, Р. В. Селларс, А. Б. Новиков) и всеобщая организационная наука (А. А. Богданов).

2) Второй период (вторая пол. 30-х гг. 20 в.) – скрытое существование общей теории систем. Л. фон Берталанфи сформулировал задачу построения общей теории систем, но публикацию своих идей отложил. Как известно, Берталанфи пришёл к ОТС следующим путём последовательного расширения области своего исследования: от организмической концепции в биологии он перешёл к исследованию открытых систем (ТОС), а затем – к общей теории систем (ОТС).

3) Третий период (вторая пол. 40-х гг. 20 в.) – первые публикации Л. фон Берталанфи по общей теории систем, теория становится известна научному сообществу и происходит развитие её идей.

4) Четвёртый период (начиная с первой пол. 50-х гг.), начавшийся практически одновременно с третьим – открытие проблемности берталанфианской формулировки ОТС, возникновение альтернативных концепций ОТС и вообще альтернативных обобщающих концепций. Этот период представлен рядом конкурирующих вариантов общесистемного подхода (Л. фон Берталанфи, М. Месарович, Р. Аккофф, У. Р. Эшби, Л. Заде, О. Ланге, Г. Грениевский, А. А. Зиновьев, А. И. Уёмов и др.).

II *парадигма*. До конца 60-х гг. в методологии системных исследований доминировали проблемы равновесия, устойчивости, структуры, а идеи развития, эволюции не играли роли. Предметом исследования II парадигмы являются *неравновесные* и *необратимые состояния* сложных и сверхсложных систем.

5) Пятый период (с первой пол. 70-х гг. до начала 90-х гг.) связан с возникновением исследований *неравновесных систем* в синергетике.

Возникновение и развитие синергетики происходит в последнюю четверть 20 в. Представителями являются: Г. Хакен, И. Пригожин, Р. Том, Я. Г. Синая, В. И. Арнольд и др. Среди отечественных исследователей отметим С. П. Курдюмова, Г. Г. Малинецкого, С. П. Капицу, А. А. Самарского.

6) Шестой период (с начала 90-х гг. по настоящее время) – угасание интереса к системным исследованиям. Системный подход сводится к системному анализу, прикладной дисциплине, преподаваемой в технических вузах.

III *парадигма*. Анализ самих *системных теорий* и их концептуального аппарата.

7) Седьмой период (одновременно с пятым периодом) связан с возникновением рефлексии системных исследований в общеметодологических метасистемных теориях. Главным предметом исследований в этом периоде являлись сами системные теории и их концептуальный аппарат. Среди этих теорий можно выделить следующие: 1) общая теория систем как часть системно-структурной методологии (Г. П. Щедровицкий); 2) общая теория систем как метатеория системных исследований (Дж. Клир, В. Н. Садовский); 3) параметрическая общая теория систем (А. И. Уёмов); 4) общая теория систем, основанная на анализе форм симметрии (Ю. А. Урманцев).

2. Парадоксы ОТС

На системный подход с самого начала возлагались надежды, что он интегрирует распавшиеся части науки и техники, выработает общий язык и однородные методы мышления для всех областей и сфер деятельности и, наконец, в пределе, создаст единую действительность для современной науки, техники и практики. По сути дела, это те же надежды, которые в 30-е годы возлагались на физикализм, а в 50-е годы – на кибернетику. Системный подход должен был выработать: 1) конкретные системные категории, 2) системные методы анализа, и 3) системные представления для различных областей практики и научного исследования.

Одной из главных причин, которые повлекли за собой появление методологической рефлексии системных теорий, является накопление сложностей и противоречий в их построении. Эти сложности уместно называть парадоксами общей теории систем. Остановимся на них подробнее.

2.1. Возможность разных формулировок ОТС

Первый парадокс заключается в следующем. Идея создания *общей* теории систем неявно содержит в себе указание на то, что такая теория может быть в единственном числе. Однако, несмотря на то, что на ОТС были возложены надежды в том, что она интегрирует науку, вместо этого, она сама пошла по пути дифференциации: были созданы различные общесистемные концепции. Это входит в противоречие с самой концепцией ОТС. Развитие системных исследований в первые же десятилетия после их возникновения характеризовалось преимущественной дифференциацией системного подхода, системного анализа, общей теории систем.

Возникает вопрос: если у всех системологов есть единое представление о том, что предметы всех наук должны быть рассмотрены как системы и в результате такого единого взгляда на предметы наук должна произойти унификация самих наук, то почему *возможны разные* конкретные реализации

этого представления? В попытке ответить на этот вопрос мы пришли к заключению, что различия в конкретных (обще)системных концепциях находятся в зависимости от философских допущений и принципов соответствующих концепций. Этот вопрос недавно изучал Эрик Дент [4]. В результате он выделил семь принципов, которые определяют в системном подходе различия самих системных концепций: 1) в качестве единицы анализа принимается либо отношение, либо сущность (unit of analysis); 2) окружение системы имеет для исследования определяющее значение, или вовсе не имеет никакого значения (environment); 3) причинность понимается как линейная, либо как кольцевая причинность (causality); 4) допущение предсказуемости и следующий из неё детерминизм, или допущение индетерминизма (predictability); 5) полагание того, что система составлена субъектом её исследования, или полагание того, что система не составлена субъектом; всё это называется одним словом: возвратность (reflexivity); 6) принимаемая теоретико-познавательная позиция: конструктивизм или реализм; выражается одним словом: наблюдаемость (observation); 7) допущение возможности самоорганизации, или невозможность самоорганизации (self-organization). Дент рассмотрел шесть школ внутри системного движения. Наиболее значимым является проведённое им сопоставление ОТС (Рапопорт) и кибернетики (Матурана и Варела). В результате проведённого им сравнения оказалось, что кибернетика берёт в качестве своих принципов семь первых значений указанных выше принципов, а ОТС отличается от кибернетики тем, что стоит на позициях реализма (принцип 6) и отрицает возможность самоорганизации (принцип 7).

2.2. Основополагающее понятие система

Л. Берталанфи заявлял о превращении системы в новую парадигму науки и высказывал необходимость выяснить, «что за зверь система». Эта задача принадлежит области системной онтологии. Этот вопрос был детально разработан В. Н. Садовским в его монографии [3], где приведено в пример более 30-ти существующих определений понятия «система».

И. В. Блауберг, В. Н. Садовский и Э. Г. Юдин заключают в этом отношении: «Любая попытка обобщить все или, по крайней мере, все основные значения термина «система» с неизбежностью приводит к тому, что под системой начинают понимать всё, что угодно» [1. С. 18]. В. А. Карташев формулирует следующий из предыдущего парадокс: «Нельзя всё и вся назвать системой, но не-систем не существует» [2].

Существуют две противоположные точки зрения на вопрос о правомерности распространения на все предметы действительности понятия система. *Первая* состоит в ограничении области его действия. Её представляют в частности выше названные авторы, которые рассматривают системный подход как средство исследования не любых объектов, а таких, которые обладают системообразующим качеством – признаком органической целостности. *Вторая* видит в понятии «система» универсальное понятие. Эту точку зрения открыто, но с разной аргументацией, высказывают и обосновывают А. И. Уёмов и В. А. Карташев.

В параметрической ОТС А. И. Уёмовым установлено общее определение понятия «система», символическая запись которого в формализме языка тернарного описания выглядит следующим образом:

(iA) Система относительно $t =_{\text{dr}} ([a(*iA)])t$,

где t – концепт определения (у Берталанфи – «взаимодействие», Анохина – «общность цели», Садовского – «порядок»); a – некоторое отношение, удовлетворяющее концепту (оно может быть названо структурой системы); iA – объект, на котором реализуется структура (субстрат структуры).

Из этого определения видно, что понятие система релятивизировано относительно её концепта. Иными словами, то, что является системой по отношению к одному концепту, может не быть системой относительно по отношению к другому. Для любой вещи можно подобрать такой концепт, что в ней найдется отношение, удовлетворяющее этому концепту, т.е. она будет системой. В этом смысле понятие системы *универсально*, но вместе с тем Уёмов говорит, что мы не теряем возможности отличить систему от не-системы. Система и не-система – это не обязательно две разные вещи. Это может быть одна и та же вещь, но взятая в разных отношениях.

Если руководствоваться принципом экстенциональности, то имеются три возможности в определении понятия система (как и любого другого понятия):

1) понятие система не находит своего определения по объёму (в этом случае от него следует отказаться);

2) понятие система определяется как универсальное понятие (в этом случае незачем вводить его в использование наряду с эквивалентным с объёмной точки зрения понятием «нечто»);

3) понятие система находит своё собственное (отличное от универсального) определение по объёму (только в этом случае оно является эффективным).

2.3. Противоречивость названия «общая теория систем»

Этот парадокс был сформулирован начинающей группой «Международного общества системных наук» (Primer Group ISSS): «Наша работа привела нас к заключению, что идея общей «теории» систем является неправильной. Термины «общая» и «теория» являются исключаяющими – они не могут быть заявлены одновременно» [5]. Неоднозначность названия ОТС отмечал также Анатолий Рапопорт, говоря о том, что грамматика английского языка позволят понимать «General System Theory» и как «общую теорию систем», и как «теорию общих систем». П. К. Анохин обращает наше внимание на то, что «термин общая, применённый к теории систем Берталанфи, не имеет достаточного логического обоснования».

2.4. Вопрос о возможности ОТС

Проблемы создания единой общей теории систем стали очевидны уже в конце 60-х гг.: «Ещё несколько лет назад казалось, что наука находится на пороге создания концепции, которая получит статус общей теории систем и явится достойным венцом системного движения. Практика не подтвердила этих ожиданий, и сейчас более уместно звучит вопрос: «возможна ли общая теория систем?»» [1. С. 26]. Возможность разных формулировок ОТС и одновременно возможность понимать ОТС именно как *общую* (единую) теорию ставят вопрос о возможности построения этой единой теории.

Существуют различные точки зрения на этот вопрос: крайне *скептическая* (о «надуманности самой идеи о существовании этого движения как определённого стиля научного мышления нашего времени»), *умеренная* («в

ближайшие годы вряд ли можно рассчитывать на создание единой концепции, которая могла бы выполнять функции общей теории систем в строгом смысле этого понятия»), и, наконец, *позитивная*, в которых предлагаются конкретные пути возможного построения ОТС.

Литература

1. *Блауберг И. В.*, Садовский В. Н., Юдин Э. Г. Системные исследования и общая теория систем. // Системные исследования. – М.: Издательство «Наука», 1969. – 204 с.
2. *Карташев В. А.* Система систем. Очерки общей теории и методологии. – М.: Издательство «Прогресс-Академия», 1995. – 416 с.
3. *Садовский В. Н.* Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ. – М.: Издательство «Наука», 1974. – 280 с.
4. *Dent E. B.* System science traditions: differing philosophical assumptions. [Электронный ресурс]. URL: www.uncp.edu/home/dente/Syssci4.pdf (дата обращения 21.05.2012).
5. *The general system.* From the primer group. International Society for the Systems Sciences. [Электронный ресурс]. URL: http://www.newciv.org/ISSS_Primer/seminar.html (дата обращения 21.05.2012).

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОДХОДОВ М. ХАЙДЕГГЕРА И К. ПОППЕРА К ПОНИМАНИЮ НАУКИ

Е. О. Яткина

Научный руководитель – д. филос. н. И. В. Черникова

Томский государственный университет

Каждый человек живёт в окружающем его мире, и только при условии учёта всех существенных особенностей этого окружения можно говорить об адекватной адаптации к реальности, её специфическим свойствам и характеристикам. Исходя из собственного опыта, имеющихся знаний или привычных способов деятельности в мире, люди строят образ мира, то есть, делают выводы о действительности. В течение всей жизни активность человека направлена на познание реальности в целях наиболее адекватного приспособления к условиям внешнего мира. На протяжении многих лет считалось, что если мы хотим улучшить условия собственного бытия, то человеку необходимо познать, во-первых, законы развития и функционирования явлений и процессов окружающей его физической действительности, а во-вторых, установить, как формируется образ мира, как складываются знания о мире. Данная статья нацелена, в первую очередь, на то, чтобы понять, что есть наука; её происхождение. Ставится задача сравнить подходы двух крупнейших философов к анализу науки, их трактовку природы научного познания.

Итак, предметом настоящего исследования является, прежде всего, наука и природа научного познания. Основные подходы, которые будут рассмотрены, это критический реализм К. Поппера и онтологический экзистенциализм М. Хайдеггера.

Карл Поппер и его эволюционный подход к пониманию науки.

К. Поппер использует понятие роста знания, доказывая, что этот процесс аналогичен тому, что происходит в растительном и животном мире. Эта концепция получила название «*эволюционная эпистемология*». Её суть можно выразить следующим образом: подобно тому, как живые организмы вынуждены испытывать свои способности в борьбе за существование, любые идеи, концепции или теории должны выявлять и обнаруживать свою ценность в сравнении с другими идеями в постоянной интеллектуальной борьбе за существование. Только те идеи, концепции и теории приобщаются к духовным ценностям, которые выживают в такой борьбе. Эволюция здесь рассматривается в традиционном дарвиновском понимании. Традиционное понимание эволюции гласит, что историческое развитие живых организмов определяется изменчивостью, наследственностью и естественным отбором, который сопровождается приспособлением их к условиям существования, образованием и вымиранием видов, преобразованием сообществ организмов и биосферы в целом [2. С. 58]. К. Поппер убежден, что эволюция – даже в её биологическом понимании – есть процесс познания, и что парадигма естественного отбора, как модель прироста такого знания, может быть распространена и на другие виды познавательной деятельности, такие как обучение, мышление и наука.

Говоря о познавательной деятельности, К. Поппер придерживается мнения, что всё наше знание гипотетично и взаимосвязано, то есть всё знание, получаемое апостериорно не является объективным, а только гипотетичным. То

есть, рост знания состоит в усовершенствовании имеющегося знания. Таким образом, можно сказать, что он рассматривает всё научное знание как путь к априорному, истинному знанию. Эволюция наших познавательных способностей ведёт, согласно Попперу, к накоплению априорного знания и использованию его в целях выживания в окружающей среде.

Касаясь эволюции научного знания, автор признает, что оно идёт в направлении построения наилучших теорий. Естественный отбор – главный фактор и критерий эволюции этого знания, следствием которого является возникновение новых теорий. Теории становятся лучше приспособленными, благодаря естественному отбору. Рост всякого знания состоит в модификации предшествующего знания, то есть изменении или отвержении. Всякое знание есть результат проб и устранения ошибок. Это связано с тем, что все теории наполнены ошибками, потому что эти теории являются нашим изобретением. Вследствие этого необходима проверка, то есть процесс нахождения слабых мест в теории. Именно так проявляется критический метод. Критическим методом является «метод проб и ошибок» [3. С. 58]. А что касается метода науки, то К. Поппер видит его, как метод смелых предположений и решительных попыток их опровергнуть. Тогда новым критерием познания является принцип фальсификации, то есть смысл, сводится к проверке теоретических утверждений эмпирическим опытом, где опровержимость теорий фактами науки признается критерием научности этих теорий.

Прогресс науки мыслится как движение к решению более сложных и глубоких по содержанию проблем, а рост знания понимается как поэтапная смена одной проблемы другой или последовательность сменяющих друг друга теорий, обуславливающих сдвиг проблемы. Цель науки – находить удовлетворительные объяснения для всего, что кажется нам нуждающимся в объяснении. Наука, по К. Попперу, динамическая система, предполагающая непрерывное изменение и рост знания, а естественный отбор главный механизм его получения.

Онтологический подход М. Хайдеггера к пониманию науки.

М. Хайдеггер под наукой понимает выражение некоего объективного процесса обнаружения Бытия, процесса его перехода из потаенного в непотаенное. Это обстоятельство оказывается определяющим, то есть сущностным в хайдеггеровской концепции науки. Сущность науки располагается в области, где имеют место открытие Бытия и его непотаённость, где сбывается истина. Способ раскрытия истины, названный Хайдеггером поставом [1. С. 229], есть некий объективный процесс. Несмотря на то, что он осуществляется в пределах человеческой деятельности, он не является результатом человеческой субъективности, так как человек стоит внутри сущностной сферы постава. Постав есть собирающее начало того устанавливания, которое ставит человека на раскрытие действительности. Захваченный поставляющим производством, человек находится внутри сущностной сферы постава. Он никак не может занять то или иное отношение к нему, то есть человек не может ничего изменить в своей принадлежности к технической эпохе. Человек может, конечно, тем или иным способом представлять, описывать и производить те или иные вещи. Но действительное

показывает себя или ускользает, демонстрирует себя как непотаённую, которой человек не распоряжается.

Сущность науки Хайдеггер выражает в тезисе: «наука есть теория действительного» [1. С. 240]. Под наукой он, в первую очередь, понимает науку Нового времени. Науке этого времени присущи объективность, истинность, интересобъективность, универсализм, воспроизводимость, достоверность и опытность знания. Затем он приступает к рассмотрению понятия теория. Теория для него – это некий облик вещи, т.е. вид, под которым она выступает. Теория – это обработка действительности присутствующих, явленных, видимых вещей. Далее говоря о действительном, Хайдеггер, в первую очередь, выделяет сферу действенного, то есть того, что действует. Действовать в его понимании это *произведение* вещи в присутствие. Схематично можно обозначить, что действительное есть выявляющее себя присутствующее. Из сказанного, можно сделать предварительный вывод: наука становится теорией, отмечающей действительное и устанавливающей его в предметном статусе.

Тогда под наукой можно понимать теорию опредмеченного действительного, т.е. наука имеет дело с уже реально существующей вещью, видимой в пространстве. Для того чтобы стать видимой для науки, вещь должна пройти процесс опредмечивания. Процесс опредмечивания зависит, как от присутствия природы самой по себе, так и от её надления вещи предметностью. На мой взгляд, самым главным является то, что автор выделяет тезис об ограниченности науки, т.е. о том, что наука из своего собственного содержания не может ничего сказать о бытии. И поэтому она тем самым привязана к природе, предметной реальности. Несмотря на это, источником всего сущего действительного или опредмеченного является Бытие. Наука выступает как способ самовыявления Бытия, здесь главным, является слово «самовыявление», так как для науки может открыться и открывается Бытие, но сама наука, в первую очередь, работает с уже опредмеченным самовыявлением Бытия. Исходя из этого, следует отметить, что наука должна прислушиваться к Бытию и тем самым понять своё предопределение, то есть, следуя за Бытием, наука выявляет себя через Бытие. Процесс выявления науки через Бытие заключается в процессе опредмечивания, то есть наука, открыв действительное, тут же его переводит в предметный статус и тем самым опредмеченное, но все же Бытие проявляет науку. Бытие само по себе активно, эта активность проявляется в «*со-бытие*» [1. С. 247] бытия. *Со-бытие* – это человек, то есть потаённая история бытия. Мыслить для человека – значит воспринимать своё бытие. Созерцательная жизнь, особенно в своём наиболее чистом образе как мышление, есть высшее действие. Ощутить направление, в котором вещь уже движется сама по себе, – значит увидеть её смысл. Понимание такого смысла – суть осмысления. Осмысление открывает действительное, т.е. человек, воспринимая своё бытие, ощущает движение вещи самой по себе. Отметив это действительное, и переведя его в предметный статус, человек тем самым совершит процесс опредмечивания, который так важен для науки. Вот именно тогда наука становится теорией, отмечающей действительное и устанавливающей его в предметном статусе.

Наука, как «*теория действительного*» [1. С. 240], полагает, что теория, обозначая действительное, тем самым его выделяет, и, можно сказать, переводит

в предметную реальность. Наука, по Хайдеггеру, теория опредмеченного действительного, предполагающая раскрытие сущности вещи и перевода этой сущности в предметную действительность, а человек, как мыслящее существо, – главная возможность её раскрытия.

Резюмируя два подхода, можно выявить один общий момент, т.е. общим для двух подходов является объективный процесс раскрытия истины. Для К. Поппера, истина, как знание, соответствует действительности, получается нами через органы чувств, т.е. всё знание, получаемое нами эмпирически, будет носить гипотетический характер. В этой связи можно сделать вывод, что истина, как возможность объективного познания, определяется с позиций историзма, социокультурной обусловленности. Хайдеггер же раскрытие истины связывает с понятием постава, т.е. с неким объективным процессом. Незирая на то, что он реализуется в пределах человеческой деятельности, он не является плодом человеческой субъективности, так как человек стоит внутри сущностной сферы постава.

Литература

1. *Время и бытие: Статьи и выступления: Пер. с нем.* – М.: Республика, 1993. – 447с.
2. *Общие проблемы философии науки: Словарь для аспирантов и соискателей / ред. Н.В. Бряник; отв. ред. О. Н. Дьячкова.* – Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 2007. – 318 с.
3. *Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики / Составление Д. Г. Лахути, В. Н. Садовского и В. К. Финна; перевод с английского Д. Г. Лахути; вступительная статья и общая редакция В. Н. Садовского; послесловие В. К. Финна.* – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 464 с.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ, ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА И ЛОГИКА**СОЦИАЛЬНАЯ КРИТИКА МИШЕЛЯ ФУКО:
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ И ВЛАСТЬ**

Л. М. Алескерова

Научный руководитель – к. филос. н. Е. Н. Суханова

Томский государственный университет

В своей статье мне бы хотелось, прежде всего, раскрыть понятие интеллектуала, с точки зрения социального критика, рассмотреть источники и факторы, определяющие роль интеллектуала в обществе, и факторы его влияния на власть, тем самым определив проблему власти как проблему знания. И одним из наиболее ярких философов, обозначивших проблему власти как проблему связи процесса функционирования власти с процессом знания является французский философ критик Мишель Фуко (1926-1984).

Раскрывая понятие интеллектуала, Фуко видит его роль как теоретика, говоря о том, что интеллектуал владеет лишь теорией, но при этом именно это теория может побудить действия или, говоря иными словами, идеи интеллектуала должны осуществляться на практике. Здесь он проводит параллель между практическим и теоретическим знанием. Под теоретическим знанием Фуко понимает определенный набор правил и действий, которыми и пользуется в своей деятельности интеллектуал, в свою очередь под практическим знанием Фуко понимает действия интеллектуала, его умения применить свои знания на практике и воплотить идеи в жизнь. Таким образом, Фуко прослеживает соотношение теоретического и практического знания. И именно в этом ключе Фуко определяет связь между процессом власти и процессом функционирования знания.

В своей работе «Интеллектуалы и власть» [3] французский философ раскрывает образ интеллектуала как субъекта, критически настроенного по отношению к обществу, в котором он живет. Он говорит о том, что задача интеллектуала как социального критика – преобразовывать общество, менять устои, а выполнению этой задачи может послужить недовольство собственной жизнью. Таким образом, интеллектуал выступает борцом за свободу, ненавистником власти, критикует общество, выдвигается против него. Идеи его часто могут быть не признанными, а истина, за которую он многое отдает, становится никому не нужной. Так чем же вызвано его стремление бороться за свободу? Кто такой интеллектуал, и какую роль он выполняет в жизни общества?

Прежде чем ответить на все эти вопросы и раскрыть понятие интеллектуала, необходимо рассмотреть контекст, в котором рассматривается отношение власти и интеллектуала, а именно контекст социальной критики. Итак, социальная критика – «направление в социологии, главной задачей которой является:

– критический анализ существующих теорий общества;
– создание такой социологии, которая могла бы способствовать преобразованию и улучшению существующего социального мира» [1].

На данный момент в социальной философии выделяется огромное количество аспектов социальной критики: эстетический, моральный, литературный, философский, социально-политический и т.д. Я остановлюсь на социально-политическом аспекте социальной критики. На мой взгляд, вся теория Мишеля Фуко основана на социально-политическом аспекте социальной критики. Критик выступает борцом против власти, который обладает внутренним духом бунтарства как стремлением к преобразованию социума. Именно такую личность Фуко называет интеллектуалом.

Прежде чем разобраться с понятием интеллектуала, необходимо сказать несколько слов о том, каким образом интеллектуал может являться социальным критиком, а также, почему Фуко награждает бунтаря и критика статусом интеллектуала? Итак, социальный критик, кто же он? Какова его роль в обществе? Какую функцию он выполняет? Именно на все эти вопросы отвечает Мишель Фуко в своей работе «Интеллектуалы и власть» [4].

Итак, как было уже отмечено выше, позиция, которой придерживается Фуко – позиция критического отношения к обществу, в котором он живет. Своей целью социальный критик видит формирование нового общества, формирование личной позиции каждого. Критик несет ответственность за производство истины в обществе. Именно такую личность Фуко определяет как фигуру интеллектуала. Статус социального критика – это статус личности, в полном смысле это слова. И именно интеллектуал в силу своей развитости, в силу своей рефлексивности, по праву может назваться личностью. Стоит отметить, что под рефлексивностью Фуко понимает не просто способность индивида мыслить, а умение абстрагироваться над этим обществом.

Как ни парадоксально, но Фуко на протяжении всей работы «Интеллектуалы и власть» не дает однозначного определения понятия интеллектуала. Французский философ определяет интеллектуала через слова: критик, бунтарь, обладающий знанием, ищущий истину, и другие выражения, при этом, не давая его точного описания. Интеллектуал определяется как социальный субъект, который является носителем «универсальной» культуры. Именно благодаря своему знанию, образованию, воспитанию и статусу, интеллектуал является постоянно включенным в процесс абстрагирования на тему истины и морали. В силу сложившихся представлений о роли интеллектуала в общественной жизни, он понимается как *Persona Grata*, которая владеет знанием, компетенцией и эталонами поведенческих и моральных норм. Именно в этом ключе, на мой взгляд, Фуко формирует свою позицию «интеллектуального борца» против власти.

Он говорит о том, что главный инструмент интеллектуала – недовольство. Движущая сила – знание. Отсюда Фуко определяет статус и роль интеллектуала в обществе. Статус определяется знанием, точнее уровнем знания, причем, не просто научным знанием, которое обосновано фактами, здесь Фуко говорит о рефлексивности знания, об абстрактности мышления. Под абстрактностью понимается умение задуматься над проблемами свободы, морали и власти, объединяя эту проблему в целое. Именно через знание определяется статус

интеллектуала [3]. В свою очередь, роль интеллектуала в обществе определяется через недовольство. Именно критичность и недовольство определяет функцию интеллектуала, которой является поиск всеобщей истины, формирование личной позиции и борьба против власти.

Если подвести итог всему выше сказанному, можно сказать, что Фуко выстроил свою концепцию борца за свободу, идеал демократа, обладающего методом критического мышления. Иными словами, интеллектуал может возвыситься над этим обществом и способен говорить голосом этого общества. Если перенести на наше современное время, то ни один образ ныне востребованных пиарщиков, аналитиков, и других новомодных специалистов не сможет подойти под понятие интеллектуала в концепции Мишеля Фуко. Это образ «образованного человека», но не просто образованного, а человека, который заставляет считаться со своим пониманием истории.

Литература

1. *Словарь* по общественным наукам [Электронный ресурс]. URL:<http://slovari.ru> (дата обращения 1.05.2011).
2. *Уолцер М.* Компания критиков: Социальная критика и политические пристрастия XX века. – М.: Идея-пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. – 356 с.
3. *Фуко М.* Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью. – М.: Праксис, 2002. – Ч. 1. – 381 с.
4. *Фуко М.* Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью. – М.: Праксис, 2005. – Ч. 2. – 318 с.

ПРОБЛЕМА АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ТЕОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ДОГОВОРА Т. ГОББСА, ДЖ. ЛОККА, Ж.-Ж. РУССО

В. О. Пивоваров

Научный руководитель – к. филос. н. О. Г. Мазаева

Томский государственный университет

Теория общественного договора была сформулирована в XVII-XVIII вв. как теория о добровольном отказе людей от части своих прав в пользу государства с целью получить или поддержать общественный строй через господство права. В настоящее время под теорией общественного договора понимают социально-экономическую теорию, объясняющую происхождение гражданского общества, государства, права как результат соглашения между людьми.

Основателями теории общественного договора являются Томас Гоббс, Джон Локк и Жан-Жак Руссо. Однако их взгляды на наиболее совершенную форму правления резко расходились. Гоббс склонялся к тому, что наиболее подходящая форма правления, при которой интересы народа и государства соблюдаются, – это авторитарная монархия, Локк защищал либеральную монархию, в то время как Руссо видел идеальной формой правления либеральный республиканизм [6].

Проблема антропологических характеристик теории общественного договора являлась центральной во всех философских произведениях, посвященных теории общественного договора, в том числе работах Гоббса, Локка и Руссо, ведь проблема соотношения интересов государства и отдельного человека не решена до сих пор.

Несмотря на то, что основоположники теории общественного договора имели различные взгляды на сущность естественного состояния человека и границы власти государства.

Но все они признают свободу и равенство людей неотъемлемыми. Согласно учению об общественном договоре, общество – совокупность равных индивидов, оно (общество) – не может существовать без власти, и с этим согласны все люди. Именно факт согласия (договора) всех индивидов лежит в основе теории общественного договора. Как считал Гоббс, это особенно важно, поскольку преодолеть «войну всех против всех», то есть анархию, можно только с помощью договора, исполнение которого осуществляет государство. Если бы люди, писал Гоббс, были бы в состоянии руководить собою, живя по естественным законам природы, то они не нуждались бы в государстве. Однако люди не обладают этим качеством, а поэтому каждый из людей нуждается в государстве, или в установлении порядка, при котором бы обеспечивались безопасность и спокойное существование всех [5. С. 201]. Ведь вне государства, считает Гоббс, каждый имеет неограниченное право на всё, в государстве же права каждого ограничены [1. С. 123]

Теоретики общественного договора не объясняли, как появилась власть государства в действительности, но они показали, что государственная власть опирается не только на силу, авторитет и волю её представителей, но также и на волю подчинённых, выраженную в общественном договоре. Иначе говоря, государственная власть должна осуществлять общую волю людей в государстве.

Общая воля, по Руссо, не есть простая сумма всех индивидуальных волей. Общая воля – это единогласное решение людей при обсуждении какого-либо вопроса, когда каждый индивид решает этот вопрос с учётом общих интересов и от имени всех [4. С. 215].

Говоря об антропологических характеристиках теорий общественного договора, нужно сказать следующее. Теории общественного договора, прежде всего Гоббса и Руссо, исходят из природы человека, как абстрактного антропологического начала (морально-психологические свойства). У Гоббса человек по природе зол. У Руссо человек по природе добр.

Это априорные и аксиоматические начала, дающие возможность Гоббсу, например, говорить о естественном состоянии как войне и преодолении войны, созданной путём общественного договора – властью монарха. Тут способ построения искусственного состояния общества, выглядит как своеобразная дедукция из аксиомы. Антропологическая характеристика – аксиома и математическая модель рассуждения – дедукция.

У Руссо прямо противоположная антропологическая характеристика. В обществе на самых ранних этапах нарушается исходное благоденствие и равенство. Появляется человек – огородивший землю (частная собственность) и поверивший ему, оставшийся ни с чем. Договор, призванный урегулировать их отношения, по Руссо, может иметь изъяны и народ вправе пересмотреть его (у Локка и Руссо присутствует эта идея).

Итак, согласно теории общественного договора государственная власть заключается в стремлении каждого из индивидов обезопасить свою жизнь, создать равные условия для претворения своих интересов. Для этого необходимо согласие всех и каждого из людей. К сожалению, теория общественного договора нереализуема, как доказывает история, потому что государственная власть никогда не была, да и вряд ли когда-нибудь будет напрямую завесить от граждан. Однако многие современные учёные и политики рассматривают общественный договор тем идеалом, к которому должно стремиться и идти реальное демократическое государство, чтобы учитывать интересы как можно большего числа своих граждан.

Литература

1. *Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / пер. с лат. и англ. Н. Фёдорова, А. Гутермана // Гоббс Т. Сочинения: В 2 т. – М.: Мысль, 1989. – Т. 2. – С. 3-545.
2. *Локк Дж.* Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения: В 3 т. – М.: Мысль, 1988. – Т. 3. – С. 137-405.
3. *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре или принципы политического права. – М.: Гос. Соц-экономическое изд-во, 1938. – 124 с.
4. *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре. – М.: КАНОН-пресс-Ц, 1998. – 416 с.
5. *Фейербах Л.* История философии // Философское наследие: В 3 т. – М.: Мысль, 1974. – Т.1. – 544 с.
6. *Общественный договор* [Электронный ресурс]. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Общественный_договор (дата обращения: 09.06.2011).

ПРОБЛЕМА КАЧЕСТВА И ГРАНИЦЫ В ФИЗИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

М. П. Прохоров

Научный руководитель – д. филос. н. А. Ю. Нестеров
Самарский государственный аэрокосмический университет

Человеческое сознание различает во Вселенной множество объектов, приписывая им различные характеристики, черты и особенности. В своих трудах немецкий философ Георг-Вильгельм-Фридрих Гегель сделал попытку обобщения характеристик различения, используя понятие «качество».

Понятие качества, сформулированное Гегелем, выражается через тождественную с бытием определённую вещь. Вещь, согласно Гегелю, перестаёт быть сама собой, когда теряет своё качество [1. С. 241]. Граница вещи при этом является формой, заключающей в себе её качество. За пределами границы вещи качество её не существует, и потому Гегель определял границу как реальность наличного бытия и одновременно его отрицание [1. С. 243].

Граница вещи в физической реальности определяется некоторым наблюдением. Наблюдение и измерение позволяет провести границу вещи в пространстве и, таким образом, ограничить область пространства, содержащее качество этой вещи. Наблюдение границы вещи, в самом простом случае твёрдого предмета, будет заключаться в касании этой вещи измерительным прибором. Очевидно, что наблюдение в физической реальности производится с некоторой конечной точностью.

Точность наблюдения границы может быть выражена через разрешение – количество точек, которых необходимо коснуться, заключённых в некотором отрезке. От точности наблюдения границы зависят параметры области пространства, содержащей в себе качество вещи. Так, поверхность оконного стекла, наблюдаемая с малым разрешением, будет представлять собой плоскость. С увеличением разрешения, на поверхности станут заметны сначала крупные неровности, затем всё более мелкие, и так вплоть до неровностей, вызванных неупорядоченностью атомной решётки стекла. Однако, при достаточно высоком разрешении наблюдения границы вещи, некоторые точки на поверхности стекла, которых мы должны коснуться, будут находиться в промежутках между составляющими её атомами. Одновременно всё большее значение будут принимать колебания атомов вокруг своих мест в кристаллической решётке. В результате, при увеличении точности наблюдения границы, когда расстояния между точками касания измерительным прибором станут сравнимы с расстояниями между атомами, граница предмета, вместо того, чтобы становиться всё более точной, будет размываться.

В повседневном опыте человек, однако, не замечает размывания границы потому, что этого не позволяет точность её наблюдения посредством его органов чувств. Потому в сознании человека предмет всегда имеет чёткую границу и, соответственно, ясное качество.

Стоит заметить, что так же, как стены дома по отдельности не содержат качества дома, атомы, из которых состоит рассматриваемый предмет, не содержат качества этого предмета. Поэтому, увеличивая точность наблюдения предмета, мы в итоге переходим от рассмотрения его качества к рассмотрению качеств составляющих его атомов. Можно было бы сказать, что с размыванием

границ предмета, обретают чёткость границы составляющих его молекул и атомов, так как более точное наблюдение позволяет различать отдельные частицы. Это, однако, не так. Одним из главных понятий квантовой механики является принципиальная неопределённость в измерении величин [2]. Самым наглядным видом неопределённости является неопределённость одновременного измерения импульса и координат частицы.

Этот вид неопределённости вызван тем, что наблюдение невозможно осуществлять без воздействия на наблюдаемую систему. В случае элементарных частиц наблюдение может производиться исключительно путём воздействия на систему новой частицей. Например, при попытке точно определить координаты атома нужно столкнуть с ним другую частицу, которой может быть фотон. Чем точнее требуется определить координату, тем меньшую длину волны должен иметь измеряющий фотон. Однако меньшая длина волны для фотона означает большую частоту и, соответственно, большую энергию и импульс. В результате, в момент наблюдения координаты атома, фотон внесёт в его движение неустранимое возмущение, в среднем тем большее, чем большую энергию он имел. Если после этого измерить количество движения этого атома, то для наблюдения потребуется снова столкнуть с ним фотон, и возмущение будет внесено уже в его координату. Таким образом, атом имеет принципиально неопределённую качественную границу, и это свойство переносится на границу любого составленного из атомов предмета.

Для вещей, не состоящих из элементарных частиц, таких как цвет или звук, неопределённость границы также заключается в устройстве органов восприятия данных вещей. Так, зелёный цвет, будучи наименованием длины воспринимаемых глазом световых волн, не имеет в восприятии однозначно определённой границы, отделяющей его от жёлтого цвета, а звук грома, в качестве границы, отделяющей его от других звуков, имеет лишь своё происхождение, оставаясь неопределённым в границах частот и длительности.

Таким образом, физические исследования последнего времени показали, что понятие границы вещи сильно зависит от способа её фиксирования. В частности, бесконечно точное определение положения какой-либо границы в современной физике показано невозможным из-за принципиальной неустранимости возмущений.

Человек, однако, не обладает органами чувств, способными к наблюдению неопределённости границы, и потому в субъективной реальности граница эмпирически данной вещи является однозначно определённой в пространстве и времени.

Литература

1. Гегель Г.В. Ф. Энциклопедия философских наук. – М.: Мысль, 1974. – Т.1. – 452 с.
2. Гейзенберг В. О квантово-теоретическом истолковании кинематических и механических соотношений // Успехи физических наук. – 1977. – № 8. – Т. 122. – С. 547-586.

ПРОБЛЕМА БЛАГА В ДОКЛАССИЧЕСКИЙ И КЛАССИЧЕСКИЙ ПЕРИОДЫ ГРЕЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

А. А. Санжеников

Научный руководитель – к. филос. н. М. Н. Вольф
Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск

В данной работе мы вкратце рассмотрим генезис проблемы блага в греческой философии (от первых философов до Сократа и Платона). Нас будет интересовать не столько концепт сам по себе, сколько та полемика, которая разворачивается при его обсуждении. Поэтому задача нашего исследования не сводится к реконструкции учений и догматов греческих философов относительно блага. Здесь мы скорее ставим своей целью восстановление того кластера проблем, который имел место в Греции от Фалеса до Платона при осмыслении блага.

Уже из названия ясно, что мы придерживаемся традиционного разделения древнегреческой философии на досократический период (доклассический или же натурфилософский) и классический (куда относится Сократ, софисты, Платон и Аристотель). Начнём с первого.

В досократический период греческий язык переживал довольно интересные метаморфозы. В связи со становлением философии и протонауки духовная жизнь эллинов интенсифицировалась и потребовала новых форм выражения. Языковая пластика совершенствуется посредством образования новых слов и придания иного смысла уже имеющимся понятиям. Так, лексема *to agathon* в обыденном сознании греков обозначала «добро, имущество, богатство». Яркую иллюстрацию такого значения мы видим у Геродота, когда он описывает военные сборы Креза на Каппадокию. Некий лидиец дает совет царю, чтобы тот ещё раз поразмыслил, зачем ему идти войной на народ, у которого нет в достатке пищи, вина, одежды и пр. Завершает он свою речь так: «Если ты и одолеешь их, то что возьмешь у народа, лишённого всех благ?» [1. С. 33]. Философы досократического периода стали отождествлять благо с совершенно иными вещами. А первым шагом в осмыслении блага стал отказ от его множественности.

Ниже мы проиллюстрируем этот тезис на текстах, а сейчас обратим внимание на то, что этическая проблематика у ранних греческих философов стояла далеко не на первом месте. По большей части мыслители той эпохи размышляли о природе, что подтверждается традиционным заглавием работ того времени («*Peri fuseōn*»). Это дает повод к суждениям, согласно которым этической *системы* у досократиков нет, есть лишь ряд отдельных наблюдений, не связанных с учением о бытии (в таком духе рассуждал Э. Целлер). Другие исследователи античности настаивают на обратном (яркий пример – А. О. Маковельский). Современные монографии направлены на то, чтобы увидеть в ранней греческой философии не только рассуждения о природе, но и осмысление места человека в мире (например, [3]). Со своей стороны, мы вынуждены согласиться, что определенной системы в этике досократиков нет, но связь этических положений с их философией, безусловно, имеется. Опираясь на свои натурфилософские представления, эти философы подвергали критике традиционные представления о морали, и тем самым, внесли лепту в

трансформацию смыслового содержания понятия «благо». Таким образом, досократики стояли у истоков философского понимания блага и, без их размышлений не могли появиться на свет такие явления, как этика Сократа, Платон, Аристотеля.

Итак, досократики в противовес обыденному пониманию не отождествляли благо со многими вещами. Фалесу Милетскому приписывают такие слова: «Мудрость единую знай, единого блага ищи» [2. С. 65]. Стремление к унификации, естественно, говорит нам о рационализме первых философов, так как минимизация оснований и принципов свойственна разуму. Здесь невольно приходят на ум сократические диалоги, в которых нередко перечисляются многие вещи с предикатом, например, «красота», после чего делается вывод, что есть нечто, что всех их объединяет, а именно красота сама по себе.

Ксенофан Колофонский так же выступил с критикой традиционных устоев и в своих элегиях осуждает сограждан за то, что они воздают честь и хвалу бегунам, атлетам:

Вздорен обычай сей, право, и несправедливо к тому же

Силу предпочитать *мудрости* [нашей] *благой* (*tēs agathēs sofīēs*) [8. С. 170].

Противопоставляя мудрость грубой силе, предпочитая первое, Ксенофан был не одинок. Афиней в «Пире мудрецов» приводит стихи Еврипида, подражающего Ксенофану:

Какую пользу городу родному,

Стяжав венки, доставил тот атлет,

Который или хорошо боролся,

Иль быстро бегал, или диск метнул...

Я думаю, что *мудрых* и *хороших*

Венком лавровым должно увенчать,

И всякого, кто правит государством

Отлично, по закону и с умом,

Кто словом отвращает злое дело

И устраняет распри и раздор:

Вот *благо* граду всякому, всем грекам [8. С. 175–176].

Важно отметить, что и у Ксенофана и у Еврипида мудрость *благá* не сама по себе, а потому что приносит пользу для всего полиса и для всех граждан. Инструментальный характер блага говорит о незрелости аретологии, которую мы можем наблюдать, к примеру, у Плотина. С другой стороны, следует понимать, что такому положению дел способствовали социальные условия. Становление полисной системы нуждалось в осмыслении на теоретическом уровне и нашло своё отражение в представлениях первых философов о благе полиса и всех греков. В свою очередь поздняя античность требовала от мыслителя совсем иного.

Итак, в досократический период происходит становление философского содержания понятия благо, посредством которого благо обособляется от обыденных вещей и приравнивается к мудрости. При этом благо имеет ценность инструментальную.

Классический период философии по-иному раскрыл содержание понятия благо и поставил новые проблемы. Благо в этот период приобретает такое

значение, что Платон пишет: «Само благо не есть существование, оно за пределами существования, превышая его достоинством и силой» [7. С. 291].

Большую роль в актуализации проблемы блага сыграли софисты. Будучи релятивистами, они трактовали благо относительно. «Нет ничего самого по себе хорошего и дурного: что для одного хорошо, для другого плохо; и что сегодня для меня хорошо, завтра плохо... Смертельная болезнь для меня зло, а для моих наследников – благо» [5. С. 208]. Релятивизм софистов заставил Сократ выстроить аргументацию в пользу единственности блага. В сократическом диалоге «Евтидем» мы видим, каким способом он это сделал. «В целом же, Клиний, – сказал я, – как представляется, все то, что мы раньше назвали благами², не потому носит это имя, что по самой своей природе является таковым, но вот почему: если этими вещами руководит невежество, то они – большее зло, чем вещи противоположные, причём настолько большее, насколько сильнее они подчиняются руководящему началу, выступающему как зло; если же их направляют разумение и мудрость, то они скорее будут добром; само же по себе ни то ни другое ничего не стоит» [6. С. 170]. Важно отметить отличие этой позиции от предыдущего этапа, рассмотренного нами выше. Коренным отличием является то, что здесь традиционные блага не игнорируются, философы чувствуют потребность понять, почему же все-таки здоровье и богатство большинство называют благом. Со всей очевидностью делается вывод, что благом именуется полезное [7. С. 143]. Здоровье же и богатство, если ими управляет невежда могут навредить, следовательно, они не благо. Но и злом их нельзя назвать, ибо мудрый распорядится ими во благо и «они скорее будут добром». Делается протостоический вывод: по своей природе такие вещи не являются ни благом, ни злом. Немаловажно отметить постановку данного вопроса. Позже он станет ключевым сюжетом для стоицизма. Благо в сократической трактовке обладает еще одной отличительной чертой. В сократическо-платонической философии благо приравнивается к мудрости и знанию и, как следствие, становится телеологичным.

В заключении уместно заметить, что нам удалось рассмотреть лишь один аспект проблемы. Обозначить этот аспект можно с помощью аристотелевской дистинкции: соотношение душевных, телесных и внешних благ. В досократический период происходит осмысление благ душевных и отрицание телесных и внешних. Представители классического периода выстраивают аргументацию в пользу того, что благом можно считать только душевное, все же прочее к таковому не относится.

Примечания

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Благо и безразличное в раннестоиической философии»), проект № 11-33-00347а2.

²Выше Сократ причислил к благам богатство, «здоровье, красоту и другие прекрасные телесные совершенства», «родовитость, власть и почести у себя на родине» (Евтидем. 279а-б).

Литература

1. *Геродот*. История. В девяти книгах. – Л.: Наука, 1972. – 602 с.
2. *Диоген Лаэртский*. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. – М.: Мысль, 1986. – 571 с.

3. *Драч Г.В.* Рождение античной философии и начало антропологической проблематики. – М.: Гардарики, 2003. – 318 с.
4. *Маковельский А.О.* Древнегреческие атомисты. – Баку: Издательство АН Азербайджанской ССР, 1946. – 397 с.
5. *Месяц С.В.* Благо // Античная философия: Энциклопедический словарь. – М.: Прогресс-Традиция, 2008. – С. 207–210.
6. *Платон.* Сочинения: В 4 т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1990. – 860 с.
7. *Платон.* Сочинения: В 4 т. – Т. 3. – М.: Мысль, 1993. – 654 с.
8. *Фрагменты* ранних греческих философов. – М.: Наука, 1989. – 576 с.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ МЕТОДА МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ИНДУКЦИИ

В. А. Филипповский

Научный руководитель – к. филос. н. М. В. Стёпкина
Самарский государственный аэрокосмический университет

В системе методов научного познания метод математической индукции относится к классу общенаучных методов, более точно – к теоретическим методам. Несмотря на то, что в названии этого метода присутствует термин «индукция», метод математической индукции правильнее причислять к дедуктивным, нежели к индуктивным методам, поскольку в отличие от последних, метод математической индукции позволяет получать достоверное знание.

Особенностью математической индукции является рассмотрение некоторого вполне упорядоченного множества элементов. Если все элементы этого множества обладают одним и тем же свойством (предикатом), то это можно показать с помощью метода математической индукции. Общая схема метода математической индукции включает:

1. Базис (наличие свойства устанавливается для некоторого начального элемента);

2. Индуктивный шаг (на основании предположения о том, что n -ый элемент обладает данным свойством, показывается, что этим же свойством обладает $(n+1)$ -ый элемент);

3. Ограничение или заключение (устанавливается, что все элементы обладают этим свойством т.т.т., когда это может быть показано с помощью пп. 1-2).

Метод математической индукции обычно формулируется в форме принципа математической индукции, который включён в список аксиом арифметики Пеано. Общая схема метода математической индукции представляется символически:

$$\left[P(0) \& \forall k (P(k) \supset P(k+1)) \right] \supset \forall n P(n). \quad (\text{ПМИ1})$$

Обобщение метода математической индукции на множество всех индивидных предикатов P (свойств и отношений индивидов) выражается в языке логики второго порядка:

$$\forall P \left(\left[P(0) \& \forall k (P(k) \supset P(k+1)) \right] \supset \forall n P(n) \right). \quad (\text{ПМИ2})$$

Наряду с традиционным методом математической индукции А.А. Зенкиным предложен метод супер-индукции [2]: если доказано утверждение вида:

$$\exists n^* Q(n^*) \supset \forall_{n>n^*} P(n) \quad (\text{ЕАТ})$$

и если удалось найти хотя бы одно натуральное число k , для которого выполняется $Q(k)$, то из (ЕАТ) по правилу отсечения мы получаем $\forall_{n>n^*} P(n)$:

$$\left[\left(\exists n^* Q(n^*) \supset \forall_{n>n^*} P(n) \right) \& Q(k) \right] \supset \forall_{n>n^*} P(n), \quad (\text{СИ})$$

где предикаты Q и P связаны между собой некоторой функциональной связью $P(x) = f(Q(x))$, но представляют собой различные теоретико-числовые свойства, определённые на множестве \mathbf{N} [2].

В данной работе мы обращаемся только к (ПМИ1). Необходимо различать применение метода математической индукции в индуктивных определениях и в доказательствах методом математической индукции.

Покажем, как применяется метод математической индукции в индуктивных определениях. Возьмём, например, определение понятия «натуральное число» в элементарной теории чисел:

Df. 1. $n \in \mathbf{N} :=$

1. (Базис.) $0 \in \mathbf{N}$.

2. (Индуктивный шаг.) $\frac{k \in \mathbf{N}}{k+1 \in \mathbf{N}}$.

3. (Ограничение.) Для любого n верно, что $n \in \mathbf{N}$ т.т.т., когда это может быть показано с помощью пп.1-2 данного определения.

Приведём пример использования метода математической индукции в доказательствах. Докажем методом математической индукции одну простую теорему элементарной теории чисел. Для этого нам понадобятся правило делимости нуля и две вспомогательные леммы.

ПРАВИЛО ДЕЛИМОСТИ НУЛЯ. Для любого $n \in \mathbf{N}$ и $n \neq 0$ верно $0 | n$:

$$\forall n \left(0 | n \right). \quad (\text{ПД0})$$

ЛЕММА 1. Для любого $n \in \mathbf{N}$ если n чётное, то следующее за ним – нечётное:

$$\forall n \left(n | 2 \supset \overline{n+1} | 2 \right). \quad (1)$$

ЛЕММА 2. Для любого $n \in \mathbf{N}$ если n нечётное, то следующее за ним – чётное:

$$\forall n \left(\overline{n} | 2 \supset n+1 | 2 \right). \quad (2)$$

Обе леммы легко доказать, пользуясь средствами модульной арифметики.

ТЕОРЕМА. Для любого $n \in \mathbf{N}$ имеет место либо $n | 2$, либо $\overline{n} | 2$:

$$\forall n \left(n | 2 \vee \overline{n} | 2 \right). \quad (3)$$

Доказательство. Методом математической индукции.

1 ветвь вывода:

$$\frac{\begin{array}{c} \text{[ПД0]} \\ \forall n(0|n) \end{array} \vee^- \frac{0|2}{0|2 \vee 0|2} \vee^+}{\frac{\begin{array}{c} \text{[Лемма 1]} \\ +2 \frac{\forall n(n|2 \supset \overline{n+1}|2)}{k|2} \vee^- \\ \frac{k|2}{k+1|2} \supset^- \\ \frac{k+1|2}{k+1|2 \vee k+1|2} \supset^+ \end{array} \frac{\begin{array}{c} \text{[Лемма 2]} \\ +3 \frac{\forall n(\overline{n}|2 \supset n+1|2)}{k|2} \vee^- \\ \frac{k|2}{k+1|2} \supset^- \\ \frac{k+1|2}{k+1|2 \vee k+1|2} \supset^+ \end{array} \frac{k+1|2 \vee k+1|2}{k+1|2 \vee k+1|2} \vee^- \text{-2-3}}{k+1|2 \vee k+1|2} \supset^+ \text{-1}}{\frac{k|2 \vee k|2 \supset k+1|2 \vee k+1|2}{\forall k(k|2 \vee k|2 \supset k+1|2 \vee k+1|2)} \vee^+} \&^+ \frac{(0|2 \vee 0|2) \& \forall k(k|2 \vee k|2 \supset k+1|2 \vee k+1|2)}{(0|2 \vee 0|2) \& \forall k(k|2 \vee k|2 \supset k+1|2 \vee k+1|2)} \&^+$$

2 ветвь вывода:

$$\frac{[ПМИ1] \quad \frac{[P(0) \& \forall k(P(k) \supset P(k+1))] \supset \forall n P(n)}{[(0|2 \vee \overline{0|2}) \& \forall k(k|2 \vee \overline{k|2} \supset k+1|2 \vee \overline{k+1|2})] \supset \forall n(n|2 \vee \overline{n|2})} \text{Подст. } x|2 \vee \overline{x|2} / P(x)}{[(0|2 \vee \overline{0|2}) \& \forall k(k|2 \vee \overline{k|2} \supset k+1|2 \vee \overline{k+1|2})] \supset \forall n(n|2 \vee \overline{n|2})}$$

Итоговый вывод:

$$\frac{\frac{\text{1 ветвь вывода}}{\dots} \quad \&^+ \quad \frac{\text{2 ветвь вывода}}{\dots}}{\frac{[(0|2 \vee \overline{0|2}) \& \forall k(k|2 \vee \overline{k|2} \supset k+1|2 \vee \overline{k+1|2})] \supset \forall n(n|2 \vee \overline{n|2})}{\forall n(n|2 \vee \overline{n|2})} \supset}$$

Американскому математику Д. Пойа [1. С.140] приписывают авторство доказательства одноцветности всех лошадей, которое показывает возникновение ошибок при неправильном применении метода математической индукции.

ТЕОРЕМА (о лошадях). *Все лошади одного цвета.*

Доказательство. Методом математической индукции.

1. (Базис) Одна лошадь одного цвета.
2. (Индуктивный шаг) Пусть k лошадей одного цвета. Докажем, что $k+1$ лошадей одного цвета.

Рассмотрим множество $k+1$ лошадей. Множество лошадей может быть эффективно упорядочено, так что можно указывать на i -тую лошадь из этого множества. Будем производить одну и ту же последовательность действий: 1) для i -той итерации цикла убрать i -тую лошадь и 2) проверить, является ли оставшееся множество лошадей одного цвета. Очевидно, что необходимо произвести $k+1$ итераций этого алгоритма. Легко видеть, что на каждой i -той итерации алгоритма: 1) каждая i -тая убранная лошадь одного цвета (базис) и 2) оставшееся множество k лошадей одного цвета (по предположению индукции).

3. (Заключение) Все лошади одного цвета.

Покажем, в чём заключается ошибка этого рассуждения. Пусть:

$L(x)$ означает « x – лошадь»,

$Cв(x, y)$ означает « x обладает цветом y »,

$1Cв(x)$ означает « x – одного цвета (немногоцветный)»,

$ОдCв(\varphi)$ означает «все элементы класса φ обладают одним и тем же цветом».

Дадим необходимые определения:

Df. 2. $1Cв(x) \equiv \exists! y Cв(x, y)$.

Последнее можно переписать без использования $\exists!$:

Df. 2a. $1Cв(x) \equiv \exists y Cв(x, y) \& \forall u (Cв(x, u) \equiv u = y)$.

Df. 3. $\varphi = \{x \mid L(x)\}$.

Df. 4. $ОдCв(\varphi) \equiv \forall i, j \forall x_i, x_j \forall y_i, y_j \left(\exists! y_i \exists! y_j (Cв(x_i, y_i) \& Cв(x_j, y_j)) \supset y_i = y_j \right)$.

$ОдЦв(\varphi)$ – «все элементы класса φ попарно одноцветны между собой».

С учётом этих обозначений символизируем доказательство теоремы.

ТЕОРЕМА (о лошадях). *Все лошади одного цвета:*

$$ОдЦв(\varphi), \quad (4)$$

или с учётом Df. 3 и Df. 4:

$$\forall i, j \forall x_i, x_j \forall y_i, y_j \left((Л(x_i) \& Л(x_j)) \supset (\exists! y_i \exists! y_j (Цв(x_i, y_i) \& Цв(x_j, y_j)) \supset y_i = y_j) \right). \quad (5)$$

Доказательство. Методом математической индукции.

1. (Базис.) Одна лошадь одного цвета; иначе говоря, произвольная i – тая лошадь одного цвета:

$$\forall i \left(Л(x_i) \supset 1Цв(x_i) \right), \quad (6)$$

что по Df. 2 эквивалентно:

$$\forall i \left(Л(x_i) \supset \exists! y Цв(x_i, y) \right). \quad (7)$$

2. (Индуктивный шаг.) Пусть множество φ_k включает k лошадей одного цвета:

$$ОдЦв(\varphi_k), \quad (8)$$

или по Df. 3 и Df. 4:

$$\forall i, j \forall x_i, x_j \forall y_i, y_j \left((Л(x_i) \& Л(x_j)) \supset (\exists! y_i \exists! y_j (Цв(x_i, y_i) \& Цв(x_j, y_j)) \supset y_i = y_j) \right). \quad (9)$$

Докажем, что множество φ_{k+1} состоит из $k+1$ лошадей одного цвета:

$$\forall i, j \forall x_i, x_j \forall y_i, y_j \left((Л(x_i) \& Л(x_j)) \supset (\exists! y_i \exists! y_j (Цв(x_i, y_i) \& Цв(x_j, y_j)) \supset y_i = y_j) \right). \quad (10)$$

Рассмотрим множество φ_{k+1} , состоящее из $k+1$ лошадей. Уберём произвольную i – тую лошадь. Поскольку

$$\left| \{x_1, \dots, x_{i-1}, x_i, x_{i+1}, \dots, x_k, x_{k+1}\} \setminus \{x_i\} \right| = \left| \{x_1, \dots, x_k\} \right| = k \quad (11)$$

для оставшегося множества лошадей φ_k по предположению индукции (9) доказано, что все лошади φ_k одного цвета.

Для того чтобы получить (10) из (9), необходимо, но недостаточно, чтобы i – тая лошадь была одного цвета:

$$Л(x_i) \supset \exists! y Цв(x_i, y). \quad (12)$$

Достаточным условием является соблюдение следующего дополнительного требования: цвет x_i должен совпадать с цветом любой другой лошади $x_j \in \varphi_k$, а из того, что лошади класса φ_k попарно одноцветны, следует, что цвет x_i должен попарно совпадать с цветом любой лошади $x_j \in \varphi_k$. Легко видеть, что (12) не отвечает этому условию, следовательно, (9) и (12) недостаточно для того, чтобы получить (10).

Ошибка этого доказательства проста: устанавливаемый в базисе доказательства предикат отличается от того, который устанавливается в

индуктивном шаге и в самой теореме. В доказательстве нарушено требование тождественности всех вхождений $P(x)$ в (ПМИ1).

Литература

1. *Пойа Д.* Математика и правдоподобные рассуждения. – 2-е изд., испр. – М.: Наука, 1975. – 464 с.
2. *Zenkin A. A.* Super-Induction Method: Logical Acupuncture of Mathematical Infinity [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bu.edu/wcp/Papers/Logi/LogiZenk.htm> (дата обращения 10.04.2013).

**ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНЫХ
И ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК****ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ФОТОГРАФИИ М. МАКЛЮЭНОМ**

П. И. Чубарь

Научный руководитель – ассист. К. А. Габрусенко

Томский государственный университет

Одна из наиболее востребованных тем философии XXI в. – это феномен медиа, его анализ и критика. Важный аспект этой темы – роль фотографии в медийном пространстве.

Известно, что Маршалл Маклюэн, «пророк информационного века», разработал уникальную систематизацию медиа средств («the medium») на основе джазовой терминологии. В джазе лёгкий и размеренный ритм принято называть «cool», а динамичный и экспрессивный – «hot», поэтому в своей работе «Понимание медиа» Маклюэн разделил все средства коммуникации на cool и hot, т. е. холодные и горячие.

Холодное медиа – это медиа, которое передаёт только форму и предполагает больший личный вклад, так как оно не имеет чётко выраженной точки зрения. Для холодного средства, которое обладает низкой определённой, необходима концентрация внимания и активная работа фантазии. Примерами холодных медиа являются речь, телевидение, книги, телефон. Так, для чтения книги необходимо не только сосредоточенность читателя, но и подключение его воображения, наличие жизненного опыта, знание культурного контекста и др.

Горячее медиа передаёт информацию по одному каналу, через одно чувство. Такое медиа выражает авторскую точку зрения и предполагает низкую степень участия перцепиента потому, что оно оставляет мало возможностей для личного вклада. Примерами горячих медиа можно назвать радио и кино. Пресса – это также горячее средство, обеспечивающее человека готовым знанием об окружающем мире

Принадлежность к тому или иному типу медиа определяется следующими критериями:

1. Выраженность точки зрения автора.
2. Качество разрешения информации
3. Степень личного участия потребителя информации.

Фотографию канадский учёный причислял к «горячим» медиа средствам. В «Понимание медиа» он писал, что «с появлением печати многие прежние формы были исключены из жизни и искусства, а многие приобрели странную новую интенсивность» [3. С. 26]. Фотография относится ко второму случаю. Маклюэн считал, что человек сделал шаг из эпохи книги в эпоху графики с изобретением фотографии, которая была первым искусством, представляющим технический образ, образ визуальный и репродуцируемый, пришедшей на смену

слову. Но, по нашему мнению, фотография сегодня не соответствует критериям, данным Маклюэном, практически полвека назад, и она более не является горячим медиа средством.

До второй половины XX в. принадлежность фотографии к горячим медиа не вызывала сомнений в силу следующих обстоятельств:

1. Через фотографию максимально объективно передаётся реальность со всеми её деталями, что не требует включения фантазии зрителя.

Во-первых, фотография выступает в качестве визуального документа.

Во-вторых, фотография включена в арсенал научного инструментария и доказательств.

2. Зритель получает изображение, максимально заполненное информацией, с её высоким разрешением.

3. Это средство коммуникации воздействует только на один орган восприятия (глаз, зрение), развивая его до предела. Согласно Маклюэну, «фотография, с визуальной точки зрения, обладает “высокой определённойностью”» [3. С. 78]. Фотографию он противопоставлял комиксу, который обладает «низкой определённойностью», и поэтому всегда нуждается в сопровождающем тексте.

Таковы аргументы канадского учёного, который ставит фотографию в один ряд с другими горячими медиа средствами. Однако, в результате критического рассмотрения истории фотографии даже в XIX – первой половине XX в. выявляются следующие факты, противоречащие концепции Маклюэна.

Во-первых, для нас спорно утверждение о максимальной объективности и высоком разрешении пикториальной фотографии. В пикториальном направлении технически подчеркиваются в фотографии те черты, которые сближают её с живописью и графикой.

Во-вторых, воздействие фотографии уже в то время осуществлялось не только через визуальные образы: фотографиям, как и картинам, давались подписи и названия, что приносило текстовую информационную составляющую.

С другой стороны, современные исследователи отмечают, что в медиа пространстве происходит процесс синтеза всех семиотических систем и формируется новое видение – новый тип образного мышления, который интегрирует визуальные и речевые формы [2. С. 64]. Так, фотография выходит за рамки исключительно визуального. Она обращается к опыту устной и письменной культуры, то есть теперь воздействие оказывается не на одно чувство, а на несколько, что увеличивает степень вовлечённости зрителя.

Изображая действительность, фотография всё-таки не может достоверно передать происходящее из-за своей статичности. Одиночный снимок без контекста противоречит динамичному восприятию окружающего мира человеком и не является самодостаточным. Это заставляет фотографов создавать контекст посредством написания аннотаций, экспонированию фотосерий и изданию тематических фотоальбомов. Поэтому сегодня репрезентация фотографий стремится к динамике: создаются слайд-шоу, подкреплённые аудио-рядом. Вместо выставок фотографий в рамках устраиваются инсталляции и хеппенинги, «нечто среднее между художественной выставкой и театральной постановкой» [1. С. 37]. Очень активно используется фотография для

социальных задач, такая фотография примыкает к концептуальному направлению в искусстве и сопровождается текстом, который вносит большой смысловой вклад в понимание замысла работы.

Если обратить внимание на современное фотоискусство, то нельзя сказать что-либо о «высокой определённости», поскольку искусство в целом тяготеет к эфемерности, что происходит от сомнения в рациональности. Фотографы пользуются категорией бессознательного, создают новые смыслы, сопоставляют вырванные из контекста объекты, экспериментируют с фототехникой. «...Фотография реально выходит за пределы изобразительного, создавая благодаря схватыванию внутренних жестов и поз тела и души новые миры эндокринологии и психопатологии», – так предугадывал сам Маклюэн будущее для светописа [3. С.160].

Подводя итог вышесказанному, мы можем заключить, что современная фотография более не содержит в себе признаки горячего медиа средства, о чём свидетельствует нижеперечисленное:

1. Сегодня фотография стремится отойти от действительности, а её роль визуального документа становится не столь значительной.

2. Фотография в наше время не обладает высоким разрешением, она не максимально заполнена информацией. Это предполагает активное участие перцепиента в процессе получения информации.

3. Происходит расширение поля воздействия современной фотографии: зритель превращается в слушающего, читающего и участвующего субъекта.

Поскольку фотография более не является горячим медиа, можно предположить, что произошёл процесс обратный «разогреванию средств коммуникации». В работах канадского культуролога и философа есть неоднократные упоминания о «разогревании», о перегретых медиа, когда холодное медиа теряет свои качества и приобретает качества холодного. Однако про обратный процесс у Маклюэна ничего нет, но, как мы видим, фотография доказала, что возможно и «охлаждение» медиа средств.

Говоря о фотографии, нельзя не учитывать огромный диапазон её применения: от семейных фотоальбомов до сложных работ современных фотохудожников. Есть репортажный жанр фотографии, который тяготеет к реальности, объективности и информационной наполненности, есть фотоискусство, которое работает с образами и абстракциями. Фотография не обладает достаточным единством, поэтому крайне сложно высказывать суждения, справедливые для каждой из её частей. Тем не менее, можно с уверенностью утверждать, что современная фотография как целое более не является горячим медиа – она выходит за границы системы медиа средств, разработанной Маршаллом Маклюэном в XX в.

Литература

1. Зонтаг С. Мысль как страсть: Избранные эссе 1960–70-х годов / Сост., общая редакция Б. Дубина; пер. с англ. В. Голышева и др. – М.: Русское феноменологическое общество, 1997. – 208 с.

2. Кулагина Е. В. Эволюция визуального текста [Электронный ресурс] / Е. В. Кулагина // Вестник Казанского университета искусств и культуры. – 2003. № 93. – С. 64-66.
URL: <http://elibrary.ru/download/57552621.htm> (дата обращения: 16.05. 2012).
3. Маклюэн М. Понимание медиа. / Пер. с англ. В. Николаева. – М.: Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. – 464 с.

ГУМАНИТАРНАЯ ИНФОРМАТИКА**РЕЧЕВОЙ СТАТУС КОММУНИКАНТА В ПИСЬМАХ
ФИШИНГ-СПАМА НА ПРИМЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ VK.COM.**

А. В. Чекунова

Научный руководитель – к. филол. н. Н. Н. Зильберман

Томский государственный университет

Спам-письма – достаточно новая форма коммуникации, очень быстро получившая широкое распространение благодаря сетевым технологиям. Модель построения спам-писем является актуальным объектом лингвистических, психологических и социологических исследований. Основное внимание в работе уделено фишингу как разновидности спама. Целью данной работы является обзор способов выражения речевого статуса в фишинг-спаме в социальной сети «vk.com». Материалом для исследования послужили спам-сообщения в социальной сети, собранные с октября 2010 г. по январь 2012 г. (111 писем). Одной из важнейших стратегий воздействия на адресата является акцентирование автором своего речевого статуса: тональность коммуникации зависит от того, как адресант позиционирует себя по отношению к адресату.

Речевой статус в нашем понимании складывается из социальной роли и позиции коммуникативной роли. Под социальной ролью (или статусом) мы понимаем «одобренные обществом правила поведения (в частности, речевого этикета), соответствующие ожиданиям каждого коммуниканта, занимающего определённую социальную позицию» [3]. Под позицией коммуникативной роли понимаются типы взаимодействия коммуникантов, которые не «зависят от социально-ролевых ожиданий адресата и проявляются, прежде всего, в императивном компоненте» спам-письма (в побуждении к действию) [2. С. 8]. И социальный статус, и позиция могут быть по уровню взаимодействия как равноправные, так и неравноправные.

В ходе исследования была проведена классификация фишинг-писем по основанию наличие/отсутствие подписи. В качестве показателя социальной роли адресанта выделены статусно-маркированные и статусно-немаркированные письма. Социальный статус адресанта может быть выражен как эксплицитно, так и имплицитно, также мы выделяем равноправие и неравноправие коммуникантов. В тех письмах, где отсутствует подпись адресанта, социальная роль выражается в проявлении речевого этикета (разговорный стиль – равноправие, официально-деловой – неравноправие).

Социальный статус выражен эксплицитно в тех случаях, когда имеется информация об адресанте, т.е. подпись. Среди писем, где социальный статус выражен эксплицитно, выделяется тактика признания авторитета, она связана с неравноправием коммуникантов. Отправители выбирают чаще всего представительные номинации. Коммуникативная ситуация в таких случаях соответствует официально-деловому дискурсу, например: «Вас приветствует

сотрудник сайта» (данный и последующие примеры приводятся в авторской редакции), «С уважением, Администрация». Указывая на свой статус и авторитет, отправитель сразу же располагает к себе адресата.

Среди собранного материала мы не нашли примеров фишинга, где речевой статус адресанта выделен эксплицитно, при этом заметно социальное равноправие коммуникантов. К этой категории могли быть отнесены спам-письма, имитирующие дружескую переписку, где подтверждалось бы статусное равенство коммуникантов, но при этом адресант должен был бы указать кем он является. При анализе мы учитывали тот факт, что в социальной сети «vk.com» у каждого пользователя есть имя, фамилия и фотография, следовательно, подпись сообщения при дружеском общении не обязательна. Однако мы рассматриваем электронные сообщения, относящиеся к фишингу. И в дружеской переписке фишинг-спам реализуется не только в том случае, если взломана анкета пользователя сайта и спам-сообщения приходят всем, кто есть в списке друзей. Встречаются случаи, когда фишинг-спам с имитацией дружеского общения приходит пользователям сайта от совершенно незнакомых людей. Поэтому подобные спам-письма мы относим к группе статусно-маркированных сообщений, утверждая, что речевой статус адресанта в них выражен имплицитно.

Социальный статус выражен имплицитно в таких спам-письмах, где адресант не указывает никакой информации о себе, но высказывание построено таким образом, что адресат понимает, кто к нему обращается.

В приветствии при равноправии речевого статуса используется разговорный стиль, возможно употребление сленга. Примеры: «Дароф», «Приветик». В приветствии при неравноправии социального статуса используется официально-деловой стиль, сдержанность и отсутствие эмоциональности, например: «Здравствуйте». Данное приветствие принято между малознакомыми людьми, или не расположенными к продолжению общения, что можно обозначить как своеобразную дань дежурной вежливости [1].

При дружеском общении во многих случаях употребление обращения по имени отсутствует, так как собеседники знают друг друга, и адресант может начать своё сообщение сразу с просьбы или с изложения какой-либо информации. Встречаются в качестве обращения междометия «эй», «э», что является призывом к вниманию. Обращение по имени в собранных спам-письмах встречается очень редко, возможно, это связано с попыткой избежать ситуации несоответствия, например, когда у пользователя вместо имени и фамилии указан придуманный псевдоним (никнейм), а спамер, имитируя дружескую переписку и не зная настоящего имени адресата, отправляет ему письмо с обращением по никнейму. В таком случае можно сразу распознать спам. Стиль обращения может быть приёмом, указывающим на статус коммуникантов и при отношении неравноправия. Например, употребление при обращении личного местоимения «вы» является проявлением вежливости, но в тоже время указывает на эмоциональную дистанцию. Слово «вы» обозначает множественность собеседников (за исключением говорящего). Это указывает на то, что сообщение рассылается нескольким адресатам, подтверждая и обезличенное приветствие или указание на массовую рассылку. Также из

подобного вида обращений мы понимаем, кем является адресант, так как присутствует намёк на организацию, к которой он относится.

При равноправии социального статуса в письменной коммуникации адресант использует разговорную лексику, а также нарушение орфографических и пунктуационных норм. Например: «Блин денег на счету нет (ты можешь пож отправить смс на 3649 с текстом "regacc" (срочно нужно)? вечером тебе счет пополню!!!!!!!!!!)».

При неравноправии социального статуса все нормы соблюдены: «Активация происходит в автоматическом режиме, для этого необходимо отправить бесплатную смс на номер: 4460 с текстом crtonik-183207. После отправки sms сообщения нажмите на кнопку обновить». Следует отметить, что и приветствие, и обращение напрямую связано со стилем спам-письма. Приветствие или обращение – это то, с чего начинается любое традиционное письмо. Именно приветствие и обращение создают определённую атмосферу (в зависимости от стиля) и устанавливают тональность и границы общения.

Отдельно выделяется фишинг, где социальная роль коммуникантов не выражена в тех случаях, когда отсутствует обращение к конкретному получателю или к группе адресатов, и нет никаких намёков на социальную роль адресанта. Например: «способы реального заработка в Интернете без вложений http://lykov-anton2010.narod2.ru/glavnaya_stranitsa/».

Далее рассмотрим позиции коммуникантов в фишинг-письмах. При всём разнообразии отношений между адресантом и адресатом позиция их коммуникативной роли может быть сведена к двум основным типам: равноправия и неравноправия. Позиционирование адресантом себя по отношению к адресату происходит независимо от социально-ролевых ожиданий адресата. Под позицией коммуникативной роли мы понимаем типы взаимодействия коммуникантов. Так как главный компонент фишинг-письма – это побуждение, следовательно, именно здесь и будет проявляться позиция адресанта по отношению к адресату. Прагматический тип высказывания, целью которого является побуждение адресата к какому-либо действию [5]. В качестве маркеров императивности в тексте выступают: общее содержание, глаголы в форме повелительного наклонения, императивные речевые жанры и стратегии. В связи с этим мы выделяем три степени воздействия (императивности): низкую, среднюю, высокую. Данная классификация основана на учение о побудительных речевых актов Н.И. Формановской [4]. К низкой степени императивности мы относим такие речевые жанры, как просьба («плиз помоги выиграть Hyundai Accent. Я 3 в рейтинге, осталось совсем чуть-чуть!!! Пожалуйста отправь смс с текстом MUR 574 на номер 1171») и рекомендация, поскольку в данных речевых жанрах каузируемое действие совершается в интересах адресата («Способ нелегального повышения рейтинга. Спешите пока халява! Попробуйте и убедитесь во всём сами!»). К средней степени императивности мы относим речевые жанры: информирование («Активация происходит в автоматическом режиме, для этого необходимо отправить бесплатную смс на номер: 4460 с текстом crtonik-183207») и предупреждение («Срочно проверься вот тут: www.spamenet.ru Только поставь Защиту скорее, а то у моего знакомого уже удалили страничку за это!»), так как данные речевые акты подразумевают возможность отказать, однако, в фишинг-письмах

высказывание построено таким образом, что даже информирование и предупреждение напоминают лёгкую форму шантажа или принуждения. Высокой степенью императивности характеризуются такие речевые жанры, как приказ («обязательно посмотри это <http://d365.narod.ru/umog2.html>»), «Свои вопросы по контакту задавать на официальном форуме в контакте. Ссылка forumvk.ru») и угроза («В противном случае ваш профиль будет удалён навсегда»), поскольку они обладают большей иллюкутивной силой по сравнению с такими речевыми жанрами, как информирование или предупреждение. При подсчёте маркеров, определяющих тот или иной тип взаимодействия, выявлено преобладание средней и высокой степени императивности. Наибольшее количество маркеров информирования (29), угрозы (19) и приказа (17). Наименьшее количество маркеров таких способов побуждения, как предупреждение (8), просьба (6) и рекомендация (4).

В результате исследования наибольшее количество фишинг-писем, собранных в период с октября 2010 года – январь 2012 года в социальной сети «vk.com» отражают неравный социальный статус коммуникантов (65 писем из 111). Следует отметить, что социальный статус адресанта чаще всего выражен имплицитно (92 сообщения из 19). Что касается позиции коммуникативной роли, то преобладающие типы взаимодействия высокой и средней степени побуждения (информирование, угроза и приказ). Мы убеждены, что на мнение адресата при получении фишинг-писем в большей степени влияют социальный статус адресата: побуждение человека выполнить что-либо в силу его зависимого должностного, социального положения. А также значимым является и тип взаимодействия: позиция коммуникативной роли, так как среди способов воздействия в фишинг-спаме на «vk.com» преобладают речевые жанры, которые предполагают обязательность исполнения.

Литература

1. Балакай А. Г. Русский речевой этикет и принципы его лексикографического описания. Новокузнецк: НГПИ, 2002. – 228 с.
2. Гольдин В. Е. Обращение: теоретические проблемы. Саратов: Книжный дом «Либроком», 1987. – 125 с.
3. Крысин Л. П. Социальный аспект владения языком [Электронный ресурс] // Социальные компоненты в семантике языковых единиц. – 1989. URL: http://destruction.narod.ru/krysyn_komponenty.htm (дата обращения: 25.12.2013).
4. Формановская Н. И. Спросите, попросите... Учебное пособие. М.: Русский язык, 1989. – 284 с.
5. Тихонов А. Н. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык : В 2 т. / А. Н. Тихонов, Р. И. Хашимов, Г. С. Журавлева и др. – М. : Флинта, Наука, 2008. – Т. 1 – 839 с.

РЕЧЕВЫЕ СТРАТЕГИИ В ПИСЬМАХ ФИШИНГ-СПАМА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ И IM

А. В. Чекунова

Научный руководитель – к. филол. н. Н. Н. Зильберман

Томский государственный университет

Целью данной работы является обзор и описание речевых стратегий в электронных письмах не рекламной спам-рассылки. Работа включает в себя письма, относящиеся к фишингу. Материалом для исследования послужили спам-сообщения в социальной сети www.vk.com и в программах мгновенной передачи сообщений (QIP, ICQ), собранные с ноября 2010 года по апрель 2011. Общее количество писем – 184 (78 – QIP, ICQ, 106 – www.vk.com.)

Параметры для анализа в работе следующие:

1. Структура письма.
2. Речевые стратегии. Рассмотрение речевых стратегий и целей, используемых в спаме.
3. Функционально-стилистические характеристики.
4. Целевая аудитория.
5. Структура письма.

Каждое сообщение состоит из темы электронного письма, основной части и заключения. Обязательными элементами являются: приветствие адресата, риторические вопросы, информация, привлекающая внимание (предупреждение, угроза или информация, касающаяся личной жизни адресата), и наличие ссылки, как правило, ведущей на сайт с вредоносным программным обеспечением.

Речевые стратегии и тактики.

QIP и ICQ:

Стратегия речевого этикета. Включает в себя следующие тактики:

- Дружественное приветствие.

Так как программы QIP и ICQ рассчитаны на общение с близкими людьми, поэтому в спам-письмах используются такие приветствия, как: «Привет!» (этот и последующие примеры приводятся в авторской редакции), «Приветик». Они свидетельствуют о неофициальной обстановке. Целью такого приветствия является установление контакта.

- Дружественное приветствие, содержащее обращение к адресату.

Цель – установление личного (интимного) контакта. В таком приветствии используются не имена, а ласковые обращения. Например: «Привет, радость!», «Привет, дружище!», и т.д.

- Тактика вопросов, выражающих приветствие имплицитно.

С таких вопросов может начинаться сообщение, так как семантика приветствия уже имеется в них. Например: «Давай знакомится?», «Как поживаешь?», «Как ты?», и т.д.

Стратегия привлечения внимания. Цель: заинтриговать адресата и привлечь его внимание. Подобная информация требует реакции адресата и оказывает эмоциональное воздействие. Например: «Недавно твою половинку видели не с тобой! Не веришь? Смотри фото!». Для достижения цели может использоваться также и тактика признания в любви или выражение симпатии, например: «Ты мне нравишься уже давно!».

Стратегия имитации естественного общения. Целью стратегии является приближение ситуации, моделируемой в тексте, к реальному межличностному общению за счёт вопросов и эмоциональных высказываний. Например: «Помнишь меня?», «Как вы вчера погуляли?», «Как отпраздновал(и)?», и т.д.

Стратегия волеизъявления. Наличие ссылки и просьбы перейти по ней являются обязательными элементами фишинг-спама в ICQ и QIP. Главная цель данной стратегии – воздействовать на субъекта, т.е. заставить его перейти по ссылке с вредоносным программным обеспечением или на подставной сайт. Для достижения этой цели используются следующие тактики:

- Тактика приказа. Все приказы создаются с помощью глаголов повелительного наклонения, которые обозначают побуждение к действию. «Это для тебя <http://fotoobmen.ws/260> нажимай и смотри».

- Тактика просьбы может выражаться эксплицитно и имплицитно. В первом примере просьба выражена скрыто, так как отправитель письма не просит напрямую адресата перейти по ссылке, но информация представлена таким образом, что адресат осознает просьбу в сообщении. Рассмотрим пример, где просьба выражена открыто: «Помоги, пожалуйста, я участвую в конкурсе, и нужно отправить SMS сообщение с текстом 40956 пробел 1132137 на номер 3649 пожалуйста, помоги».

Стратегия нарушения орфографических и пунктуационных норм. Большинство пользователей Интернета в неофициальном общении употребляют разговорную лексику, сокращают слова, используют частично или совершенно не используют знаки препинания. Таким образом, в Интернете при неофициальном общении создается свой язык, которому спамеры должны соответствовать. «Привет ты нравишься мне хочу познакомиться почти каждый день видимся но ты не замечаешь меня» Стратегия использования иконических знаков. Это набор символов, в которых мимика человека передается сочетанием различных пунктуационных знаков – запятых, точек, двоеточий, скобок: «☺», «:*)», «☹».

Стратегии в социальной сети:

Стратегия речевого этикета. Цель стратегии – заставить адресата прочитать сообщение и отнестись к нему серьезно. Реализуется за счёт следующих тактик:

- Тактика официального приветствия: «Здравствуйте!», «Добрый день!».
- Тактика официального приветствия с обращением к адресату: «Здравствуйте, уважаемый пользователь В КОНТАКТЕ.ru!». В тех случаях, когда приветствие отсутствует, сообщение начинается либо с обращения, либо с изложения важной информации для адресата.

Стратегия квазиреференциальной ссылки на автора сообщения. Главная цель – воздействовать на адресата, вызвать у него доверие. Данная стратегия отчётливо воплощается в выборе имени отправителя. Отправители стараются выбирать имена, вызывающие доверие у обычных пользователей, такие как: «Администрация сайта», «Служба безопасности сайта», «сотрудник сайта», и т.д. Получая сообщения от администрации сайта, пользователи, во-первых, выполняют все требования, указанные в сообщении, во-вторых, никто из пользователей не подумает, что на самом деле его могут обманывать.

Стратегия предупреждения. Основные цели данной стратегии: вызвать страх или шок, привлечь внимание и в тоже время придать серьезность сообщению. Отправитель достигает поставленной цели за счёт предоставления пользователю очень важной для него информации. «На данный момент на сервере сайта vk.com проводится модернизация оборудования. Поэтому существует вероятность, что будет утерян ваш профиль на нашем сайте».

Стратегия волеизъявления. Данная стратегия реализуется сразу после предупреждения. Включает в себя следующие тактики:

- Тактика просьбы. Здесь в ключевую фразу письма входят слова, образованные от глагола просить. «Мы просим каждого посетителя подтвердить свой онлайн!»

- Тактика рекомендации представляет собой совет или указание об определённом образе действия: «Вам необходимо пройти процедуру активации в ближайшие 24 часа, для этого нужно отправить SMS сообщением: ваш личный код».

- Тактика приказа включает в себя перечисление действий, которые необходимо выполнить адресату, чтобы предотвратить проблемы, которые были заявлены в предупреждении. Приказ выражается с помощью глаголов в повелительном наклонении. «Сообщите нам ваш e-mail и пароль, и мы удалим ваш вирус», и т.д.

Стратегия угрозы заставляет адресата выполнить все требования путём запугивания. Для реализации стратегии используются следующие тактики:

- Предупреждение: «В противном случае ваш профиль будет удален».

- Угроза: «При невыполнении наших требований, ваша страничка будет удалена в течение суток».

Функционально-стилистические характеристики. Сравнивая речевые стратегии писем спам-рассылки в QIP и ICQ и на сайте социальной сети, очевидно, что программы мгновенной передачи сообщений рассчитаны на неформальное общение, это подтверждают дружественные приветствия, использование иконических знаков, а также обилие пунктуационных и орфографических ошибок. Если обратиться к письмам, присланным в службу безопасности на www.vk.com за 2008 и 2009 года, то можно увидеть, что по стилю спам-письма были точно такие же, как сейчас в QIP и ICQ. Однако за последний год спам в социальной сети принял вид официальных писем, этому свидетельствуют: официальные приветствия и обращения, предупреждения и требования, написанные от лица администрации или технической поддержки сайта.

Целевая аудитория. Сравнивая стратегии фишинг-спама, можно заметить, что присутствует направленность на разные целевые аудитории. Этому свидетельствует различие стиля, лексики и тематики посланий. Спам-письма в IM, как отмечалось уже выше, рассчитаны на неформальное общение, имеют дружественный тон, отличаются эмоциональностью и имеют много орфографических и пунктуационных ошибок. Более того, очень часто встречаются упоминания о школе, университете и одноклассниках, что позволяет сделать вывод о направленности на молодёжную целевую аудиторию.

Фишинг в социальной сети, напротив, отличается своим официальным характером. Все сообщения содержат информацию, касающуюся безопасности

сайта, следовательно, спам не имеет направленности на какую-то конкретную целевую аудиторию и может быть адресован к каждому пользователю сайта.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Письма спам-рассылки имеют общие стратегии, а именно: стратегия речевого этикета и стратегия волеизъявления, но реализуются они по-разному. Обязательный элемент для обоих типов писем – наличие ссылки. Отличие же посланий состоит в том, что фишговые письма в QIP и ICQ используют стратегии имитации естественного общения, нарушения орфографических и пунктуационных норм и использования иконических знаков. Спам-письма на сайте социальной сети, напротив, используют стратегии предупреждения и угрозы. Такое различие в использовании речевых стратегий объясняется разной направленностью спам-писем. В QIP и ICQ пользователя пытаются убедить в том, что он получил письмо от знакомого человека. Цель спама на сайте www.vk.com – вызвать доверие путём апеллирования к вышестоящим инстанциям (администрация сайта, техническая поддержка и т.д.), а не за счёт имитации дружественного общения. Реализуя свою цель, спамеры следуют нормам официально-делового дискурса, не используют разговорную лексику и соблюдают все орфографические и пунктуационные нормы языка. Однако эти фишинговые письма содержат стратегии предупреждения, волеизъявления и угрозы, поэтому, очевидно, что данный вид спама имеет агрессивный характер.

Литература

1. *Иссерс О. С.* Что говорят политики, чтобы нравиться своему народу // Вестник Омского университета. – Вып. 1. – 1996. – С. 71-74.
2. *Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М.: Флинта : Наука, 2006. – 284 с.
3. *Формановская Н. И.* Спросите, попросите...: Учебное пособие. – М.: Русский язык, 1989. – 284 с.

ПОЛИТОЛОГИЯ**ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕКЛАМА В КОНТЕКСТЕ ВИРТУАЛЬНОЙ
РЕАЛЬНОСТИ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

А. Ю. Алёхина

Научный руководитель – д. полит. н. Н. Г. Щербинина

Томский государственный университет

На сегодняшний день сложно представить, что политический мир конструируется без помощи PR-агентств, телестудий, глобальной сети Интернет, средств массовой коммуникации в целом. Это даёт повод говорить о таком феномене, захватившем практически всё современное жизнеустройство, как виртуальная реальность.

Виртуальность (от лат. *virtualis* –возможный) – объект или состояние, которые реально не существуют, но могут возникнуть при определенных условиях [3. С. 404]. То есть, виртуальность не может существовать без мысленного представления, воображения и образов. Таким образом, отсутствие объективной реальности даёт повод говорить о виртуальности. В современном мире виртуальная реальность непременно ассоциируется с компьютерными технологиями, интернет-пространством. Так, исследователь Н. Г. Щербинина определяет виртуальную реальность как: «политико-коммуникационное пространство симулякров или имиджей, виртуальных политических тел (лидеров, партий и т.д.)» [4. С. 44]. То есть ключевым моментом для функционирования виртуальности является создание симулякров.

Симулякр есть знак, обретающий своё собственное бытие, творящий реальность [1]. В данной связи, это всегда виртуальный объект, то есть виртуальность – это пространство его существования. В нашем понимании, симулякр – версия реальности, существующая в виртуальности. Он способствует позиционированию субъекта, тем самым он может вбирать в себя не реальные качества, а отличные и даже противоположные. На основе этого можно сделать вывод, что одной из форм симулякров является политическая реклама, которая доносит до сознания избирателей определённые образы. Само существование симулякров является признаком виртуализации политики. Таким образом, политическая реклама – одно из средств формирования образа политического субъекта, который всегда включает позиционирование, и, что самое важное – фиксацию определённого места в информационной среде. В условиях виртуальной политической реальности представляется необходимым конструирование имиджа. Теперь лидером может оказаться, а точнее восприниматься, любой политик, у которого правильно подобран и сформирован имидж, транслируемый через виртуальные каналы.

Ни одна предвыборная кампания не обходится без рекламы. Посредством неё электорат получает информацию о кандидатах, претендентов на власть, формирует своё мнение (или принимает то, которое предлагается), и в конечном

итоге делает свой выбор. Политическая реклама уже не просто «платное, однонаправленное и неличное обращение, осуществляемое через средства массовой информации и другие виды связи, агитирующие в пользу какого-либо товара, марки, фирмы, какого-либо предприятия, кандидата, правительства» [Цит. по: 5. С. 29]. Реклама не ограничивается функцией информации. Она не просто предоставляет информацию о политическом субъекте, она способна конструировать имиджи, транслировать смыслы. Коммуникативная сущность политической рекламы заключается в установлении связи между субъектами политики и обществом, используя предельно доступную для восприятия систему знаков. Такая система знаков и составляет виртуальную реальность, становится миром смысла.

По мнению В. А. Емелина, реклама есть не что иное, как симуляция. Об этом свидетельствует то, что в ней сливается вещь и информация, затем она создает образ вещи, далее реклама обретает собственный онтологический статус, становится самоценной [2]. Сопоставив данный конструкт с реальной действительностью, можно убедиться в его правомерности. Действительно, с появлением в политической жизни кандидату для закрепления необходимо сконструировать свой виртуальный образ, который будет являться замещением его «реального политического Я». Это способствует его узнаваемости и дальнейшему позиционированию. С течением времени политическому индивиду можно будет только поддерживать свой симулякр – образ, который будет «работать» на него, имея собственный онтологический статус. В качестве примера можно вспомнить про политиков – «долгожителей», образы которых работают на них десятилетиями.

Рекламный образ является неотъемлемой частью политического имиджа. Он акцентирует основные, принципиальные составляющие имиджа, заключая их форму политической рекламы. Так избиратель получает возможность коммуникации с кандидатом и наступает время оценки политического деятеля массовой аудиторией. Говоря о практической составляющей рекламы, следует сказать, что предвыборные лозунги представляют собой квинтэссенцию всей рекламной кампании политика/партии, образа лидера. Однако рекламные лозунги – это лишь часть построения виртуального образа. Телевизионные ролики, интернет – страницы, наружная реклама, уличный транспорт, статьи в газетах, сюжеты в телепередачах, творчество избирателей-апологетов и противников в социальных сетях – все это составляет рекламное пространство. Примечательно, что источником рекламы может являться как сам политик/партия, так и лидеры общественного мнения. Нельзя забывать, что помимо официальной рекламы, транслирующейся по ТВ, активно процветает реклама в интернет-пространстве, именно там берут свое начало ролики, которые никогда не покажут по телевидению.

Какова роль рекламы в политической борьбе? В первую очередь, она способствует узнаваемости политического субъекта, далее – поддерживает интерес аудитории к сложившемуся образу. Известный факт, что в наш век информационных технологий, если информация не была передана по виртуальным каналам коммуникации, то считается, что ничего и не произошло, как это ни парадоксально, не возникает полноценного ощущения реальности. Немалое значение имеют особенности восприятия виртуального образа

политического лидера массовой аудиторией. От того, как сформирован образ политика, посредством рекламы, зависит его успех. Политическая реклама зачастую способна определять восприятие политической реальности. При этом реклама не всегда оказывает решающее влияние на ход выборов, на итоги, не от неё зависит победа кандидата. Но именно с её помощью формируется виртуальный образ политического деятеля, который закрепляется в общественном сознании.

Таким образом, в настоящее время становится естественным процесс виртуализации политического лидерства и политики в целом, ведь она представляет собой в большей степени борьбу симулякров – политических образов. Средствами построения этого процесса выступают виртуальные каналы коммуникации. Политическая реклама запускает в виртуальную реальность симулякры, которые начинают самостоятельно существовать, продвигая образ политического субъекта и воздействуя на сознание электората. В контексте современной борьбы за власть, которая уже представляет не только, и не столько конкуренцию политических партий и их программ, лидеров, сколько борьбу политических симулякров, грамотно подобранный и сконструированный имидж определяет успешность политического образа в целом.

Литература

1. *Емелин В.А.* Виртуальная реальность и симулякры [Электронный ресурс]. URL: <http://emeline.narod.ru/virtual.html> (дата обращения: 14.09.2012)
2. *Емелин В.А.* Реклама как симулякр [Электронный ресурс]. URL: <http://emeline.narod.ru/advertising.html> (дата обращения: 14.09.2012)
3. *Новая философская энциклопедия: В 4 т./ Ин-т философии РАН, Нац. Общ.-научн. Фонд; Научно-ред. Совет: председатель В.С. Стёпин.* – М.: Мысль, 2000. – Т.1 – 721с.
4. *Щербинина Н.Г.* Конструирование виртуальной реальности и героический брендинг политического товара // Политический маркетинг. – 2009. – № 2. – С. 34-57.
5. *Лисовский С.Ф.* Политическая реклама. – М.: ИВЦ «Маркетинг», 2000. – 256 с.

РОЛЬ СМИ В ФОРМИРОВАНИИ ИМИДЖА ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА

А. Ю. Алёхина

Научный руководитель – д. полит. н. Н. Г. Щербинина

Томский государственный университет

Политический лидер – это ньюсмейкер номер один. Какую же роль играют СМИ в становлении его образа?

Политический деятель по-настоящему приобретает известность с помощью средств массовой информации – телевидения, газет и радио, Всемирной паутины и с помощью рекламы, транслируемой по всем этим каналам. Ярким, успешным выступлением в эфире или громкой статьей в популярной газете куда проще обрести славу, нежели блестящими речами на митингах и собраниях. Газетные статьи, репортажи, интервью, комментарии в эфире по актуальным вопросам, телевизионные и радио-дебаты, хроника – всё это может одновременно, как очень удачно работать на имидж политика, так и, наоборот, сформировать крайне негативное отношение, которое в дальнейшем очень трудно будет преодолеть, особенно, в период избирательных кампаний.

На сегодняшний день для политической и для общественной жизни характерно то, что события и явления, происходящие в реальности, имеют значимость, прежде всего, тогда, когда они будут освещены в СМИ. По мнению Г. Г. Почепцова, «современный мир подчинён следующему правилу: реальное событие только тогда существенно, когда о нём широкой публике рассказали средства массовой информации» [2. С. 86].

Если политик уклоняется или отрешается от «прицела» СМИ, аудитория перестаёт получать информацию о его деятельности, возрастает вероятность того, что в скором времени он будет забыт электоратом. Поэтому лидеру имеет смысл продумать концепцию коммуникации с представителями СМИ. В тоже время нельзя не сказать, что журналисты как правило, сами не дремлют и «охотятся» за политиком, при условии, что он заведомо вызвал интерес аудитории. Речь идет о корреляции политической активности лидера и информационной активности масс-медиа. Политический лидер, его деятельность – это всегда информационный повод.

С развитием и всё большим разнообразием средств массовой информации появилась возможность оперативной «раскрутки» политика, а также возможность формирования определенного имиджа. Ведь приёмы рекламных и PR технологий связаны со СМИ.

По мнению А. И. Соловьёва, политический имидж – это «целенаправленно создаваемый образ политического товара, который направлен на его позиционирование и обеспечение устойчивого присутствия в информационном пространстве» [3. С. 128-129]. Автор видит роль имиджа в позиционировании политического субъекта, но что самое важное – в обеспечении определённого места в информационной среде. В настоящее время, когда политика носит и виртуальный характер, имидж делает великое дело для политика, так как он может сам его конструировать. Поскольку избиратели голосуют не за самого лидера, а за формируемый через масс-медиа образ, важнейшим условием успешного осуществления политическим лидером своих лидерских функций и

завоевания большего числа сторонников является создание позитивного имиджа.

Имидж – это всегда сконструированный образ, частично опирающийся на реальные качества субъекта. Следует сказать, что он не строится по случайному принципу. Появлению на политическом рынке кандидата с набором определённых характеристик и сложившимся имиджем, предшествует кропотливая, долгая работа, которая включает несколько этапов. Исследователи политического имиджа сходятся в том, что, в первую очередь, следует определить требования аудитории, затем посмотреть на кандидата и уяснить, какие его качества будут импонировать электорату, ведь именно их надо будет в дальнейшем развивать и подчеркивать. Следующий шаг заключается в выборе дополнительных качеств, которыми следует наделить образ, исходя из существующей политической ситуации, а также оценивая имиджи соперников. И самое главное – придумать, в каких формах это лучше выразить и донести до аудитории, по каким каналам СМИ.

Большое значение для формирования имиджа имеет соответствующая направленность освещения его деятельности. Не будет смысла в положительных деяниях политика, для него самого, если об этом не напишут в газетах, не покажут по телевизору, не разместят в сети. Электорат должен обо всём положительном непременно быть проинформирован, чтобы у него постепенно складывалось положительное мнение о политике-благотеле. Отборная, продуманная дозированная информация о политическом лидере, его взглядах – это мощный инструмент, который может подчеркнуть его достоинства и скрыть слабости и недостатки. В то же время умелое использование информации помогает высветить слабые стороны политических оппонентов, что очень важно в политическом противоборстве. Политический лидер должен хорошо понимать психологические аспекты общения со СМИ, обязательно следует завоевать положительное отношение прессы к себе. Ведь «четвертая власть» не случайно так именуется.

«Борьба за политическую власть сейчас – это не борьба партийных организаций или конкуренция программ действий. Это борьба образов, политических имиджей, которые создают имиджмейкеры, пресс-секретари и звезды шоу-бизнеса, рекрутируемые на время политических кампаний» [1. С. 242]. Именно поэтому политику очень важно работать над своим имиджем.

Масс-медиа может, как информировать избирателей о кандидате, так и сознательно формировать его имидж (под влиянием самого политика). Направленность деятельности СМИ можно условно дифференцировать на:

- борьбу за истину и объективность;
- ангажированность.

Ангажированные каналы СМИ выполняют функцию создания определённого образа политического деятеля. Особую популярность на сегодняшний день имеют телевидение и электронные СМИ, отодвигая печатные издания на второй план.

СМИ обеспечивают лидера сторонниками. Ведь электорат может иметь отдаленное представление о его деятельности, он получает сигналы, которые передают ему масс-медиа. Вспомним, как транслировался образ Д.А. Медведева перед избранием: как правило, по федеральным телеканалам, преимущественно

в новостях, а не в рекламных роликах. Создавалось впечатление, что он уже во власти, уже действует, а не ожидает официальной победы. Из обилия информации о нём в СМИ, негативная встречалась редко, его нельзя было назвать объектом «черных» политических технологий. Примеры успешного позиционирования лидеров России в информационной среде – В. В. Путин, Д. А. Медведев, Г. А. Зюганов, В. Ф. Жириновский, С. К. Шойгу.

Таким образом, СМИ играют важную роль в формировании имиджа лидера, выступая рупором его политических воззрений и позиций, транслятором внешнего образа, а также связующим звеном между политиком и аудиторией. Касательно прогнозов о политическом будущем можно сказать, что роль «четвертой власти» как в политике в целом, так и в политическом имиджмейкинге будет только нарастать. Общественную и политическую жизнь сложно представить без наличия и функционирования СМИ. Политика и СМИ взаимодействуют уже не первое столетие. Предположительно, что масс-медиа будет всё более внедряться во власть, создавая свою политическую реальность.

Литература

1. *Деркач А. А.*, Перелыгина Е. Б. Политическая имиджелогия. – М.: Аспект Пресс, 2006. – 400 с.
2. *Почепцов Г. Г.* Профессия: имиджмейкер. – СПб.: Алетейя, 2001. – 256 с.
3. *Соловьёв А. И.* Политические коммуникации: учеб. пособие для студентов. – М.: Аспект пресс, 2004. – 332 с.

ВИРТУАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: СУЩНОСТЬ И МЕХАНИЗМ КОНСТРУИРОВАНИЯ

А. И. Валова

Научный руководитель – д. полит. н. Н. Г. Щербинина

Томский государственный университет

Сегодня понятие «виртуальная реальность» чрезвычайно актуально и активно используется в различных областях научного и обыденного знания. И, если термин «реальность» является весьма многогранным и спорным (однако этот вопрос мы рассматривать не будем), то «виртуальность» тем более вызывает жёсткие дискуссии в научном (и не только) сообществе. Пронаблюдать это можно, даже рассмотрев этимологию слова «виртуальный» и те значения, которыми его в разное время наделяли различные науки и мировоззренческие течения. Слово «виртуальный» происходит от латинского *virtus* – способность, талант (отсюда – слово «виртуоз»), а также мужество, доблесть. В схоластической философии слова «виртуальное» и «виртуальность» берут своё начало от *virtualis* – возможный. В английском языке *virtual* означает действительный, являющийся чем-либо по существу, реально (но не формально). «В логике виртуальный – это такой возможный объект, который нами ещё не воспринимается как что-то вполне определённое, но способный при наличии известных условий возникнуть» [10. С. 26-29]. «Новую жизнь понятие “виртуальность” обретает после того, как в употребление входит категория “виртуальная реальность”, которая, как считается, была придумана в Массачусетском Технологическом Институте в конце 1970-х годов для обозначения трёхмерных макромоделей реальности, создаваемых при помощи компьютера и передающих эффект полного в ней присутствия человека» [2].

Так что же представляет собой виртуальная реальность? Для ответа на этот вопрос рассмотрим отличительные характеристики виртуальной реальности, предложенные Н.А. Носовым, а именно:

- порождённость (то есть виртуальная реальность продуцируется активностью какой-либо другой реальности);
- актуальность (в соответствии с которой виртуальная реальность существует только во время активности порождающей реальности);
- автономность (предполагает, что в виртуальной реальности своё время, пространство и законы существования);
- интерактивность (или способность виртуальной реальности взаимодействовать с другими реальностями) [8].

Как мы видим, виртуальная реальность предполагает конструирование и взаимодействие с создающей её действительной реальностью. И, что ещё более важно, «виртуальная реальность обнаруживает свою собственную логику, сущность которой состоит в замещении реальных вещей и поступков образами – симуляциями» [4]. Таким образом, мы определяем виртуальную реальность как искусственно созданное поле симуляций, совокупность виртуальных объектов, которые могут иметь материальное подтверждение в действительной реальности посредством знака.

Мы соглашаемся с Н. Г. Щербининой в том, что «политическое бытие включает в свою структуру две реальности – виртуальную и действительную»

[11. С. 37]. Виртуальная часть политического мира важна как некий инструментарий для изменения политической действительности. Как полагает Г. Г. Почепцов, «виртуальная политика состоит в создании, закреплении и удержании виртуальных объектов, причём эти объекты создаются ради достижения определённых результатов в физическом пространстве» [8. С. 403]. Таким образом, виртуальная политическая реальность представляет собой искусственно сконструированный мир виртуальных объектов, замещающих политических акторов, которые преследуют определенные стратегические цели, также эти виртуальные объекты замещают взаимодействия между ними и прочие явления мира политики.

«Сама возможность конструирования виртуальной политики коренится в постмодернистском подходе к информации, согласно которому символический мир является единственной релевантной для человека “реальностью”» [13. С. 235]. Своё значение все предметы и явления в политическом мире могут иметь лишь посредством символа и фиксироваться с помощью слов языка (которые тоже есть символы). Таким образом, возникает символический универсум, включающий в себя все смыслы, созданные человеком. Эта система выступает для человека как способ адаптации к окружающей среде, и этот символический мир по праву можно назвать «новым измерением реальности», по выражению Э. Кассирера [6. С. 471]. Символы являются в таком случае посредниками между объективной действительностью и сознанием человека, позволяя ему создавать смыслы и понимать их и взаимодействовать со своим окружением. Символ выступает «основным и универсальным структурообразующим элементом процесса познания, “создания”, “конструирования”, субъективации и объективации мира» [5]. Символ предполагает слияние двух начал – реальной действительности, данной в чувственном восприятии, и мира идеального. Под миром идеальным мы будем понимать сконструированный мир виртуальной политики, который возможно воспринять лишь посредством символических форм.

Вслед за А. Шютцем, а также П. Бергером и Т. Лукманом, мы полагаем, что человек существует в мире, уже обозначенном, объяснённым для него другими, при этом данные обозначения обычно (то есть в состоянии порядка) не вызывают сомнений у членов общества – так функционирует единый символический универсум, который является всеобъемлющим ответом на каждый вопрос об устройстве мира для индивида. Символический универсум выступает здесь как «матрица всех социально объективированных и социально реальных значений» [1. С.41]; каждый отдельный человек и всё общество в целом рассматривается в рамках такого универсума. Вся человеческая жизнь представляет собой непрерывный процесс выстраивания и трансформации символического универсума.

Исходя из феноменологического подхода, мы опираемся на тезис о том, что «генетически реальность субъективна и является результатом конструирующей деятельности сознания» [13. С. 26]. Человек создаёт для вхождения в различные порядки реальности символические конструкты, придающие смысл социальной реальности. При этом индивид, попадая в мир, как мы уже говорили, оказывается в уже функционирующем универсуме

общепринятых значений, артикулированных с помощью такой знаковой системы, как язык.

Таким образом, мир виртуальной политики мыслится нами как иной, отличный от повседневной жизни, уровень реальности, выраженный системой символических представлений, сконструированных с помощью языка [13. С. 42].

В рамках символической политики имеет место ассиметричная коммуникация между властью и обществом, что позволяет с помощью символа создавать феноменальные конструкты, становящиеся политической реальностью для масс. То есть искусственно созданный мир образов уже не заменяет политическую действительность, а сам становится ею. Причём виртуальная составляющая политического мира постоянно расширяется, и особенно это характерно для постсовременности, так как «принято считать, что именно постмодерн отличается виртуальными информационными технологиями и виртуализированными средствами массовой информации» [13. С. 237]. То есть с виртуализацией способа передачи и получения информации открываются новые, большие возможности для коммуникации от власти к народу, часто включающие в себя процессы внушения и навязывания символических конструктов, упрочивающих положение власти.

Поддержание реальности, или установленного властью символического универсума, осуществляется с помощью важнейшего средства – общения; заметим, однако, что в мире политическом преобладает однонаправленная форма коммуникации от власти к народу. Согласно Бергеру и Лукману, «речевой аппарат поддерживает реальность, “проговаривая” различные элементы опыта и помещая их в определённые места в реальном мире» [1. С. 249]. То есть, номинируя основные, наиболее значимые объекты реальности в определённых категориях, власть создаёт символическую матрицу, в координатах которой народ осмысливает политическое устройство общества. Также и Ж. Бодрийяр считает, что господство определяется, прежде всего, «контролем над процессом означивания, а не классовой логикой или собственностью на средства производства» [7. С. 212].

Главными конструкторами виртуальной политической реальности являются политические лидеры и средства массовой коммуникации, дискурсивно определяющие политическую реальность и формирующие образ мира [13. С. 237]. Политический актор посредством языка создаёт набор символических кодов, отражающих определённого рода типизации, концептуализации и номинации, составляющие политическую и социальную картину мира для всего общества. Его речевые действия всегда имеют интенциональный характер, то есть они осознанны и целенаправленны [11. С. 13-14]. То есть возникновение символических кодов не есть случайный, стихийный процесс, он подчинён воле своих создателей.

Таким образом, виртуальная политическая реальность конструируется с помощью символических структур, целенаправленно внедряемых в сознание масс политическими лидерами и СМИ. Такие символические структуры образуют для всего общества единый символический универсум, представляющий собой совокупность всех номинированных властью объектов и явлений политико-социальной жизни. Все символы, включённые в успешно функционируемый универсум, находят отклик у масс и становятся их

субъективной реальностью, разделяемой как отдельно взятыми индивидами, так и всем обществом в целом.

Литература

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – 320 с.
2. Емелин В. А. Виртуальная реальность и симулякры [Электронный ресурс] // Емелин Вадим / Постмодернизм: информационное общество и информационные технологии. М., 1999. URL: <http://emeline.narod.ru/virtual.htm> (дата обращения 25.04.2012).
3. Иванов Д. В. Виртуализация общества. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. – 96 с.
4. Иванов Н. В. Об одном способе анализа символической структуры метафоры средствами логики. М., 2009. [Электронный ресурс] : Информационный портал Московского государственного университета международных отношений МИД России // Публикации МГИМО и преподавателей МГИМО. URL: <http://www.mgimo.ru/files/140005/140005.pdf> (дата обращения 25.04.12).
5. Кармадонов О. А. Семантика политического пространства: опыт кросскультурного транссимволического анализа. [Электронный ресурс] // Журнал социологии и социальной антропологии. СПб., 1998. URL: <http://www.old.jourssa.ru/1998/4/karmad.html> (дата обращения 25.04.2012).
6. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. – М.: Гардарика, 1998. – 784 с.
7. Назарчук А. В. Теория коммуникации в современной философии. – М.: Прогресс-Традиция, 2009. – 320 с.
8. Носов Н. А. Манифест виртуалистики. [Электронный ресурс] // Виртуалистика.ru. М., 2001. URL: http://www.virtualistika.ru/vip_15.html (дата обращения 25.04.2012).
9. Почепцов Г. Г. Революция.com. Основы протестной инженерии. – М.: Издательство «Европа», 2005. – 532 с.
10. Соснин Э. А., Пойзнер Б.Н. Социальная виртуалистика: принципы, задачи, примеры. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. – 117 с.
11. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учеб. пособие / В. Е. Чернявская. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 136 с.
12. Щербинина Н. Г. Конструирование виртуальной реальности и героический брендинг политического товара // Политический маркетинг. – 2009. – № 2. – С. 34-57.
13. Щербинина Н. Г. Мифо-героическое конструирование политической реальности России / Н. Г. Щербинина. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 287 с.

ПРОБЛЕМА ЛЕГИТИМНОСТИ ИЛИ ВОЛЯ НАРОДА В ОБОСНОВАНИИ ВЛАСТИ

Н. А. Воеводин

Научный руководитель – д. полит. н. А. И. Щербинин

Томский государственный университет

Проблема легитимности власти как одного из важнейших её оснований по праву занимает значительное место в исследованиях многих политических мыслителей. Исследование власти, властных отношений, государства, демократии и политической культуры общества неизбежно заставляет учёных обращаться к изучению данной проблемы. Результатом научных изысканий в данной сфере послужил существенный разброс мнений, агрегировавшихся в рамках нескольких научных подходов к пониманию легитимности.

Первый подход можно обозначить как объективистский, который рассматривает легитимность как свойство объекта властных отношений, т.е. народа. В числе сторонников данного подхода можно выделить П. Бурдые, который определяет легитимность как «негласное доверие, молчаливую самоотдачу, когда [граждане – авт.] выражают своё мнение через выборы своего официального выразителя» [1. С. 208]. К. С. Гаджиев видит в легитимности «признание, по меньшей мере, большинством членов общества правомерности господства политического режима» [2. С. 73]. А. Ф. Филиппов характеризуют легитимность в категориях приверженности определённому социальному порядку [10. С. 103].

Другая группа исследователей считает, что легитимность есть ресурс и свойство субъекта властных отношений, т.е. это – субъективистский подход. По мнению С. Липсета, это «способность поддерживать веру населения в то, что существующие политические институты наиболее подходят данному обществу» [7. С. 204]. Ч. Миллс связывает легитимность с символами и их навязыванием обществу через монополизацию власти [9. С.49]. Д. Истон рассматривает легитимность как один из возможных путей, через которые политическая система пытается сохранить свою целостность [6. С. 631].

Третий подход стремится соединить в себе оба предыдущих подхода, тем самым включив в характеристику легитимности обе стороны властных отношений. Данный подход можно обозначить как интегративный. К числу его сторонников можно отнести К. Шмидта, Д. Кола и К. С. Гаджиева, которые в определении легитимности близятся к её пониманию в качестве взаимодействия политической системы и общества, которое направлено на достижения порядка подчинения, формируемого в этом взаимодействии.

Так или иначе, субъективистский подход является наиболее распространенным. Но, несмотря на тот факт, что феномен легитимности во многом является конструируемым, исключение из поля зрения субъективного начала приводит к тому, что народ и его воля нивелируется и отходит на второй план. Однако финальный продукт в виде конструируемого феномена легитимности власти актуализируется лишь в том случае, если достигает своего конечного потребителя, т.е. народа. С точки зрения Н. З. Дибирова, являющегося сторонником интегративного подхода к пониманию легитимности, сам феномен легитимности – это не просто ресурс власти, или общественное

признание. Это, скорее, гармоничные отношения, которые представляют собой постоянный диалог, рефлексию о причине властвования и подчинения [5. С. 26].

Исходя из интегративного подхода, механизм легитимации власти можно описать приблизительно следующим алгоритмом. Изначально власть, как субъект властных отношений (ныне действующая власть, или оппозиция, высказывающая определённые претензии на власть), выдвигает определённые идеалы, принципы или символы, на основе которых будет выстраиваться дальнейшая политика. Следующий этап – эта субъективация выдвинутых претензий объектом властных отношений (т.е. народом), которая выражается в принятии или непринятии провозглашаемых ценностей. Если манифестация не получила отклик, следовательно, коммуникация не состоялась, и называть такую власть легитимной мы не имеем права. Если же мы говорим о том, что манифестация нашла отклик, то коммуникация состоялась, и власть признана легитимной. После субъективации происходит этап обратной связи, следовательно, круг замыкается и начинается новый виток отношений между властью и обществом. Обратная связь необходима для того, чтобы понять, в какой степени сообщение было воспринято и понято. Кроме того, это мощный инструмент мотивации для власти, так как вместе с обратной связью поступают новые социальные запросы, что заставляет власть реагировать на них и не способствует стагнированию отношений.

На наш взгляд, объяснение того, почему в данном контексте получило своё применение категория «субъективация», является обязательной частью. Данная категория понимается в традициях философии Мишеля Фуко, под которой сам он понимал следующее: «Субъективацией я назову процесс, посредством которого мы получаем складывание субъекта, точнее говоря – субъективности, каковая, очевидно, служит лишь одной из заданных возможностей организации некоего самосознания» [3. С. 54]. Резюмирую, можно сделать вывод – субъективация есть процесс складывания субъекта. Следовательно, во-первых, до начала процесса субъективации самого субъекта не существует, а во-вторых, это не более чем одна из многих возможностей конструирования самосознания.

Исходя из изложенных выше тезисов, внесём несколько пояснений в предложенную нами концепцию механизма легитимации властных отношений. До тех пор, пока не произошла субъективация претензий, власть не будет являться легитимной, а любое воздействие будет признаваться насильственным и приводить к социальному отторжению, так как применение насилия есть проявление отсутствия реальной власти. В конечном счёте решающая роль в легитимации власти отводится именно воле народа. Стоит добавить, что легитимность, как субъективно воспринимаемый феномен, может иметь под собой различные основания, будь то идеология, традиция, законность и т.д.

Подобное понимание предмета легитимности во много пересекается с пониманием политической свободы у Карла Ясперса. Легитимная власть является не только залогом стабильности для общества и государства, но и тем маркером, который определяет степень политической свободы. В понимании Ясперса, свобода есть суть конструктивного взаимодействия противоположностей, т.е. элиты и народа: «свобода ищет эти плодотворные полярности, где одна сторона погибла бы без другой» [11. С. 171]. В конечном

счёте, столь метафорическое понимание свободы отражает содержание феномена легитимности как «посредника», необходимого для выстраивания гармоничных отношений между властью и народом. Политическая свобода в таком случае достигается путём легализации деятельности власти, через формирования системы абстрактных правил, т.е. законов, обязательных к исполнению для всех, и которые принимаются и редактируются путём непосредственного участия граждан или косвенного выражения воли народа через представителей.

Одна из ключевых мыслей, которую развивает К. Ясперс при рассмотрении темы легитимности власти, состоит в том, что легитимность, основанная на доверии, формирует необходимый порядок, в то время как не-легитимность есть насилие, которое способно породить лишь насилие. Кроме того, любое основание легитимности может быть подвергнуто критике. Так, например, право наследия при монархии не гарантирует достойного правителя на престоле, а скорее наоборот, законная власть может достаться безнравственному тирану. Законы могут быть не справедливыми и не эффективными. Принцип же демократического большинства не отрицает возможности ошибки, совершённой под влиянием сиюминутных настроений толпы, или манипуляций и фальсификаций. Однако в любой ситуации, выбор между порядком и хаосом вполне очевиден. В завершении стоит заметить, что концепция Ясперса однако применима лишь к демократичным обществам, имеющим реальную возможность обеспечивать политические свободы.

Ключевая проблема реальной демократии, свободы и легитимности видится в её противоречивости. Представим гипотетическую ситуацию, когда в результате всеобщих и честных выборов, т.е. непосредственного волеизлияния народа, формируется псевдо-легитимная власть, которая, в конечном счёте, игнорируя наложенные конституционные ограничения, лишает избравших её граждан фундаментальных прав и свобод. Подобную систему можно охарактеризовать «как не-либеральную демократию». Ситуация, когда демократия процветает, а свобода – нет, становятся все более характерной для стран, последней волны демократизации, попросту копирующих западные, американские образцы демократии, которые конструировались не одно столетие. Причина подобных противоречий видится в формальном закреплении свободных выборов, верховенства закона, разделения ветвей власти и т.д., при отсутствии социальной базы и реальных практик, что приводит граждан к разочарованию. Развитие не-либеральной демократии происходит тогда, когда процедуры избрания правительства, например, превращаются в самоцель и замещают их реально содержание, которое видится нам в ограничении произвола власти. Таким образом, не-либеральна демократия, даже сформированная при участии народных масс, приобретает лишь псевдо легитимность, характеризующуюся неустойчивостью [12. С. 87-123].

Современную политическую систему России, по мнению А. Н. Медушевского, можно рассматривать с точки зрения Бонапартистской модели власти. Бонапартизм исторически характеризуется сложным типом легитимности, а власть сочетает в себе демократическое и авторитарное начала. В числе черт, характерных для России, можно выделить, с одной стороны, предельный централизм, завязанный на персонализации власти, выстраивании

вертикали власти, формировании единого правового пространства и контроле над финансовыми потоками. С другой стороны, можно выделить тенденции антипарламентаризма, которая превращает центральный представительный орган в «говорильню» или место для маргинальных элит. В такой ситуации легитимность приобретает сложный и противоречивый характер. А. Н. Медушевский описывает её как этатистско-патерналистский тип. Такая легитимность, во-первых, проистекает из принципа непосредственного волеизлияния народа при формировании государственных органов представительной власти, а во-вторых, базируется на слиянии профессиональных полномочий политического лидера и его личного авторитета [8. С. 30-34].

На примере Бонапартистской политической системы подобный тип легитимности может показаться эффективным, так как исполнительная и представительная власть не вступают между собой в конфликт. В то время как в России наблюдаются сильные авторитарные тенденции, что вносит дисбаланс в неустойчивую дуальную систему легитимности. В результате – народная воля как механизм легитимации политической власти остаётся востребованной лишь на период проведения выборов, после чего оттесняется на второй план.

Литература

1. *Бурдые П.О.* Социология политики: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.
2. *Гаджиев К.С.* Введение в политическую науку: Учебник для высших учебных заведений. Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Издательская корпорация «Логос», 1999. – 544 с.
3. *Голенков С.И.* Понятие субъективации Мишеля Фуко // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». – 2007. – № 1. – С. 54-66.
4. *Дибиров Н.З.* Теория политической легитимности. Курс лекций. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 270 с.
5. *Истон Д.* Категории системного анализа политики // Антология мировой политической мысли. — М., 1997. – Т. 2. – С. 629-642.
6. *Липсет С.М.* Политическая социология // Американская социология. Перспективы. Проблемы. Методы / Г.В. Осипов. – М.: Прогресс, 1972. – С. 203-219.
7. *Медушевский А.Н.* Бонапартистская модель власти для России // Вестник Европы. – 2001. – № 1. – С. 28-49.
8. *Миллс Ч.* Социологическое воображение. – М.: Издательский дом, 1998. – 264 с.
9. *Филиппов А.Ф.* Политическая социология. Фундаментальные проблемы и основные понятия // Полития. – 2002. – № 2. – С. 96-113.
10. *Ясперс К.* Смысл и предназначение истории. Пер. с нем. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.
11. *Zakaria F.* The Future of Freedom: Illiberal Democracy at Home and Abroad. – W.W. Norton & Company, 2003. – 383 p.

СОЦИОЛОГИЯ**ВИЗУАЛЬНЫЙ ОБРАЗ ЖИЛОГО РАЙОНА:
МЕТОД ФИКСАЦИИ МНЕНИЙ ГОРОЖАН**

А. Ю. Берёзкин

Научный руководитель – к. соц. н. С. В. Пирогов

Томский государственный университет

Современный мир, в том числе и городская среда, представляет собой совокупность визуальных образов. Вопрос: «как должен выглядеть город, в котором я хочу жить?» – актуален для каждого горожанина. Однако развитие архитектурной города зачастую направлено на развитие его материально-технической базы, при этом, упуская из фокуса внимания то, каким его хотят видеть жители. Но ведь город – это, в первую очередь, не совокупность архитектурных строений, а общность людей, проживающих на его территории. Горожане не просто проживают в определённом месте, они хотят жить в той среде, которая отвечает их личностным потребностям, особенностям их личности.

Городская среда, в которой проживает человек, является одной из основополагающих частей его повседневного жизненного мира наряду с его профессиональной деятельностью и семейной жизнью. Однако если создание семьи и профессиональный успех в настоящий момент являются ценными для людей, то организацией города они так не озабочены.

Заборова пишет об этом: «Сегодня горожанин не принимает на себя ответственности за город... психологический настрой, ориентированный на зависимость от социальных институтов, структур, должен смениться настроением на личную, персональную ответственность за всё, что происходит с человеком и его окружением» [3].

И, хотя горожане не желают брать на себя обязательства по управлению городским пространством, само это пространство никуда не пропадает и продолжает оказывать на них своё влияние.

П. Бергер и Т. Лукман пишут: «Рядовые члены общества в их субъективно осмысленном поведении не только считают мир повседневной жизни само собой разумеющейся реальностью. Это мир, создающийся в их мыслях и действиях, который переживается ими в качестве реального» [1, С. 37]. Если, говоря о городской среде, учитывать такое понимание, то часть города, которую человек воспринимает непосредственно, то есть визуально, тот город, который он видит каждый день: дом, где он живёт, здание, в котором работает, магазины, скверы, где он гуляет, дороги, по которым каждый день ездит, и т.д. – включается в структуру мира его повседневной жизни, переживается как реальность. Такие вещи как градостроительные проекты, история города, городские сообщества, в которые человек не входит, несомненно существую, для конкретного человека

могут не быть реальными, в отличие от той части города, которую он непосредственно видит каждый день.

Так же стоит отметить выделенное Ежовой понятие «агрессивного видимого поля» – это поле, на котором рассредоточено большое число одних и тех же элементов [2]. Глазу здесь не за что «зацепиться», человек постоянно находится в напряжении, сканируя окружающую действительность на «зацепки», однако не находит их, что приводит к агрессивному поведению. «Агрессивная среда побуждает человека к агрессивным действиям. Как правило, в новых микрорайонах с противоестественной визуальной средой число правонарушений больше, чем в центральной части города» [2]. Примерами агрессивных визуальных полей могут являться, например, микрорайоны с типовой застройкой. Хотя, в отличие от советских времён, современные дома не монотонно-серые, в частности в Томске дома красят в 2-3 ярких цвета, что делает их визуально чуть более приятными, но проблему агрессивных видимых полей это не снимает. Основная причина этого в том, что, как выглядят жилые районы, решают архитекторы и градостроители, а не простые жители, для которых строится город.

Таким образом, мы доказали, что, не смотря на то, что горожане не готовы брать на себя ответственность за город, он всё равно продолжает на них влиять. В итоге мы получаем неблагоприятную социальную обстановку, возможную базу для возникновения очагов девиации. Проектирование жилых районов, которые непосредственно включены в мир повседневной жизни горожан, таким образом, производится без оценки мнений самих горожан, но происходит это не только вследствие того, что градостроители и архитекторы не заинтересованы в этих оценках, но и потому, что нет разработанного метода фиксации визуальных представлений горожан.

Целью работы стало создание метода получения визуальных представлений горожан об идеальном жилом районе. При разработке особое внимание уделялось тому, чтобы свести к минимуму субъективность результатов, получаемых с помощью этого метода. С другой стороны, внимание уделялось анализу подходов, разработанных в рамках так называемой визуальной социологии, которая «использует изображения и другие зрелищные объекты, чтобы анализировать общество и культуру» [5]. По словам Петра Штомпки: «Визуальное – это исследование уже не только изображений, но и того, что видимо и наблюдаемо» [6. С. 2].

Постепенно происходит институционализация использования фотографий в социологических исследованиях, предпосылкой к этому становятся три основных положения относительно фотографий, которые предложил Пьер Бурдьё:

«1) Фотография представляет собой социальный факт, обладающий принудительной силой по отношению к индивиду;

2) Фотография — функциональная разновидность молитвы, ритуала воспроизводства групповой идентичности и демонстрации преданности определённой социальной группе;

3) Фотография — маркер, при помощи которого индивиды проводят границы между различными социальными группами, поэтому анализ практик фотографирования позволяет исследовать социальную стратификацию» [4].

Именно эти тезисы позволяют в дальнейшем использовать фотографии в методе, которому и посвящена данная статья.

Предлагаемый метод фиксации визуальных представлений горожан о жилых районах представляет собой выполнение шести последовательных этапов, рассмотрим каждый из них подробно.

Этап №1: Выделение основных типических районов.

Данный этап предполагает использование идеальных типов М. Вебера. Предполагается документальный анализ архивных документов. В частности, нас интересуют социологические исследования по городской тематике, отчёты о реальных градостроительных проектах, статьи архитекторов. На основе этих данных необходимо создать классификацию существующих на данном этапе подходов к проектированию жилых районов. Проведение данного этапа предполагается лишь однажды, затем полученную классификацию можно будет использовать для любого частного случая. Типизировать необходимо лишь существующие в реальности районы, ведь у проектировщиков и архитекторов много идей по поводу так называемых «домов будущего», однако это лишь проекты несуществующих в реальности зданий, которые не поддаются визуальной фиксации.

Этап №2: Уточнение идеальных типов, относительно конкретного города.

Этот этап предполагает экспертный опрос, чтобы уточнить какие районы уже существуют в городе и к какому из идеальных типов их можно условно приписать. Важность данного этапа в том, чтобы соединить теоретический конструкт с реальностью, представленной в городе. Кроме того, на следующих этапах мы используем лишь те типы, которые представлены в данном конкретном городе, то есть поддающиеся непосредственному визуальному восприятию жителей города. В качестве экспертов следует использовать градостроителей, работников департамента по архитектуре, людей, которые занимаются проектированием в этом городе.

Этап №3: Сбор визуальных материалов.

Обращение к жителям микрорайонов, похожих на типовые, с целью сбора фотографической информации. Попросить людей делать снимки жизни в своём микрорайоне, основных положительных и отрицательных моментов жизни в данном микрорайоне. В случае отсутствия у жителя собственной цифровой фотокамеры – отправить к жителю фотографа, которому человек покажет объекты, которые он хотел бы нам представить, и ракурс, в котором их необходимо снять. Необходимость обращения к жителям объясняется тем, что если сбором будет заниматься исследователь – это принесёт элемент субъективизма, ведь исследователь сам является жителем какого-то района и может осознанно или неосознанно смотреть на другие районы с точки зрения жителя этого района.

Стоит отметить, что уже после этого этапа можно получить выводы, на которые можно ориентироваться при проектировании районов, для этого необходимо увеличить количество горожан, собирающих фотоснимки, а затем провести контент-анализ собранного материала. Таким образом, мы узнаем – какие образы большинство относит к негативным, а какие к позитивным, а потом учесть это при проектировании района (изменить или убрать негативные

образы, использовать позитивные). Однако такой способ будет адекватен целям лишь в случае относительной гомогенности генеральной совокупности. В случае если население города гетерогенно следует обратиться к следующим этапам.

Этап №4: Конструирование анкеты проективного характера на основе собранных материалов.

На основе собранных фотоснимков необходимо создать анкету, в которой мы просим респондента отметить тот вариант, который больше нравится ему визуально, оценивается респондентом как более подходящий для собственной жизни. В каждом вопросе будут 2 снимка разных микрорайонов, соответственно, число вопросов в каждом блоке будет равняться числу сочетаний из общего количества типовых микрорайонов. Блок в нашем случае будет соответствовать категории анализа, которые были выделены при контент-анализе.

Например, такими блоками могут быть «жилище», «двор», «дороги», «мусорные баки», «зоны отдыха» и другие в зависимости от того, что именно будет представлено на собранных снимках. Анкету так же необходимо дополнить демографическим блоком.

Этап №5: Опрос горожан с помощью полученной анкеты.

Поквартирный опрос горожан по методу случайной стратифицированной выборки. Стратификация происходит в соответствии с типом жилого района (используем всё ту же классификацию из первого пункта). Соответственно, в каждой страте отбор осуществляется случайным или механическим образом.

Этап №6: Анализ результатов и описание выводов.

Статистический анализ полученных в результате опроса данных с целью выявления по каждому блоку образа, который наиболее благоприятен для большинства. Анализ производится в соответствии с демографическими характеристиками, ведь возможность того, что разным группам населения приятны различные визуальные образы, не исключена.

Тогда необходимо проектирование нескольких микрорайонов, в соответствии с потребностями различных групп. Это выгодно как горожанам, так и строительным фирмам, ведь так они легче смогут оценивать целевую аудиторию района, который строят и подстраиваться под потребности своих будущих покупателей.

Подводя итог, хочется ответить, что предложенный в данной статье метод является попыткой объединить различные методики и принципы получения социологической информации для решения заявленной проблемы. Результаты исследования по этому методу выявляют не идеальные типы, то есть какие-то виртуальные, гипотетические образы, которые необходимо разработать дизайнерам. Результаты выявляют образы уже, существующие в разных районах города, которые позитивно оцениваются горожанами; проектировщикам необходимо их лишь органично объединить. Для проверки работоспособности предложенного метода на практике необходим пилотаж, в ходе которого некоторые этапы, например, принципы конструирования анкеты, могут быть модифицированы.

Литература

1. Бергер П. Л. Конструирование социальной реальности. Трактат по социологии знания / П. Л. Бергер, Т. Лукман. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
2. Ежова Н. А. Городской визуальный ландшафт как фактор формирования культуры личности [Электронный ресурс] // Н. А. Ежова. Культуроформирующие основы визуального городского ландшафта: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01. – Тамбов, 2005. – Гл. II. – 151 с. – Электрон. версия печатн. публ.
– <http://analiculturolog.ru/old/index.php?module=kon&func=viewpage&pageid=119> (дата обращения: 03.02.2012).
3. Заборова Е. Н. Ценностное отношение к городской среде [Электронный ресурс] / Е. Н. Заборова. – Электрон. дан. – URL: http://strategy.burg.ru/res15_p2.htm (дата обращения: 16.05.2012).
4. Захарова Н. Ю. Визуальная социология: фотография как объект социологического анализа // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2008. – № 1. – С. 147-161.
5. Сергеева О.В. Исследовательское поле визуальной социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2008. – Т. 11. – № 1. – С. 136-146.
6. Штомпка П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования: учеб.: пер. с польск. / П. Штомпка; пер. Н. В. Морозовой, авт. вступ. ст. Н. Е. Покровский. – М.: Логос, 2007. – 168 с.

ЭКЗАМЕН КАК ФАЛЬСЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОЦЕДУРА В ОЦЕНКАХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И СТУДЕНТОВ УЧРЕЖДЕНИЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

М. В. Каширина (Вернер)

Научный руководитель – д. филос. н. Р. Н. Ибрагимов

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова

Информационное взаимодействие в процессе социальной коммуникации часто по умолчанию понимается как циркулирование истины. Но в действительности информационный контакт амбивалентен, т.е. может содержать как истину, так и ложь [1. С. 125].

С точки зрения социологии, «ложь» следует определять, как форму социального взаимодействия, заключающуюся в намеренном искажении действительности ради достижения желаемой цели или стремления избежать нежелательных последствий [2]. В определённых социальных условиях ложь становится «выгодна» не только «лжецу», но и «адресату лжи». И здесь следует сразу оговориться, что в дальнейшем в данной работе мы будем рассматривать не те случаи, когда «адресат лжи» не знает или не осознает, что ему лгут. Речь идет именно о тех случаях, когда оба участника взаимодействия осознают ложь, но при этом делают вид, что не замечают этого и «играют в правду». Тем самым устанавливаются определённые негласные нормы социального взаимодействия, при котором оба взаимодействующих осознают, что один из них лжёт, а другой это принимает. Описанную форму социального взаимодействия мы и будем понимать, как фальсеологическую интеракцию (или фальсеокоммуникацию).

Успешность социального взаимодействия непосредственно зависит от предсказуемости взаимных ожиданий Акторов друг от друга. Сначала деятели ищут общий язык, общее понимание ситуации, в которой протекает действие; после чего они, скоординировав усилия, достигают цели. Эту фазу социального взаимодействия Ю. Хабермас определяет, как «интерпретацию» – фазу, когда каждый Актор определённым образом интерпретирует ситуацию, в которой происходит действие, т.е. деятели ищут общий язык [3. С. 43-48, 198-211]. В случае с фальсеоинтеракцией в качестве взаимных ожиданий выступает как раз ложь. Иными словами, оба участника взаимодействия осознают, что роль одного из них – лгать, а другого – эту ложь принимать, но оба ожидают друг от друга демонстрации своего поведения как истинного.

Так, если ожидания лжи в коммуникации взаимны, и облегчают каждому из взаимодействующих достижение своих целей, то такая фальсеокоммуникация приобретает устойчивую форму, закрепляется, ритуализируется, входит в привычку и даже в подсознание Акторов. Под понятием «фальсеологическое взаимодействие» мы будем понимать такое социальное взаимодействие, в основании которого лежит *осознанность фальши (обмана, лжи) обеими сторонами коммуникации, и одновременное принятие ими этих «правил игры».*

Фальсеокоммуникация хорошо верифицируется процедурой сдачи экзамена в современном вузе. Принцип, заложенный в систему высшего образования, гласит, что в процессе получения высшего образования студенту приходится не только усваивать определённые знания, но и выдавать определённый результат. Именно поэтому в процессе обучения студент

проходит определённые этапы промежуточного и итогового контроля. Сессия, сдача экзамена – процедура, которую должен проходить каждый студент. Это – декларативно – проверка студента на профессиональную пригодность, объективная оценка его знаний и степени их соответствия тем знаниям, которыми должен владеть специалист.

В действительности же не для кого не секрет, что не всегда оценка, полученная на экзамене, соответствует знаниям студента. Речь идёт о тех случаях, когда в процессе сдачи экзамена, преподаватель и студент вступают в своего рода «игру», где не знающий ответа на билет студент пытается обмануть преподавателя (например, воспользоваться шпаргалкой), а преподаватель, осознавая обман студента, всё равно это принимает и ставит ему как минимум удовлетворительную оценку на экзамене.

В объективном оценивании и возможном отсеке студентов преподавателя ограничивает, прежде всего, установки руководства, которое косвенно, через норматив количества преподавательских ставок на контингент студентов, регулирует количество студентов, получивших неудовлетворительную оценку на экзамене. Оценка студентов на экзамене есть определённый показатель работы преподавателя, который может обратиться против него руководством вуза.

Анализ нормативно-правовой базы [4], [5] показал, что такой показатель, как «контингент обучающихся», является важным при расчете стимулирующих выплат. Чем больше численность обучающихся, тем больше размер стимулирующей выплаты. Кроме того, одним из показателей, учитываемым при расчёте рейтинга структур, является «сохранность контингента» [5. С. 4-5]. Эти организационные параметры составляют объективные условия, которые вынуждают преподавателей выставить незаслуженные оценки.

В результате этого преподаватель вынужден выстраивать процедуру так, чтобы студенты успешно сдали экзамен. Не стоит говорить, насколько заинтересованы в этом студенты-шпаргалочники. Тем самым экзамен как форма контроля приобретает всего лишь формально-имитативный характер, и в процессе сессионных процедур закрепляется как фальсеологическая интеракция.

Нами было проведено исследование по данной проблематике. Исследование проводилось на базе ХГУ им. Н. Ф. Катанова в апреле 2011г. Предметом исследования было отношение преподавателей и студентов высшего образования ХГУ им. Н. Ф. Катанова к экзамену как ложному взаимодействию. Была построена двухступенчатая выборка: лотерейным методом были отобраны 5 институтов ВПО (1/3 от всех институтов) и опрошено 13% студентов и преподавателей с каждого института. Объём выборки составил 143 студента и 22 преподавателя. Всего N=165.

По результатам проведённого нами опроса студентов, подавляющее большинство знают о том, что в их вузе бывают случаи, когда преподаватели ставят студентам оценки, не соответствующие их реальным знаниям. При этом множество студентов оценивают подобные ситуации как нормальное, естественное положение вещей (23,8%), а также явление, позволяющее студентам сэкономить время и усилия (27,3%). Около трети студентов (36,4%) всё же осознают, что подобное оценивание пагубно отражается на качестве

образования специалистов, но при этом утверждают, что это стало устойчивой социальной практикой.

Эталонная позиция (идеальный тип), означающая понимание пользы, смысла и предназначения контрольных процедур (и высшего образования в целом), а также добровольное приятие необходимости экзамена, которая склоняется к тому, что с фальсологическими, «маскировочными» искажениями необходимо бороться, составила 1,3%. Следует обратить внимание, что это те, кто только и должен, согласно декларациям, учиться в наших вузах (их 1,3%).

Кроме того, 97,2% опрошенных студентов признались, что списывают на экзаменах, и тем самым сами становились участниками «ложного» взаимодействия, выставляя обман за истину (списывание со шпаргалки за собственные знания). Списывание как способ сдачи экзамена приобрело ценностно-нейтральный характер.

Среди опрошенных студентов отчетливо образовались несколько групп. К первой группе отнесены те, которые списывают на каждом экзамене (14,4%) или минимум в каждую сессию (21,1%). Т.е. эту группу составляют те студенты, которые согласны на риск в любом случае. Мы можем предположить, что для них списывание – это устойчивая форма сдачи экзамена, приятая за «правило игры».

Не менее интересной для интерпретации оказалась следующая группа. К ней мы отнесли тех студентов, которые при подготовке к экзамену ориентируются на ситуацию, а точнее на преподавателя, которому им предстоит сдавать экзамен. Таких студентов оказалось 33,6%. Такая избирательность может означать только то, что многие студенты не только считают, что подобные «ложные» взаимодействия на экзамене нормальны, но и *ожидают* от преподавателя подобного поведения.

Следующую группу составили студенты, обозначившие частоту списывания словом «редко», (только при необходимости). Это типичное, заложенное в программу исследования автопозиционирование студентов как осознающих моральную недопустимость фальсификации процедуры. Т.е. у данной группы наряду с инструментальным имеет место моральный аспект.

Важно, что 91,6% опрошенных студентов уверены, что преподаватели знают о том, что студенты на их экзаменах списывают, и всего 8,4 % респондента уверены, что преподаватели не замечают этого. При этом 70% утверждают, что сами лично были в такой ситуации, когда преподаватель специально выходил из аудитории во время экзамена, или просто «закрывал глаза» на списывания студентов.

Устойчивость понимания обмана (лжи) как основы экзамена подтверждает тот факт, что большинство студентов и в будущем планируют списывать.

Большинство опрошенных нами преподавателей (95,6%) чаще или реже вынуждены выставлять как минимум «удовлетворительные» оценки тем студентам, знания которых явно не соответствуют необходимому минимуму.

Среди причин, вынуждающих их выставлять незаслуженные оценки, многие преподаватели называют сочувствие к студенту, нежелание, чтобы из-за их предмета кто-то был отчислен или лишен академической стипендии. И здесь следует сказать, что эта переменная зависит не только от социальных условий, но и от психологических особенностей личности. Поэтому мы не можем делать

никаких выводов о связи этой переменной с объективными условиями, для этого нужно проводить отдельное исследование, с применением методов психологии.

Для нас представляет интерес то, что большинство респондентов причиной, вынуждающей их выставлять незаслуженные оценки, называют давление, ограничение руководства. В частности, уже названный нами параметр «сохранения контингента» как показателя качества работы преподавателя.

Подобно результатам, полученным в ходе опроса студентов, большинство преподавателей (72,7%) также понимают, что выставление таких незаслуженных оценок пагубно влияет на качество выпускников вуза. Но при этом они отмечают, что этого не избежать. Доля тех, кто считает, что с этим нужно бороться, начиная с себя, составила 18,2%.

Анализируя и сопоставляя данные, полученные в результате опроса и студентов, и преподавателей, вырисовывается следующая картина. Преподаватели, находясь в определённых, ограничивающих их, социальных условиях, вынуждены выставлять студентам незаслуженные оценки, позволяя при этом студентам списать, или каким-либо образом облегчая процедуру сдачи экзамена.

Студенты в свою очередь понимают, что преподаватели знают, что они списывают, но при этом они также понимают, что они достигают, добиваются своей цели (минимум сдача экзамена, в будущем – получение диплома). В результате этого у студентов возникло представление об обмане, как о само собой разумеющемся явлении, и, кроме того, сформировалось ожидание подобного поведения от преподавателя в будущем.

Полученные данные свидетельствуют, что в современном образовании процедура сдачи экзамена приобрела устойчивую форму «ложной интеракции», так называемой фальсеоинтеракции.

Литература

1. *Ибрагимов Р. Н.* Социология духовной жизни. – Саарбрюкен: Lambert Academy Project, 2011. – 439 с.
2. *Латынина Ю. Л.* Социология лжи [Электронный ресурс]. URL: <http://www.qwas.ru/belarus/gramada/Sociologija-lzhi/> (дата обращения 13.06.2014).
3. *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб.: Наука, 2001. – 382 с.
4. *Положение* о порядке установления выплат стимулирующего характера работникам университета за добросовестный, качественный и эффективный труд / Устав ХГУ им. Н. Ф. Катанова. Условия и размеры ежемесячных выплат стимулирующего характера за интенсивность и высокие результаты работы по ПКГ должностей профессорско-преподавательского состава ГОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова» на 2008/2009 учебный год: [офиц. текст; протокол №6, от 02.12.2008]. – Абакан, 2011. – 7 с.
5. *Показатели* эффективности деятельности и критерии их оценки в Рейтинговой системе ГОУ ВПО ХГУ им. Н.Ф. Катанова по направлению «Учебная и учебно-методическая деятельность (включая трудоустройство выпускников)» на 2008/2009 учебный год. [офиц. текст; протокол №6, от 02.12.2008]. – Абакан, 2011. – 9 с.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ СОТРУДНИКОВ ИННОВАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ВУЗОВ В СФЕРЕ КОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ НАУЧНЫХ РАЗРАБОТОК

С. П. Моисеев

Научный руководитель – к. соц. н. С. В. Негруль
Томский государственный университет

На сегодняшний день система высшего образования становится одним из элементов будущей Национальной инновационной системы (далее – НИС). В соответствии с этим с недавнего времени вузы причисляются к списку институтов, которые должны обеспечивать производство инноваций наряду с частными и государственными исследовательскими центрами [1]. Подтверждением этого является оформление новой законодательной базы [3] и запуск различных государственных программ [4].

В структуре многих вузов и научно-исследовательских институтов имеются специальные подразделения, которые занимаются продвижением научных разработок: отделы коммерциализации научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (далее – НИОКР) и центры трансфера технологий (далее – ЦТТ). Анализ публикаций и статистических данных, касающихся деятельности данных подразделений, указывает на то, что в течение последних лет они работают неэффективно: «реальная ситуация, сложившаяся в вузах и научных учреждениях характеризуется низким количеством патентов, лицензий и малых инновационных предприятий, которое не соответствует объему и значимости проводимых научно-исследовательских работ, и задачам модернизации реального сектора экономики» [2].

В связи с задачами ускорения догоняющего развития, отделы ЦТТ в вузах и НИИ России должны повысить результативность своей работы. Особый интерес в этом смысле представляют ЦТТ в вузах, которые имеют статус «Национального исследовательского» (далее – НИ). Во многом именно сотрудники этих подразделений становятся теми субъектами, от действий которых зависит исполнение или неисполнение требований, предъявляемых к университетам. С одной стороны, сотрудники ЦТТ должны осуществлять действия по достижению поставленных перед отделом целей, и формально их результат оценивается по ряду критериев [5]. С другой стороны, процесс достижения результатов не обеспечен достаточной структурной поддержкой. Также ЦТТ на актуальном уровне не являются средством получения дохода для университета: для этого по-прежнему используется «советская модель» отношений, в которой вуз напрямую заключает хозяйственный договор с заказчиком. ЦТТ дополнительно обременяются необходимостью формирования образа инновационного университета, что влечёт за собой требование количественных результатов.

Согласно постулатам субъектно-деятельностного подхода, развиваемого такими авторами, как Т. Бернс, М. Арчер, Э. Гидденс, П. Штомпка [6. С. 242-255, С. 268-295], агенты любых социальных систем способны действовать творчески, а не просто воспроизводить сложившиеся социальные структуры. Соответственно, в данном исследовании был поставлен вопрос о том, какие социальные практики производят и воспроизводят сотрудники ЦТТ

национальных исследовательских университетов для того, чтобы достигать поставленных перед ними целей. Термин «социальная практика», понимаемый как продукт комбинации оперирования структуры и действий агентов [6. С. 273], вводится в работе в связи с тем, что для анализа и интерпретации данных в проведённом исследовании использовался понятийный аппарат и схема функционирования социальных систем Петра Штомпки [6. С. 275]. Такое обозначение позволяет выделить нерегламентируемую и творческую деятельность сотрудников ЦТТ и сделать акцент на том, что для достижения поставленных целей они производят новые структуры социальных отношений.

Объектом исследования стали сотрудники подразделений по коммерциализации НИОКР (ЦТТ) Национального исследовательского Томского государственного университета (НИ ТГУ), Национального исследовательского Томского политехнического университета (НИ ТПУ) и сотрудники смежных отделов, которые с ними сотрудничают, а предметом – социальные практики в сфере коммерциализации научных разработок, которые они реализуют.

Цель данного исследования заключалась в том, чтобы выяснить, какие социальные практики реализуют сотрудники ЦТТ НИ ТПУ и НИ ТГУ для выполнения требований, предъявляемых к их подразделениям.

Для достижения этой цели на первом этапе исследования была проделана работа по созданию классификации трудностей и препятствий, с которыми сталкиваются сотрудники ЦТТ. Эта классификация легла в основу бланка полуструктуризованного интервью для работников ТГУ и ТПУ. Также в него были заложены вопросы о существующих внутренних проблемах и способах их решения. Кроме того, для получения более полного представления о содержании социальных практик работников ЦТТ НИ ТПУ и НИ ТГУ в бланк интервью был включен блок вопросов о личных целях и интересах, которые они преследуют в ходе своей деятельности.

В результате обработки данных интервью был выделен ряд практик, которые реализуют сотрудники ЦТТ Томского государственного и Томского политехнического университетов.

1. Компенсаторные практики.

Такое название связано с тем, что сотрудники ЦТТ работают в тяжёлых условиях: ненормированный график, большое количество текущей работы, стрессы, связанные с представлением не своих разработок на выставках и конкурсах, на которых они часто привлекают большие финансовые средства. Эта ситуация усугубляется тем, что уровень их окладов и способы поощрения не позволяют компенсировать дополнительные нагрузки. Они решают данное противоречие следующими способами:

- *Перераспределение экономических ресурсов.* Сотрудники ЦТТ имеют возможность принимать участие в распределении средств грантов и призовых фондов различными не декларируемыми способами:

«Вопрос: Но каким-то образом есть возможность поучаствовать в распределении?»

Ответ 1: Да, без комментариев оставим этот вопрос [Информант 3, отдел коммерциализации НИОКР НИ ТГУ].

Ответ 2: Хотя явно зарплату нельзя получать, но стимулировать людей инновационно активных из этих средств можно [Информант 1, ЦТТ НИ ТПУ].»

- Также они *используют нематериальные средства компенсации*. К этим средствам относятся возможности прохождения стажировок в различных городах России, и за границей, а также оплачиваемые командировки для участия в конференциях или выставках. Таким образом, сотрудники ЦТТ вознаграждают себя за приложенные усилия, частично компенсируя «перегрузки», получаемые в ходе работы.

2. Другая группа практик – *достижительные*.

Сотрудники ЦТТ реализуют их для решения возникающих в процессе работы проблем и трудностей и достижения поставленных целей.

- Например, *практики решения проблемы недостатка квалифицированных кадров*. Квалифицированным в данном случае выступает человек, который может выстроить диалог с учёным на его языке и при этом разбирается в маркетинге и экономическом планировании [Информант 1, ЦТТ НИ ТПУ]. На данный момент на рынке труда существует ограниченное количество подобных специалистов, так как их подготовка только началась в структурах, подобных Факультету инновационных технологий ТГУ. К тому же в уже обозначенных сложных условиях могут работать только особые люди. Поэтому в ЦТТ принимаются только проверенные специалисты, которые уже знакомы с сотрудниками отдела и знают его работу «изнутри». Также это могут быть молодые люди, которые проходят через специальный отбор: участие в продвижении проектов ЦТТ. В отделах коммерциализации НИОКР нередко работают директора созданных ранее инновационных предприятий, знакомые с циклом процесса вывода разработок на рынок.

- Ещё один вид практики – это *выработка «особых» способов взаимодействия с учёными*. В привычной для себя терминологии информант из ЦТТ ТПУ назвал эти способы «ноу-хау» своего отдела. Содержание этого «ноу-хау» строится вокруг того, как стимулировать учёного к созданию малого предприятия, при этом культивируя в нём личную мотивацию:

«Ну, давайте отнесём это к ноу-хау работы нашего отдела... Они (*практики взаимодействия, авт.*) есть, мы их используем ... Мы уже знаем, на какие рычаги, где давить, как работать с разработчиком». [Информант 3, отдел коммерциализации НИОКР НИ ТГУ].

- Данная мотивация очень важна для реализации будущего проекта, так как в силу большой нагрузки сотрудники ЦТТ *сокращают собственную работу за счёт использования ресурсов заинтересованных агентов* – например, заявку на конкурс заполняет сам учёный или привлечённые студенты, а сотрудник осуществляет функцию редактора. Если у учёного имеются дополнительные средства, они могут быть направлены на покупку маркетингового исследования, что освобождает сотрудника от необходимости его проведения. Сотрудники ЦТТ идентифицируют себя как «*спецназ*» [Информант 1, ЦТТ НИ ТПУ], который берется за полное выполнение только наиболее важных и сложных задач, которые иногда могут быть не связаны с коммерциализацией.

Таким образом, как было сказано ранее в описании проблемной ситуации, сотрудники ЦТТ сталкиваются с рядом сложностей, которые имеют контекстуальный характер и проявляются в актуальных аспектах оперирования структуры. В слиянии этого процесса и их деятельности вырабатываются социальные практики, способствующие достижению работниками

необходимого результата: преодолевая институциональные барьеры, они компенсируют приложенные усилия и реализуют особые способы организации процесса труда, благодаря чему в университетах продвигаются научные разработки и создаются новые инновационные предприятия.

Литература

1. *Ицковиц Г.* Предисловие редактора [Электронный ресурс] // Г. Ицковиц. Тройная спираль. Университеты. Предприятия. Государство. Инновации в действии; пер. с англ. под ред. А.Ф. Уварова. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та систем упр. и радиоэлектроники [2010 –]. URL: <http://www.tusur.ru/export/sites/ru.tusur.ru/innovation/triplehelix/ickovic.pdf> (дата обращения: 19.05.2011).
2. *Матвеев А.А.* Состояние, проблемы и перспективы развития инфраструктуры, обеспечивающей деятельность вузов и НИИ в области интеллектуальной собственности [Электронный ресурс] // И. Ф. Леонов, Т. И. Матвеева, А. А. Матвеев, Санкт-Петербург, [2010 –]. URL: <http://www.nlr.ru/news/20100624/8.pdf> (дата обращения: 1.04.2011).
3. *Научным учреждениям и вузам предоставлено право создавать хозяйственные общества для практического применения результатов интеллектуальной деятельности* [Электронный ресурс] // [2009 –]. URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/7114.html> (дата обращения: 2.04.2011).
4. *Постановление* правительства Российской Федерации от 13 июля 2009 г. № 550 [Электронный ресурс] // [2009 –]. URL: <http://mon.gov.ru/dok/prav/obr/5556/> (дата обращения: 1.05.2011).
5. *Шапошников А.А.* Трансфер технологии в научно-образовательной сфере [Электронный ресурс] : Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. экон. наук [2004 –]. URL: <http://sun.tsu.ru/mminfo/0190-25160/019025160.pdf> (дата обращения: 19.05.2011).
6. *Штомпка П.* Социология социальных изменений: пер. с англ. / П. Штомпка; под ред. В. А. Ядова. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 416 с.

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА**МОТИВАЦИЯ ПРИНЯТИЯ ДЕТЕЙ,
ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ, В СЕМЬЮ**

А. В. Карманьшева

Научный руководитель – к. соц. н. В. В. Кашпур

Томский государственный университет

Высокое число детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей – одна из важнейших проблем современного российского общества. Как известно, воспитание детей в сиротских учреждениях заметно отличается от воспитания детей в семье. Эмоциональное, интеллектуальное и физическое развитие детей происходит успешнее в семье, нежели в государственных детских учреждениях. В условиях социокультурной трансформации российского общества происходит разрушение семьи, одним из последствий которого является увеличение детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей.

Существует несколько аспектов, согласно которым заявленная тема не может быть оставлена без внимания:

1. Высокое число детей, оставшихся без попечения родителей. В России около 800 тысяч детей, оставшихся без попечения родителей, а отсутствие семейного воспитания такого количества детей может привести к серьезным социальным последствиям, а именно – маргинализации выходцев из детских сиротских учреждений [4].

2. Внимание к этой проблеме со стороны государства и предпринимаемые действия по решению проблем детей, оставшихся без попечения родителей. В целях получения объективной информации о положении таких детей, воспитывающихся в разных формах семейного жизнеустройства, в сиротских учреждениях, а также для определения направлений деятельности, для разработки необходимых мероприятий необходимо изучение уже полученных результатов государственной политики в отношении детей, оставшихся без попечения родителей.

Государство предпринимает следующие действия. В последние годы правительство России рассматривало комплекс мер по профилактике и преодолению социального сиротства на 2009-2011 годы. Так, в ряде регионов введена практика воспитания детей, оставшихся без попечения родителей, в приёмных семьях, где на содержание детей, а также за их воспитание установлена выплата денежных средств. Размер денежных выплат устанавливается законом субъекта Российской Федерации [3].

Выплата денежных средств является стимулом для принятия детей, оставшихся без попечения родителей, в семью. А для граждан, которые берут на воспитание детей – это является дополнительным, а в ряде случаев, и единственным заработком. Именно мотивация приёмных родителей является

одним из аспектов, определяющим успешность воспитания и психологической реабилитации детей.

Отсюда формулировка проблемы: каковы основные мотивы принятия детей, оставшихся без попечения родителей, в семью в контексте реализуемой государственной политики?

В данном исследовании «дети, оставшиеся без попечения родителей» – это дети, родители которых: умерли; лишены родительских прав; ограничены в родительских правах; признаны безвестно отсутствующими; недееспособны (ограниченно дееспособны); отбывают наказание в исправительных колониях; обвиняются в совершении преступлений и находятся под стражей; уклоняются от воспитания детей; отказываются забрать детей из лечебных, социальных учреждений, куда ребенок помещён временно [5. С. 192-193].

Было проведено социологическое исследование, целью которого являлось определение основных мотивов принятия детей, оставшихся без попечения родителей, в семью; а также анализ результатов влияния государственной политики на формирование этих мотивов.

Для достижения цели и проверки гипотез использовались следующие методы: документальный; опрос экспертов; опрос приёмных родителей методом биографического интервью. Было проведено шесть интервью с экспертами и девять с приёмными родителями.

Предметом исследования выступали мотивы принятия детей, оставшихся без попечения родителей, на воспитание в семью; объектом – приёмные родители, принявшие этих детей. Была заявлена следующая гипотеза: основными мотивами принятия детей, оставшихся без попечения родителей, являются мотивы ценностно-рационального действия.

Следует отметить, что теоретико-методологическим инструментарием проведенной работы выступает типология мотивов социального действия М. Вебера, согласно которой:

а) Мотивы ценностно-рационального действия основаны на вере в ценность совершаемого действия – помощи детям, оказавшимся в сложной жизненной ситуации.

б) Мотивы целерационального действия – на достижении поставленной цели возможными средствами.

в) Мотивы традиционного действия – на привычке осуществлять то или иное поведение.

г) Мотивы аффективного действия основаны на эмоциях, вызванных жизненной ситуацией, проблемой [1. С. 605].

Результаты исследования таковы:

На основе проведённых интервью с приёмными родителями был составлен перечень мотивов, которыми они руководствовались, принимая детей, оставшихся без попечения родителей, в семью: «ребёнок близких родственников», «никогда не было своих детей», «свои дети выросли», «сострадание к ребёнку»; «работа» (материальный мотив), альтруизм, «дополнительная рабочая сила в семье»; «желание иметь ребёнка другого пола»; «возможная потеря собственного ребёнка»; «желание поддержать систему воспитания детей, оставшихся без попечения родителей, отличную от

интернатских учреждений»; «желание доказать, что ЗПР и ЗРР – не диагнозы, а последствия педагогической запущенности».

По результатам экспертных интервью, мотивы принятия детей, оставшихся без попечения родителей, в семью были классифицированы согласно концепции социального действия М. Вебера следующим образом:

а) Мотивы ценностно-рационального действия: «ребёнок близких родственников или друзей; «никогда не было своих детей»; «сострадание к ребёнку»; «желание иметь ребёнка другого пола»; «возможная потеря собственного ребёнка»; «альтруизм»; «желание поддержать систему воспитания детей, оставшихся без попечения родителей, отличную от интернатских учреждений»; «желание доказать, что ЗПР и ЗРР – не диагнозы, а последствия педагогической запущенности».

б) Мотивы целерационального действия: «материальный мотив»; «дополнительная рабочая сила в семье».

в) Мотивы традиционного действия: «свои дети выросли»; «желание поддержать систему воспитания детей, оставшихся без попечения родителей, отличную от интернатских учреждений».

г) Мотивы аффективного действия: «возможная потеря собственного ребёнка».

Экономическое положение опрошенных приёмных родителей с оформлением замещающей семьи изменилось в лучшую сторону за счёт выплат заработной платы. Часть информантов отметила, что денежных средств, выплачиваемых государством на содержание детей, не хватает, и зачастую тратится и зарплата приёмных родителей. Остальные респонденты положительно отзывались о пособиях на содержание детей, было отмечено, что это позволяет не ограничивать детей почти ни в чём. Из интервью с приёмным родителем: *«Пособие на содержание каждого ребёнка в совокупности с нашими доходами позволяет практически ни в чем не отказывать детям».*

В результате анализа суждений, высказанных приёмными родителями, было выявлено, что наиболее распространенные мотивы принятия детей, оставшихся без попечения родителей, относятся к мотивам целерационального действия, ценностно – рационального и традиционного действия. А именно, это мотивы: 1. «Сострадание к ребёнку»; 2. «Желание иметь ребёнка другого пола»; 3. «Материальный мотив». Обратим внимание, что мотив «желание иметь ребёнка другого пола» относится как к мотивам ценностно-рационального действия, так и традиционного действия. К первому типу, потому что для таких людей семья и воспитание детей представляет ценность. Как правило, у таких приёмных родителей традиционные представления о семье, состоящей из родителей и детей разного пола.

Таким образом, гипотеза о том, что основными мотивами принятия детей, оставшихся без попечения родителей, являются мотивы ценностно-рационального действия, опровергается. Заявленная гипотеза сформулирована после проведения опроса экспертов. Однако в интервью сами замещающие родители заявляли о том, что мотивы, которыми руководствовались, создавая приёмную семью, в том числе и целерациональные. То есть, можно наблюдать подкрепление одних мотивов другими. Из опроса экспертов было выяснено, что приёмная семья не может существовать на протяжении долгого времени, если

родители, руководствующиеся изначально целерациональными мотивами, продолжают руководствоваться ими же. Из экспертного интервью: «*То есть изначальная финансовая мотивация превратилась в просто здоровое родительство*» (пример перехода целерационального мотива в ценностно-рациональный).

Предпринимаемые меры, направленные на защиту прав детей, оставшихся без попечения родителей, работа по развитию семейных форм воспитания таких детей даёт результаты. В последние годы заметна динамика увеличения числа детей, воспитывающихся в приёмных семьях. Так, число детей в приёмных семьях увеличилось более чем в 3,5 раза с 381 в 2006 году до 1392 человек – в 2009 году (данные по Томской области) [2].

Так, можно сделать вывод о том, что воздействие принятых мер государственной политики отражается в усилении целерациональных мотивов родителей приёмных детей.

Литература

1. Вебер М. Избранные произведения: Перевод с немецкого / М. Вебер. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
2. Доклад о положении детей в Томской области в 2009 году [Электронный ресурс] // Официальный Интернет портал Томской области – URL: http://tomsk.gov.ru/ru/social_ground/family_and_children/archive/ (дата обращения: 07.04.2011).
3. Закон Томской области от 19 августа 1999 г. N 28-ОЗ «О социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Томской области» [Электронный ресурс] – URL: <http://duma.tomsk.ru/page/11092/> (дата обращения: 20.12.2010).
4. Число детей-сирот [Электронный ресурс] // Демоскоп – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0309/tema08.php> (дата обращения: 21.03.2011).
5. Шептенко П.А. Методика и технология работы социального педагога / П.А. Шептенко – Москва: Академия, 2001. – 204 с.

АНАЛИЗ ОТНОШЕНИЯ СТУДЕНТОВ ТГУ К НАРКОЗАВИСИМЫМ

А. В. Слободская

Научный руководитель – ст. преп. Е. А. Аверина

Томский государственный университет

Проблема наркомании характеризуется сложностью не только в плане изучения, разработки лечебных и профилактических программ, но и в плане привлечения самих наркозависимых к участию в этих программах. Среди основных причин можно назвать не только тот факт, что в обществе осуждается употребление наркотиков, но и то, что сами наркозависимые подвергаются остракизму. Они не обращаются за помощью, как в лечебные, так и в реабилитационные учреждения, опасаясь реальной или воображаемой дискриминации. Значительную долю наркозависимых составляют молодые люди в возрасте до 25 лет [2. С. 5]. Именно на этот возрастной период приходится обучение в высших и средних профессиональных учебных заведениях. Таким образом, студенты, как в силу возраста, так и по причинам оторванности от дома, чаще, чем представители других возрастных групп, сталкиваются с проблемой наркомании. Студенты играют значительную роль в будущем страны, так как их установки, стереотипы и воззрения в целом будут влиять на социальный и эмоциональный климат в обществе. Поэтому и отношение студентов к наркозависимым будет влиять на развитие лечебных и профилактических программ для данной категории. Для того чтобы проанализировать отношение студентов ТГУ к наркозависимым, было проведено пилотажное, количественное исследование, в ходе которого методом анкетирования было опрошено 100 студентов ТГУ, обучающихся на психологическом, философском и историческом факультетах. Возраст опрошенных составил 18-22 года. Были опрошены 77 девушек и 23 юноши. Анкета была составлена для сбора информации по нескольким блокам, по ним же и будет проведен анализ.

1. Степень информированности о проблеме. Результаты исследования говорят о высокой степени информированности студентов о проблеме, практически все они знают, что такое наркомания (92%). Источниками получения информации послужили: СМИ – 72 респондента ответили, что получили информацию из газет, журналов, теле- и радиопередач; 58 получили информацию благодаря социальной рекламе (плакатам, баннерам, настенным газетам); 57 почерпнули информацию от друзей, знакомых. Значительное большинство респондентов (92%) выбрали сразу несколько источников получения информации, что говорит о том, что информация о данной проблеме циркулирует и распространяется в различных информационных средах. Основными побудительными причинами интереса к данной проблеме послужили: телепередачи (34), прочитанные книги, просмотренные фильмы (32), кто-то из знакомых, друзей столкнулся с данной проблемой (29). Наиболее популярным источником информации и поводом для обсуждения выступают сведения, расположенные в СМИ, что может свидетельствовать о том, что в средствах массовой информации проблема наркомании обсуждается чаще и преподносится интересней и разнообразней.

2. *Отношение к проблеме наркомании.* Несмотря на то, что большинство опрошенных признает наркоманию заболеванием (86%), при ответе на более персонализированный вопрос о проблеме лишь 59% респондентов ответили, что наркозависимые – это люди, страдающие заболеванием, 45% отметили, что это опустившиеся, слабовольные люди. Предоставленный вариант ответа о том, что наркозависимые являются опустившимися, слабовольными людьми, является достаточно распространенной стигмой [1. С. 43]. Значительная часть респондентов выбрала именно этот вариант для определения понятия «наркозависимый». Следует проанализировать причину, по которой наркомания считается заболеванием, а наркозависимый (т.е. индивид, страдающий наркоманией) заболевшим не считается. Для этого необходимо посмотреть эмпирическую оценку, данную респондентами понятию «наркоман». Чаще всего понятие «наркоман» ассоциируется со страхом (32) и отвращением (27), жалостью/отчуждением (25), презрением (23). Именно поэтому произошло такое сильное разделение ответов на вопрос о том, что такое наркомания в общем и персонализированном смысле. Т.е. сам термин наркомания ни отчуждения, ни страха не вызывает. Однако, когда речь идет о людях, страдающих этим заболеванием, достаточно большое количество опрошенных склоняется к мнению, что это опустившиеся, слабовольные люди, и это не случайно, ведь большинство респондентов отметили, что понятие «наркоман» ассоциируется у них с понятием «отвращение».

3. *Отношение к наркозависимым в личной и производственной сферах.* Необходимо посмотреть, изменяется ли отношение к наркозависимым в различных сферах социального взаимодействия. В ситуации, если друг стал наркозависимым, большинство (88%) респондентов отмечают, что попытались бы ему помочь, поговорили с ним; 7% – сведут к минимуму или полностью прекратят общение; 4% – не обратят никакого внимания. В сфере производственных отношений ситуация несколько отличается. Отвечая на вопрос о том, как изменится отношение к подчинённому-наркозависимому, треть респондентов отметили, что попытаются найти причину для увольнения только в том случае, если такой работник некачественно выполнял свои обязанности. Получается, что, несмотря на то, что сам факт наркозависимости – это личная проблема работника, все же она является достаточно важным фактором при построении производственных отношений. Несмотря на то, что уровень игнорирования проблемы достаточно низок, в сфере личных отношений он будет выше (4%), нежели в производственной (0). Данная тенденция связана со следующими факторами. Во-первых, сфера производственных отношений предполагает большую дистанцированность, чем сфера личного общения; индивиды объединены в рабочие группы, в первую очередь, для достижения определённых целей, а не для построения личностных, дружеских отношений. Поэтому проще уволить «проблемного» сотрудника, чем попытаться помочь ему, ведь это отнимет время от рабочего процесса. Во-вторых, это проявление негативного стереотипа о том, что наркозависимые – индивиды, склонные к делинквентному поведению (преступному поведению).

4. *Установки на изоляцию и самоизоляцию.* Несмотря на то, что треть респондентов отмечает, что наркозависимые в России подвергаются дискриминации, большинство ответивших настаивает на применении

насильственных мер по отношению к ним. Получается, что это признание является, по сути, проецированием внутренней позиции респондентов на внешнюю социальную действительность. Очевидна и установка на изоляцию, так как принудительное лечение, является хоть и временной, но все же формой изоляции наркозависимых от общества. Сравнивая эти данные с данными о том, как характеризуется понятие «наркоман» (повторим, что большинство респондентов выбрали вариант «страх»), можно говорить о том, что стремление к изолированию наркозависимых – это стремление обезопасить, огородить себя и своих близких. Это подтверждается и анализом блока вопросов, направленных на установки самоизоляции, где почти половина опрошенных (43%) будет проявлять осторожность в общении с наркозависимыми; треть (21%) будет стремиться отказаться от каких-либо контактов с ними. Таким образом, установка на самоизоляцию проявляется в меньшей степени, нежели установка на изоляцию наркозависимых.

5. Профилактика наркозависимости. Практически все респонденты (94%) считают необходимым проведение профилактических программ. Вопрос о том, как следует выстраивать профилактические программы, набрал наибольшее число свободных ответов. 13 из 19 индивидов, давших свой ответ, настаивают на том, что профилактические программы необходимо основывать на привитии отвращения, как к наркомании, так и к наркозависимым в целом. Особенно показательными являются следующие ответы: «Необходимо рассказывать о вреде наркотиков, ещё и показывать: в школе пару раз приезжали волонтеры, показывали видео о наркоманах – никогда не забуду отвращение, которое они вызвали у меня, эффективно очень»; «Необходимо снимать на видео могилы, убитых героином». Маловероятно, что респонденты интересовались тем, на чём необходимо основывать профилактические программы. Отвечая на данный вопрос, они исходили либо из своего субъективного восприятия, либо из полученного опыта, т.е. опирались на те профилактические программы, в которых сами участвовали в качестве слушателей. Таким образом, профилактические программы, составленные с акцентом на построение негативного образа наркозависимых, не только прививают отвращение к наркомании, но и к самим наркозависимым в целом, что в конечном счёте приводит к появлению установок на изоляцию наркозависимых и на самоизоляцию от них.

Подводя итоги, необходимо отметить, что степень информированности студентов о проблеме наркозависимости достаточно высокая. Основным источником информации о проблеме выступают средства массовой информации – газеты, журналы, теле- и радиопередачи. Они же чаще всего и становятся причиной для обсуждения проблемы.

Отношение студентов к наркозависимым в целом можно охарактеризовать как негативное, связанное со страхом и отрицанием. При этом студенты признают, что наркозависимые в России подвергаются дискриминации, однако сами настаивают на проведении в отношении них насильственных методов воздействия, связанных с изоляцией. Кроме того, отношение к наркозависимым отличается в личной и профессиональной сферах взаимодействия. Говоря о профилактике наркомании, студенты признают необходимость проведения превентивных программ. Однако часть студентов считают необходимым

акцентировать внимание на привитии отвращения, как к самой проблеме наркомании, так и к наркозависимым в целом, что связано с направлением профилактических программ, в которых они участвовали. Таким образом, наблюдается прямая зависимость между отношением к наркозависимым и направлением профилактических программ, ведь все студенты, отмечающие необходимость построения программ на привитии страха перед наркоманией, признают, что наркозависимые вызывают у них негативные эмоции.

Литература

1. *Александров А. А.* Стигматизация в наркологии // *Медицинская панорама*. – 2006. – №6. – С. 42-46.
2. *Гуревич И. Н.* Наркоситуация в вузе. Оценка и мониторинг: учебное пособие / *И. Н. Гуревич, А. А. Березников, Ю. В. Гранская*. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2005. – 348 с.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

Углинская Надежда Александровна – аспирант философского факультета ТГУ.
Шкурихин Илья Андреевич – аспирант философского факультета ТГУ.

ОНТОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Васильева Ирина Александровна – аспирант Института искусств и культуры ТГУ.
Вовченко Виктор Игоревич – студент 2-го курса философского факультета ТГУ.
Кручинин Эдуард Анатольевич – студент 3-го курса философского факультета ТГУ.
Малахова Юлия Николаевна – аспирант философского факультета ТГУ.

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

Аюшева Долгор Мункоевна – студент 3 курса философского факультета ТГУ.
Филипповский Виталий Александрович – аспирант Самарского государственного аэрокосмического университета, Самара
Яткина Евгения Олеговна – студент 3-го курса философского факультета ТГУ.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ, ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА И ЛОГИКА

Алескерова Лейла Мехмановна – студент 5-го курса философского факультета ТГУ.
Пивоваров Вячеслав Олегович – студент 3-го курса философского факультета ТГУ.
Прохоров Михаил Петрович – магистрант философского факультета ТГУ.
Санжениаков Александр Афанасьевич – аспирант Института философии и права СО РАН, Новосибирск.
Филипповский Виталий Александрович – аспирант Самарского государственного аэрокосмического университета, Самара.

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНЫХ И ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК

Чубарь Полина Ивановна – студент 1-го курса философского факультета ТГУ.

ГУМАНИТАРНАЯ ИНФОРМАТИКА

Чекунова Анастасия Вадимовна – студент 4-го курса философского факультета ТГУ.

ПОЛИТОЛОГИЯ

Алёхина Анастасия Юрьевна – аспирант философского факультета ТГУ.

Валова Александра Игоревна – студент 4-го курса философского факультета ТГУ.

Воеводин Никита Андреевич – студент 3-го курса философского факультета ТГУ.

СОЦИОЛОГИЯ

Берёзкин Александр Юрьевич – студент 2-го курса философского факультета ТГУ.

Каширина (Вернер) Мария – студент 4-го курса Центр социально-политического и гуманитарного образования Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, Республика Хакасия.

Моисеев Станислав Павлович – студент 3-го курса философского факультета ТГУ.

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА

Карманьшева Анна Викторовна – студент 3-го курса философского факультета ТГУ.

Слободская Анастасия Валерьевна – студент 4-го курса философского факультета ТГУ.

Научное издание

Initia

Инициа

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛЬНЫХ НАУК
(6–7 мая 2011 г. и 27–28 апреля 2012 г.)**

XIII и XIV Всероссийская конференция молодых учёных

Под редакцией И.А. Еришовой

Издание подготовлено в авторской редакции

Подписано в печать 30.06.2014 г. Формат 70×108^{1/16}
Печ. л. 6,75; усл. печ. л. 9,45.
Тираж 30 экз. Заказ № 98.

Отпечатано на оборудовании
Издательского Дома
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел. 8(382-2) 53-15-28

ISBN 978-5-9462-1460-5

9 785946 214605 >